

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
HUMANITĀRO UN SOCIĀLO ZINĀTŅU INSTITŪTS

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTES
STARPTAUTISKO ZINĀTNISKO KONFERENČU
RAKSTU KRĀJUMS

Starptautiskās zinātniskās konferences
“*Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2018*”
materiāli
(2018. gada 12.–13. oktobris)

I DAĻA. SOCIOLOĢIJAS AKTUALITĀTES

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCES OF
FACULTY OF SOCIAL SCIENCES OF
DAUGAVPILS UNIVERSITY

The materials of the International Scientific Conference
“*Social Sciences for Regional Development 2018*”
(12th–13th October, 2018)

PART I. ISSUES OF SOCIOLOGY

~ DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS “SAULE” ~

2019

Apstiprināts DU Humanitāro un sociālo zinātņu institūta Zinātniskās padomes sēdē 2019. gada 7. maijā, protokols Nr. 3.

Meņšikovs V. (zin. red.) *Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums. Starptautiskās zinātniskās konferences “Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2018” materiāli. I daļa. Socioloģijas aktualitātes*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2019. 146 lpp.

Rakstu krājuma redakcijas kolēģija:

Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskais redaktors
Vadošā pētniece, Dr. oec. **V. Komarova** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (ekonomika)
Prof., PhD **Dz. Iliško** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietniece (socioloģija)
Prof., Dr. iur. **J. Teivāns-Treinovskis** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (tiesību zinātne)
Prof., Dr. hab. paed., Dr. hab. psych. **A. Vorobjovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija) – zinātniskā redaktora vietnieks (sociālā psiholoģija)
Doc., Dr. oec. **L. Aleksejeva** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Vadošā pētniece, Dr. oec. **O. Lavriņenko** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Asoc. prof., Dr. iur. **J. Neimanis** (Latvijas Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. psych. **M. Nesterova** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Doc., Dr. paed. **I. Ostrovska** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Pētniece, Dr. oec. **V. Šipilova** (Beira *Interior* universitāte, Portugāle)
Dr. iur. **M. Potapovs** (Novosibirskas Valsts Tehniskā universitāte, Krievija)
Pētniece, Dr. oec. **O. Ruža** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. oec. **J. Vankeviča** (Vitebskas Valsts Tehnoloģiskā universitāte, Baltkrievija)
Prof., Dr. iur. **V. Zahars** (Daugavpils Universitāte, Latvija)

Recenzenti:

Prof., Dr. hab. sc. soc. **A. Matulionis** (Lietuvas Sociālo pētījumu centrs, Lietuva)
Prof., Dr. sc. soc. **V. Meņšikovs** (Daugavpils Universitāte, Latvija)
Prof., Dr. sc. soc. **S. Partickis** (Ļublinas Katoļu Universitāte, Polija)

Rakstu krājumā iekļauti Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes un Humanitāro un sociālo zinātņu institūta starptautiskās zinātniskās konferences (2018. gada 12.–13. oktobris) materiāli: augstskolas zinātnieku, doktorantu, kā arī citu Latvijas un ārzemju sadarbības augstskolu zinātnieku raksti socioloģijas nozarē.

Par rakstos atspoguļotajiem faktiem, viedokļiem un terminoloģiju atbild rakstu autori.

Ir iekļauts datu bāzē: / Included in the database: / Включён в базу данных:
Electronic Journals Library of University of Regensburg.

SATURS / CONTENTS

<i>Monika Dorota Adamczyk</i> (Poland)	
AGING OF THE POLISH SOCIETY AS A CHALLENGE FOR THE GLOBAL ECONOMY	5
Старение польского общества как вызов глобальной экономике	
<i>Alina Betlej</i> (Poland)	
KNOWLEDGE IN REGIONAL DEVELOPMENT – NETWORKS AND ACTORS	15
Знания в региональном развитии – сети и субъекты	
<i>Jan Gondek</i> (Poland)	
BRAND – PRODUCT – REGION. FROM ADVERTISING TO IMAGE ON THE WEB	22
Бренд – продукт – регион. От рекламы к изображению в сети	
<i>Pavlo Korobov</i> (Poland)	
UKRAINIAN CIVIL SOCIETY: STRUCTURE, PROBLEMS AND NEW CHALLENGES	32
Украинское гражданское общество: структура, проблемы и новые вызовы	
<i>Katrine Kūkoja, Ligita Kūle</i> (Latvia)	
DIFFERENT APPROACHES IN PROVIDING EARLY CHILDHOOD EDUCATION SERVICES FOR VULNERABLE GROUPS IN LATVIA	40
Dažādas pieejas agrīnas pirmsskolas izglītības nodrošināšanai mazaizsargātajās grupās Latvijā	
<i>Katarzyna Kwiatosz</i> (Poland)	
CULTURAL HYBRIDIZATION AND THE URBAN SOCIAL SPACE	48
Культурная гибридизация и городское социальное пространство	
<i>Marzena Piotrowska-Trybull</i> (Poland)	
ARMY AS AN ELEMENT OF LOCAL ENVIRONMENT – A TERRITORIAL AND ORGANIZATIONAL PERSPECTIVE	59
Армия как элемент местной среды – территориально- организационная перспектива	
<i>Rafail Prodani, Jozef Bushati</i> (Albania), <i>Aigars Andersons</i> (Latvia)	
AN ASSESSMENT OF IMPACT OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGY IN ENTERPRIZES OF KORÇA REGION IN ALBANIA	71
Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на предприятиях в регионе Корча в Албании	

<i>Anastasiia Simakhova</i> (Ukraine)	
INNOVATIVE ASPECTS OF PROVIDING SOCIALITY	82
Иновационные аспекты обеспечения социальности	
<i>Ольга Волкова</i> (Латвия)	
ПОКАЗАТЕЛИ ФИНАНСОВОЙ ДОСТУПНОСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ОПЫТ МИРОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	88
Veselības aprūpes finansiālās pieejamības rādītāji (pasaules pētījumu pieredze)	
<i>Владимир Меньшиков, Ольга Волкова</i> (Латвия)	
ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЛАТВИИ: ОПЫТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	102
Digital Reality in Latvia: Healthcare Experience	
<i>Валерий Никифоров, Никита Никифоров</i> (Латвия)	
МОДЕЛИ, ТИПЫ И ТЕХНОЛОГИИ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ	120
The Models, Types and Technologies in Effective Teaching Education	
<i>Никита Никифоров</i> (Латвия)	
ВНЕДРЕНИЯ БОЛОНСКИХ РЕШЕНИЙ: ОПЫТ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	128
Implementation of Bologna Declaration Standards: The Experience of The Republic of Latvia	
Ziņas par autoriem / About authors	141
Vispārīgās prasības zinātniskam rakstam	143
General requirements for the paper	145

Monika Dorota Adamczyk (Poland)

AGING OF THE POLISH SOCIETY AS A CHALLENGE FOR THE GLOBAL ECONOMY

Progressing aging processes of modern societies are forcing the social policy entities to take actions counteracting the consequences of these processes. An especially important role in such actions is fulfilled by social economy, which combines economic and social goals. What are the actions of social entrepreneurship support the evergrowing group of elderly people? What institutions or services are operating on the polish market, and which ones are lacking? The following text will attempt to answer those questions, among others.

Key words: aging, social economy.

Introduction

Demographers are pointing our attention to the growing problem of the aging population, not only in Poland, but also in most developed and developing countries. The society structure is changing. This process is based on the increasing trend in the share of the elderly group in the general population. The growing percentage of elderly in the population structure is becoming a global problem – the report authors say. Currently one in nine people, so approximately 810 million of people are at least 60, but in the year 2050 that number will be one in five, meaning over 2 billion (UNECE 2018). One of the consequences of the population changes observed in Poland is a change of the traditional, family elderly care model. Because of the changing proportions of elderly people and young people, the care is taken over by the state, or private entrepreneurs. It is estimated that within the next few decades this trend of changes of proportions between elderly and young people will continue to grow. As a result of those changes, the increasing needs will be accompanied by more and more modest demographic resources that are supposed to satisfy them. The demographers stress that Poland is one of the countries in which this change will be exceptionally severe, because, according to the prognoses, it will change from one of the youngest countries in the European Union into one of the oldest by 2060 (GUS 2014a; UN 2015a; UN 2015b). The increasing number of elderly people will cause an increase in need for care workers and other people whose work is to care for the

elderly. As written by A. I. Brzezińska and J. A. Sienkiewicz-Wilowska, the closest surroundings, family and neighbors, often are responsible for providing elderly people with new offers for activities, to create chances for them to develop and care for the quality of their lives (Brzezińska, Wilowska 2010, pp. 45–55). Elderly caregivers often have to bear the difficult and emotionally exhausting role of a mediator (Brzezińska, Sienkiewicz-Wilowska, Wójcik 2011, pp. 119–128) that would mediate the contact with the environment, both physical and social. What meaning do the aforementioned demographic changes have for the development of social economy, especially for the elderly social services sector?

The specificity of aging processes in the Polish population

In the last few years, there has been a visible increase in the interest in the issue of age and aging, which is without a doubt related with the fast demographic changes (Szukalski, Kałuża-Kopias 2013; Czapiński, Błędowski 2014). As of now, Japan is the only country in the world in which people above the age of 60 consist 30% of the population, but in the year 2050, a similar situation will be observed in over 60 countries, including China, Canada, and Albania. Furthermore, the aging of the society is ceasing to be a problem of only rich countries. Currently approximately 65% of all people above the age of 60 live in developing countries, but that number will grow to as much as 80% by 2050. In case of Poland, according to GUS prognoses, there will be 18 732 602 people between the ages of 15–64 in by 2050, and 11 097 488 people above the age of 65, which will constitute nearly 33% of the population of Poland (GUS 2014b). Such a course of demographic processes will cause, among other things, a decrease in the birth rate to as low as 254,7 thousand in the year 2050, with a simultaneous increase in deaths from 387,3 thousand in 2013 to 428,2 thousand in 2050. Both processes described above, as well as the insignificant impact of the foreign migration balance will deepen the negative natural growth and actual growth of the population (Waligórska, Witkowski 2014, pp. 70–73), and we will see a systematic population decline, from 38.5 million in 2013 to around 34 million in 2050. The changes of the population age structure will deepen the society aging process in Poland.

Considering these changes it should be noted that for most areas of future socio-economic development, the presented demographics trends are largely irreversible and actions currently being taken can only influence

them to a limited degree. What impact the presented demographic changes will and already have on the social economy, in particular on the development of social services aimed at the elderly?

What is social economy?

Social economy, also known under the name of social entrepreneurship, is only one of the methods of defining economical activity that combines social and economic goals. The definition of social economy is very broad. It is defined as a sphere of civic activity which, through economic activity and public benefits activities, serves professional and social integration of people at risk of social marginalization, creates work places and provides social services of general interest (KPRES 2012, p. 10). It means that for the social economy entities, the social mission is of vital importance, along with the economic goals. The definition of social entrepreneurship as proposed by the European research network EMES (European Research Network) is also used. According to it, a social entrepreneurship is considered an activity in primarily social goals, profits of which are reinvested into such goals or the community, and not maximizing profits or increasing the profit margins of shareholders or owners (Euricse and the International Labour Organization 2017). EMES defines social and economic criteria which characterize social economy initiatives (Sacchetti, Borzaga 2015, p.15). Those include economic criteria:

- running a continuous, regular activity based on economic instruments;
- independence, sovereignty of institutions in relation to public institutions;
- existence of paid staff, even in small groups.

The social criteria consist of, among others:

- clear orientation on the socially useful purpose of the undertaking;
- bottom-up, civic nature of the initiative;
- a specific, management system, as democratic as possible;
- a community nature of activities;
- limited distribution of profits (KPRES 2012, pp. 14–5).

There can be also indicated a more general criteria determining the important role of the social economy in ensuring social and economic development:

1. Social reorientation of production;
2. Reduction of social differentiation and inequality of population;
3. Development of the middle class as the basis of social economy;
4. Humanization of labour and life of

population; 5. Increase of the importance of social sphere; 6. Provision of quality education and medicine; 7. Promotion of implementation of social capital; 8. Provision of stable development of society, as well as universal security (Menshikov et al. 2017).

In Poland, aside from the criteria listed above, additional attention is paid to the local character of social entrepreneurship, considered as both the creation by local communities and the attitude of social entrepreneurship to support local developments.

In the sphere of social economy, entities belonging to five main groups can be observed:

- reintegration entities that serve to socially and professionally reintegrate people at risk of social exclusion, ie. Vocational Activity Centers, Occupational Therapy Workshops, Social Integration Centers, Clubs of Social Interaction; those forms will not be considered social enterprises in any case, but can serve to prepare for running or working in a social entrepreneurship or be run as a service for the local community by social enterprises;
- entities working in the sphere of public service which conduct economic activity, employ staff, although their operation is not based on any economic risk. These are non-government organizations that conduct paid and unpaid public benefit activities; these entities may become social enterprises if they engage in economic activities within a specific scope, while also undertaking statutory obligations regarding distribution of profits;
- entities working in the economic sphere, which were however created in relation to fulfilling a social goal, or for which the social purpose of common interest is the *raison d'être* of commercial activity. These are entities that do not meet all the characteristics and criteria regarding operating as a social entrepreneurship. This group can be divided into three subgroups:
  - a) non-government organizations that conduct business activities, the profits of which support the implementation of statutory goals.
  - b) facilities of professional activity;
  - c) communes, purpose of which is employment: other communes of a consumer and reciprocal character (Kubicka 2013, pp. 2–3).

Social Economy in the European Union – Selected Aspects

As the authors of the article “Social economy as a tool to ensure national security” point out, at the basis of the growing popularity of the social economy is probably putting the human being in the center of attention. “Humanizing”, restoring the dignity of the human person to those who do not fit to the commonly accepted framework set by business, and which the public sector reduced to the role of passive recipients of benefits seems to be the most important feature of the social economy (Menshikov et al. 2017). The fact that the social economy perceives people in a difficult situation not only as passive recipients of help but as active, co-responsible for their fate, confirms the development of the social economy in the given European countries. Searching for solutions that will grow out of local needs, and thus respond in a natural way to local communities, becomes a priority for the development of the social economy. Two important features of this activity should be emphasized: efficiency and striving for maximum independence of the wards, that is, making them independent of the help system.

In the context of the development of the social economy in Europe, it should be emphasized that there is no single and common European or international definition of the social economy. What is more, the different terms are used interchangeably (third sector, non-profit enterprises, etc.). Nevertheless, there are 2 million social economy enterprises in Europe, which is 10% of all enterprises in the EU. Over 11 million people – around 6% of EU employees – work for social economy enterprises. In total, 160 million people in Europe are members of social economy enterprises. They have different legal forms and different goals, from agriculture and banking to employment and sheltered workshops. But the main goal of traditional social economy enterprises is to serve members, not to obtain a return on investment, as traditional capital companies do. Members act in accordance with the principle of solidarity and reciprocity and manage their company based on the principle: one man one vote. “Social enterprises – are an important and growing group of enterprises of the economy, their main goal is to exert a social or environmental influence on the general interest (European Commission 2019).

Social economy and demographic changes

In the face of progressing demographic changes, there are many challenges caused by those changes that local communities, governments, non-governmental organizations and social economy entities will have to face. The population aging process means we need to expect an increase in demand for new social services, aimed at elderly people, with the ratio of the latter increasing in the society. Changes will be required not only in the field of public institution services (which aren't sufficient even as of now). The market, as well as non-government organizations and social economy entities will have to adapt to those changes. The awareness of demographic changes will have to be constantly present in the activities of the social economy sector in Poland, treating aging and age as challenges that can mean a chance for development (Rzecznik Praw Obywatelskich 2012).

One of the most needed directions of interventions of public policies in the future will be the organization of care and support for dependent elderly people (Golinowska 2011). We need to ask a question about the specifics of the needs of that age group and the form in which they can be fulfilled. Taking care of the quality of life of elderly people, as well as raising and maintaining it at a satisfactory level consistent with the standards of a civilized country is one of the main goals and tasks of social services. The quality of old age is of key importance in the process of achieving life satisfaction and balancing one's own life, while being determined by the level of satisfying individual needs of the senior citizens, among which determinants such as the following are of increasing importance:

- health (the level of psychophysical fitness);
- social contacts and participation in social life (ability to work and perform social activities, implement roles);
- having relatives and close relationships with family (levels of loneliness),
- ability to implement your own plans (self-governance);
- autonomy (personal and eg. Economic independence);
- ability of self-creation and development (developing interests, passions, education) (Wawrzyniak 2014, pp. 118–119).

Currently, taking care of elderly people rests mainly on families (Czekanowski 2006), which on one hand is a result of the common conviction that the family should care for elderly if they're not independent, and on

the other is an effect of insufficient institutional infrastructure that should provide such care. At the same time, it is pointed out that care and support provided by families will be smaller and smaller. For several years, various solutions have been discussed regarding elderly care, pointing to the need of privatizing the care services (Perek-Białas 2011), which are already a deficit area, due to the lack of staff, including geriatricians, caretakers, etc. In addition to medical or care services, other types of services for the elderly should develop, able to be provided both in their homes and specialized day-care centers (daytime social welfare homes), as well as stationary facilities (social welfare homes), which is without doubt an opportunity for the development of new organizations operating in the sphere of social economy. Particularly important for the presence of such organizations maybe the fact that the form of providing services in the field of elderly care should be adapted to the needs and expectations of older people, as well as the financial abilities of themselves and their families. The provision of such services requires certain flexibility, but also effectiveness. Undertaking such services may be a feature that will distinguish social enterprises, also due to the possibility of separating more specialized services, including care services related to personal care, and economic services, i.e. help in running the household, in daily activities such as cleaning, cooking, shopping, etc. (Ibidem).

Offering such services is already present on the services market, and in the near future this market niche will grow due to the described demographic changes. Currently, these services are often provided by family members, relatives, neighbors or friends. In the situation of presented demographic changes, these groups may not be able to provide services necessary for the further functioning of the elderly (those that do not require specialized skills or education), which gives an opportunity for development of a social entrepreneurship sector in given local environments.

Activities of social communes, Social Integration Centers, Social Integration Clubs and other entities classified in this sector in rural areas (or as local branches of communes headquartered in cities, but operating locally) are of equal importance. In addition to care services, one can point to other areas of lives of the elderly in which a problem of shortage of infrastructure and available help occurs. J. Perek-Białas points to the following possibilities of developing a service sector for the elderly:

- educational services (eg. third age universities, non-government organizations activities);

- leisure activities (Clubs of Social Integration, Senior Clubs);
- recreation services (elderly tourism, development of “gero(nto) architecture” – public spaces friendly to seniors, such as green spaces, safe walking routes, and benches for rest);
- financial services (there is still a lack of insurance solutions that would block the manifestations of ageism in this sector, eg. refusing some financial services due to the age of the client, refusals of travel insurance for the elderly. On the other hand, there is a lack of offers pointed at the constantly growing consumer group that is retired people);
- legal services;
- transport services, particularly in rural areas, where there are difficulties concerning access to some public services (eg. access to a first contact doctor, specialist doctors including geriatricians, transport to rehabilitation facilities, etc.), when the family is unable to provide or arrange transport (Perek-Białaś 2013).

Conclusions

The starting point for the analysis was demographic changes and the aging of the population of Poland. The goal was to indicate the possibilities of social economy entities – currently not yet used – to mitigate the demographics effects presented, in a very cursory form. As an example, selected services aimed at the elderly were used.

However, it is possible to indicate many areas of the social economy organizations activities in relation to the aspect of population aging, namely: in care services, but also educational services, integration services, etc. The issue of how to prepare the social economy entities to enter the social services market and convince the recipients of said services that the entities are ready for demographic changes and act for the benefit and with the participation of elderly people remains open.

Bibliography

- Czekanowski P. (2006) Family Carer of the Elderly. In: Bień B. (red.) *Family Caregiving for the Elderly in Poland*, Wydawnictwo Uniwersyteckie TRANS HUMAN, Białystok.
- Euricse and the International Labour Organization (ILO) Think Piece for the 4th World Forum on Local Economic Development (2017, October 17–20) – Praia, Cabo Verde, *Putting the “Local” in Economic Development: The Role of the Social and Solidarity Economy*, Available at: <http://www.ilo.org/public/...>

- euricse.eu/publications/putting-the-local-in-economic-development-the-role-of-the-social-and-solidarity-economy/
- European Commission (2019) Social economy in the EU. Available at: https://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy_en
- Golinowska S. (2011) “Srebrna gospodarka” i miejsce w niej sektora zdrowotnego. Koncepcja i regionalne przykłady zastosowania, *Zeszyty Naukowe Ochrony Zdrowia. Zdrowie Publiczne i Zarządzanie*, tom IX, nr 1. doi: 10.4467/20842627OZ.11.005.0342 (In Polish)
- GUS (2014a) *Rocznik Demograficzny, Bilans ludności*. Warszawa.
- GUS (2014b) *Prognoza ludności na lata 2014–2050*. Available at: <http://demografia.stat.gov.pl/bazademografia/Prognoza.aspx> (In Polish)
- KPRES (2012) *Krajowy Program Rozwoju Ekonomii Społecznej*. Warszawa, s. 10, Available at: <http://www.ekonomiaspoleczna.gov.pl/download/files/KPRES.pdf>
- Kubicka H. (2013) *Przedsiębiorczość społeczna w Polsce*. Formation Entrepreneuriat social en Europe, Available at: <http://www.sce.com.pl/sites/default/files/Przedsiębiorczosc%20społeczna%20w%20PL.pdf> (In Polish)
- Łobodzińska A. (2016) Starzejące się społeczeństwo wyzwaniem dla zrównoważonego rozwoju. *Prace Geograficzne*, z. 144, pp. 127–142. doi: 10.4467/20833113PG.16.007.5132 (In Polish)
- Menshikov V., Volkova O., Stukalo N., Simakhova A. (2017) Social economy as a tool to ensure national security. *Journal of Security and Sustainability Issues* 7(2): pp. 211–231. [https://doi.org/10.9770/jssi.2017.7.2\(4\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2017.7.2(4))
- Okólski M. (2010) Wyzwania demograficzne Europy i Polski. *Studia Socjologiczne*, nr 4, pp. 37–78.
- Perek-Białas J. (2011) Urynkowienie usług opiekuńczych dla osób starszych w Polsce – możliwości i ograniczenia. In: Raclaw M. (red.) *Publiczna troska, prywatna opieka. Społeczności lokalne wobec osób starszych*, ZUS oraz Instytut Spraw Publicznych, Warszawa.
- Perek-Białas J. (2013) Starzenie się ludności – wyzwanie dla podmiotów ekonomii społecznej? *Ekonomia Społeczna*, nr 2, pp. 70–80.
- Rzecznik Praw Obywatelskich (2012) *Strategie działania w starzejącym się społeczeństwie. Tezy i rekomendacje*, Biuletyn nr 9, Źródła.
- Sacchetti S., Borzaga C. (2015) Why Social Enterprises are asking to be multi-stakeholder and deliberative: an explanation around the costs of exclusion. *Euricse Working Papers*, 75, p. 15. Available at: <http://www.euricse.eu/publications/7515-why-social-enterprises-are-asking-to-be-multi-stakeholder-and-deliberative-an-explanation-around-the-costs-of-exclusion/>
- UN (2015a) *World Population Prospects: The 2015 Revision*. Vol. I, Comprehensive Tables: (ST/ESA/SER.A/379), Available at: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2015_Volume-I_Comprehensive-Tables.pdf
- UN (2015b) *World Population Wallchart*. Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

- UNECE (November 2018) Policy Brief on Ageing, Innovative social services and supportive measures for independent living in advanced age, No. 20, Available at: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Policy_briefs/ECE_WG1_28.12.Pdf
- Waligórska M., Witkowski J. (2014) Przyszłość demograficzna Polski do roku 2050 (w świetle najnowszej prognozy demograficznej). In: Strzelecki Z., Kowalczyk E. (red.) *Przemiany ludnościowe w Polsce. Przyszłość demograficzna*, Warszawa, Rządowa Rada Ludnościowa, pp. 70–80.
- Waligórska M., Witkowski J. (2016) Prognoza demograficzna Polski do roku 2050 – nowe ujęcie. In: Hrynkiewicz J., Potrykowska A. (red.) *Perspektywy demograficzne jako wyzwanie dla polityki ludnościowej Polski*, Warszawa, Rządowa Rada Ludnościowa, pp. 50–66.
- Wawrzyniak J. K. (2014) Jakość życia i satysfakcja życiowa w starości. In: Chabior A., Fabiś A., Wawrzyniak J.K. *Starzenie się i starość w perspektywie pracy i socjalnej*, Centrum Rozwoju Zasobów Ludzkich, Warszawa, pp. 118–125.

Старение польского общества как вызов глобальной экономике

Резюме

Прогрессирующие процессы старения современных обществ заставляют субъекты социальной политики предпринимать действия, противодействующие последствиям этих процессов. Особенно важную роль в таких действиях играет социальная экономика, которая объединяет экономические и социальные цели. Какие действия социального предпринимательства поддерживают постоянно растущие группы пожилых людей? Какие учреждения или услуги действуют на польском рынке, а какие отсутствуют? Данная статья – попытка дать ответы на эти вопросы.

Ключевые слова: старение населения, социальная экономика.

KNOWLEDGE IN REGIONAL DEVELOPMENT – NETWORKS AND ACTORS

Knowledge is treated nowadays as an important resource in the economy. Regional development is increasingly dependent on networks and entities equipped with the attributes of professional knowledge. How do the new concepts of the network economy influence the way of defining the meaning of knowledge transfer between major actors and regional networks in contemporary theories? The following text will attempt to answer those questions, among others.

Key words: knowledge, network economy, regional development.

Introduction

The traditional understanding of the market economy loses the *raison d'être*. The foreground is the morphogenetic field of the economy that requires a new approach to issues related to running a business (Perechuda). All economic processes should be captured dynamically. The new approach sets the mark of equality between all economic actors operating on the market, small, medium and large enterprises. The redefinition of the basic concepts is related to the role assigned to the new key resource, the development of which may affect the change in the competitive position of any size of the organization¹. Knowledge has become the only important production factor, an essential means that sets the direction for the development of the new economy (Drucker, Quinn, Reich). Treated as the core of power based on money and violence (Toffler), it determines the strength and capacity of modern enterprises. The new resource is a derivative of their intellectual and service capabilities.

There are also noticed relations between seemingly distant organizations. The boundaries between the company and its environment are becoming increasingly blurred, until their total disappearance. Organizations become systems open to the competitive environment, which is the main partner in the process of knowledge exchange. The symbolic dimension of the trade is expressed in contact with one general global market². New economic organizations require the use of new research tools that

---

¹ Author's note: compare with (Barbrook 2007); (Castells 2000).

² Author's note: compare with (Coates 2012); (Elder-Vass 2010).

will solve the problems related primarily to the unprecedented fluidity of borders, ambiguous network penetrations, identification difficulties and the change of the paradigm of structures. Enterprises more and more often face the need to design new structures capable of self-organizing multidirectional economic activities, equipped with an incomparable scope of freedom (Hopej, Warner, Witzel). Network structures function based on the specific logic of the network. Their main goal is to initiate, create and maintain relatively stable relationships of a cooperative and competitive nature.

A region of knowledge becomes a key word in the contemporary economic and social concepts of regional development. There can be found a number of various definitions of a learning region in the literature (Jewtuchowicz 2008). Authors describe the conditions, in which scientific & research centers, technological valleys and R&D cooperation which implicate the sustainable regional development (Ibidem, pp. 294–295). Researchers apply a term of social capital, knowledge transfer, information exchange while answering the questions regarding its role in the process of creating the networked region which will remain the innovative enterprise (Klasik, Kuźnik 2007). A networked region become a metaphor of cooperation based on knowledge exchange. The methodological assumption is to accept the thesis on the influence of the ability of knowledge exchange, knowledge production decide about the competitiveness of regions. A region is defined in network terms. It is a network of companies, institutions and individual entities (Fordubiński 2011). The intensity of social and economic changes resemble huge civilization transformations of the regions.

What meaning do the regional development' transformation have knowledge networks and the emergent process of networking? How to define the contemporary regions and which economic and sociological concepts are one of the greatest importance?

Networks and Actors

The analysis of the region as a greater entirety is no longer possible without addressing the specificity of present economy and without considering the interactive networked dimension of economic activity of regional actors and networks who interact, cooperate and competitive in the frames of contextual structures. Development is by definition a process by which a societal problem is to be solved by implementing a systematic and well-defined change process. Regional development activities are always aimed

at addressing regional problems and issues through development interventions which are best carried out at the regional level³. It focuses on good practice in the support and promotion of wealth as part of an integrated geographical approach, expressed at a regional scale involving regional actors.

A networked region is one that digitizes for the benefit its citizens and providers – and does so in a sustainable way that’s regionally appropriate. The process of digitalization should be taken into a scientific consideration while describing the characteristic of the future regional transformation. Knowledge is produced by technological sets of actors in the digitalized space (Betlej 2017). A networked region ensures any digital investments truly benefit constituents in a sustainable way, fosters digital connections between sectors when they make sense, and creates an environment that supports continual digital and sustainable innovation. Social researchers pay attention to the fact of creation of a new society model, defined as information society, network and knowledge based, able to use ICT systems and network technologies in everyday, private and work-related life, including the ability to transfer and process information as social, economic and cultural value (Barney 2011).

Digital society treats information space as a field for action, for using public administration services, for introducing services concerning culture, education, leisure time, etc. (Castells 2001). Each of the above mentioned terms is assigned to different theoretical orders. The information and network perspectives are often combined in the frames of one theoretical discourse, it is due to the fact that particular researchers underline the importance of new information and communication technologies in social and economic development. The present rate of social and economic development has been greatly influenced by the Internet and the connected processes of virtualization of economic markets. The Internet has become a main spot for searching for information concerning projects and new technological solutions. New relational paradigm is based on specific normative market rules. Introducing new rules, especially replacing social rules with technological ones, often encounters barriers in the information society because both values and social objectives, actors, methods of actions and resources, or their action space set in time are no longer compatible with one another (Morawski 1999).

The actors of the regional network are not only economic entities. Effective networks also consists of social, political, institutional and tech-

---

³ Author’s note: compare with (Benkler 2006); (Betlej 2011).

nological actors. A frequent transfer of information, symmetrical transfer of knowledge are often based on public-private partnerships and⁴. A region is an example of an individualistic warehouse, enterprise of knowledge. The networked environment create an infrastructure which supports knowledge diffusion, exchange, as well as its' production. A networked region requires specific resources to ensure its development (Klasik, Kuźnik 2007). Human infrastructure of individuals oriented towards self-development, team work and lifelong learning play an important role in the process of regional knowledge based networking. The second factor of the knowledge based development is the physical and communication infrastructure which facilitates a transfer of innovations.

Autonomous, equal and open cooperation networks not only improve the competitiveness of their participants, but also constitute an analogy of the new free market (Granovetter). The emerging network structures are able to focus the crucial skills of all network participants (Bleicher). The new knowledge-based economy implicates changes in the economy paradigm and patterns of doing business is determined primarily by the characteristics of property and not the existing physical characteristics. The market is gaining more and more virtual properties, and the enterprises operating in it are increasingly based on network logic (Castells 2007). This is how new (network) enterprises emerge, which constitute a set of independent, in the legal sense, economic units, implementing various undertakings and projects, coordinated by an integrator company with key competences that distinguish it (Castells, Metcalf, Granovetter). The network company is a synergistic system that ensures that the existing network operators not only survive on the market, but above all, strengthen their competitive position (Wyrwicka). Exchange of knowledge with network partners creates the synergy effect of the knowledge potential possessed by all partners of the new exchange. This specific organisations become metaphors of the innovative regions. The production of knowledge in an innovative region, which is becoming an increasingly serious problem in the face of the ongoing socio-economic changes in world economies. The analysis of new trends in the field of organization of regional development allows for the hypothesis to increase the importance of network actors on a macro scale (Elder-Vass 2010). The hermeneutic nature of knowledge, the asymmetrical diffusion processes and the rapid devaluation of its value, increase the importance of these networks, which

---

⁴ Authors' note: compare with: (Barney 2011); (Berlej 2011); (Błaszczak 2011).

have valuable knowledge at the time and partners / actors who will be invited to cooperate in its network.

Network regions are local systems capable of multiplying the value of knowledge, and so are the organizations of the future. Functioning in a network system requires a permanent exchange of knowledge. A question arises about a new adequate organization of knowledge exchange processes in an innovative region. The network character of the region will also require a deeper analysis of the degree of separation of the system from its surroundings and the capacity of its external borders. The essence of the environment can be determined by means of such sets of factors as: competitiveness level, turbulence, volatility, state of protected knowledge operating in the environment (inventions, patents), degree of innovation, economic history of the region, clients treated as images of knowledge. In this way, the question arises how the disappearance of boundaries between the region and its' closer and distant environment influences the internal processes of classification of knowledge. To continue, the territory has an influence on the chosen development directions included in the strategy of action and on the choice of projects to be realized. The concept of intelligent regional development is based on the assumption on the necessity of investing in the development of regional key specializations and networking of local economy in the frames of a broader relational social and economic system (Łaźniewska 2004). Initiating and sustaining the structures resembling classic knowledge networks seem to be one of the most rational action strategies aiming at increasing the level of networking of local economies.

Conclusions

“Network” belongs to a group of these concepts that currently occupy one of the highest places in debates undertaken by scientists representing various scientific communities regarding the transformation of modern regions. The context of the problems is very different. The basic dilemma is still the attempt to determine what is this modern and innovative region. Finally, what is its most elementary and innovative symbolic space for actors and networks of innovative and knowledge-based regions? The issue of regional transformations is connected with the categories of technological progress and the increase of knowledge, especially the digitalized one. Interdisciplinary theoretical proposals attempting to deal with the definite confusion that arose around the attempts to identify the semantic

scope of the term “regional development” are still present in public dispute.

The constitutive features of contemporary civilization to the types of knowledge are dominative in network economy. Social development is stimulated by all kinds of scientific discoveries, technological revolutions and ways of practical application of new solutions by society. The most important, then, are the mutual relations between the techno-sphere, economy and society. The networked region could be a new conceptual tool for describing all transformation in the field of knowledge management in the innovative region. The digitalization process, which effects the way the material world is being changed into a dematerialized world of flows, signals, information, networks, sounds and views, wins in the postmodern competition on the power of a social-economical significance and a global narration. The knowledge embedded regional development is based on social networks gathered around still more complicated technology (Robins 2000). The regional development’ discourse is changing accordingly towards the changes of the technological kind. The most obvious and important question, which could be hypothesized by the technology studies, is then a query about the real power of Internet technology and the role of its final products on the regional development. The theoretical analysis brings us towards the statements that the network structures and the actors of the regional development will play the main role in the process of social and economic transformations. There are still regions which are excluded from the mainstream of knowledge flows in global economy. The structuralist perspective is still on time. The structure determine the regional processes, even though the networks are considered as a structural-free units.

Bibliography

- Barbrook R. (2007) *Imaginary Futures: from thinking machines to the global village*. London, Pluto Press.
- Barney D. (2011) *Spółeczeństwo sieci*. Warszawa. (In Polish)
- Benkler Y. (2006) *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven, Conn: Yale University Press.
- Betlej A. (2011) Znaczenie badań naukowych i prac B+R w gospodarce sieciowej. In: Partycki S. (red.) *Spółeczeństwo sieci, gospodarka sieciowa w Europie Środkowej i Wschodniej*, Lublin. (In Polish)
- Betlej A. (2017) *Society of e-control in Hyperconnected Reality*. In: *Transformations*, nr 3–4 (94–95), pp. 38–47. Available at: http://www.e-transformacje.com/archiwum/transformacje_3-4_2017.pdf

- Błaszczak D. (2011) Zrozumieć świat to zrozumieć sieć. *Bialski Przegląd Akademicki*, nr 7. (In Polish)
- Castells M. (2000) *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Castells M. (2001) *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford, Oxford University Press.
- Castells M. (2007) *Spoleczeństwo sieci*. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa. (In Polish)
- Coates J. F. (2012) Wartościowanie techniki – próba agendy na XXI wiek. In: Zacher L. W. (red.) *Nauka. Technika. Społeczeństwo. Podejścia i koncepcje metodologiczne, wyzwania innowacyjne i ewaluacyjne*, Wydawnictwo POLTEXT, Warszawa. (In Polish)
- Elder-Vass D. (2010) *The Causal Power of Social Structures. Emergence, Structure and Agency*, Cambridge University Press. Cambridge.
- Fordubiński M. (2011) Typy i model wiedzy w systemie innowacji. In: Kawalec P. (red.) *Dobre praktyki B+R*, Lublin. (In Polish)
- Fuchs Ch. (2017) *Social Media. A Critical Introduction*. Second Edition, University of Westminster, SAGE Publications Ltd.
- Jewtuchowicz A. (2008) Region uczący się. In: Matusiaka K. B. (red.) *Innowacje i transfer technologii. Słownik pojęć*, PARP, Warszawa. (In Polish)
- Klasik A., Kuźnik F. (2007) Regiony uczące się w teorii i polityce rozwoju regionalnego. In: Jewtuchowicz A. (red.) *Region w gospodarce opartej na wiedzy*, Łódź. (In Polish)
- Łażniewska E. (2004) Uczący się region, terytorialne systemy produkcyjne a procesy globalizacji. Synteza współczesnych teorii. In: Jewtuchowicz A. (red.) *Wiedza, innowacyjność, przedsiębiorczość a rozwój regionów*, Wyd. UŁ, Łódź. (In Polish)
- Morawski W. (1999) *Institutional change*. PWN, Warsaw, pp. 15–16.
- Robins K. (2000) Cyberspace and the world we live in. In: Bell D. (ed.), Barbara M. Kennedy *The Cybercultures reader*, Routledge, London-New York, pp. 77–93.

Знания в региональном развитии – сети и субъекты

Резюме

В настоящее время знания рассматриваются как важный ресурс в экономике. Региональное развитие все больше зависит от сетей и организаций, обладающих атрибутами профессиональных знаний. Как новые концепции сетевой экономики влияют на способ определения значения передачи знаний между основными участниками и региональными сетями в современных теориях? Автор статьи предлагает ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: знания, сетевая экономика, региональное развитие.

Jan Gondek (Poland)

BRAND – PRODUCT – REGION. FROM ADVERTISING TO IMAGE ON THE WEB

In the context of regional development, the brand does not mean just attachment to one product, but can be a diverse range of products. Therefore, an important element of the region's promotion is building client's attachment to offered services and items through marketing activities. The aim of the article is to discuss the basic assumptions, the most important elements and effects of conducting regional promotion. The economy should be based on the use of innovative methods based on network connections and cooperation between the most important entities. The combination of effective advertising and the principles of proper network development will help in the technological development of enterprises.

Key words: advertising, advertising campaigns, region, society.

Introduction

Nowadays, advertising affects every human being. Even in the poorest and underdeveloped regions of the globe, you can find posters or billboards of well-known brands. Advertising tries to take over all human senses. It has become very popular in today's consumer society, where many products are highly desirable. Currently, there are different equivalents of the same product on the market, that's why companies compete with each other and try to win a client. In today's society, where information builds the main objects of desire, advertising is its very important part. Advertising is information and its basic assumption is to provide a message. Just information about, for example, price, appearance, packaging, place of purchase or product quality is to be conveyed to the recipient in the advertisement. At the very beginning it should be noted that advertising is a very wide phenomenon and cannot be examined only from the point of view of one science. Sociology analyzes the advertisement due to its socialization function. It also examines how advertising affects people and what is the level of social conformism. Thanks to sociological research, one can infer which group is more susceptible to advertising and which advertisement to target.

In the context of regional development, the brand does not mean just attachment to one product, but can be a diverse range of products.

Therefore, an important element of the region's promotion is building client's attachment to offered services and items through marketing activities. Advertising campaigns based on sustainable image building play a very large role in this process. It is worth noting that the product is not only a material thing or a specific service. However, it can also be identified in the context of the region with the tourist trail, infrastructure, monuments or car or bicycle rentals. The product should be understood as a consumer good appearing on the market. In the context of regional development, it meets the needs of residents and tourists. That is why advertising and advertising campaigns play an important role in the social creation of the image. The aim of the article is to discuss the basic assumptions, the most important elements and effects of conducting regional promotion.

1. Selected concepts of advertising

The advertisement has accompanied the man from the beginning of the trade and it was meant to effectively recall a potential customer to buy a product or service at a market or in a workshop. For the very long period in the history of mankind, the majority of society did not use the script, which is why the advertisement was initially pictorial. The turning point was the invention of print by Johannes Gutenberg in 1445, which contributed to the spread of the written form of advertising. After this time, the ad began to grow strongly. In the fifteenth century, the first leaflet, poster and advertisement were printed. In 1625, the first commercial in the daily press appeared in England. However, the factor influencing the widespread dissemination of advertising was the emergence of radio and television, which led to the existence of advertising in everyday life. In 1922, the first time the advertisement appeared on the radio station of one of the New York stations. Also in the United States in 1941, the first commercial was broadcast on television, at the beginning of a one-off, encouraging to buy hats, and then a large-scale car company Ford (Tungate 2007, pp. 9–36; Napierała 2012, pp. 14–18).

Harrison and Sheldon believe that advertising is a kind of public communication used to disseminate information, about commercial products with the possibility of presenting sales promotion (Harris, Seldon 1962, p. 40). In this definition, the public aspect is very important, which means that the advertisement is intended for a large community and cannot be perceived as a message for individuals. The goal of companies posting ads is to reach as many recipients as possible. Marian Golka draws atten-

tion to the components of advertising. It distinguishes among others: a paid manner of non-personal presentation, supporting the purchase of goods, acting in a specific legal framework and conditions, information about goods and purchase options (Golka 1994, p. 13). In the above elements of advertising, two things are worth noting. The first is a paid way of promoting a given product, while the second is a non-personal way of presenting a given service or brand.

The words advertising can not only refer to one-time messages, but also to multiple messages, to advertising campaigns conducted (very often) by specialized companies. Advertising campaigns are defined as mass, because they are placed in many places and addressed to a large group of recipients. The advertising campaign is to affect a large group of people, it is to be carried out within a certain time, and it is to distinguish the complexity and diversity of communication activities. The campaign uses various media, and also indicates the aspect of time that must function well in the campaign. In an advertising campaign, the following features can be distinguished: wide audience, separate time frame, precise goal, planned marketing activities. It is also worth paying attention to the fact that the advertising campaign is managed by a team of professional people who, from the beginning to the end, run advertisements according to the market habits and guidelines presented by the company that want to promote (Kozłowska 2011, p. 41). In an effective advertising campaign, one of the most important goals is to define the group to which the advertising message is to be addressed. These groups are usually at the macro level. The group needs to be defined in demographic and psychological terms as well as the motivations of this group should be strictly defined.

Organizing a good advertising campaign requires the development of an appropriate, interesting graphics and catchy slogan. A company, spending money on an advertising campaign, usually requires the best results. Usually, this is outsourced to an advertising company operating on the market with the most experience. One of the main goals of the advertising campaign is to catch the attention of a potential client. It is very important not only one advertisement to promote a product or service, but the whole series released at a specific time. In one advertising campaign there must be visual, eponymous, verbal and sound similarities. A very important aspect of the advertising campaign is the linking with the company's strategic activities, which are organized in the marketing plan. Constructing an advertising campaign can be presented with the help of six "m".

As the first *mission* or presentation of goals, secondly the market or people to whom we want to target the advertising campaign. Then money, which means the funds that the company wants to spend on promotion. Then *Message*, which means choosing the information to be promoted. The next step is the media, it is about choosing the right media, whether it is Internet or TV advertising, etc. At the end of the measurement, that is, determining the effectiveness of the above activities (Camilleri 2018, pp. 99–100; Kozłowska 2011, p. 57). Advertising, as well as its wider form, which is an advertising campaign, usually takes three goals, which should meet depending on the type of product or service being promoted and the time of being on the market. You can distinguish: information, persuasive and reminding (Gędek 2013, pp. 131–134). Information is most often used when a company enters the market or begins to offer a new product or service not known to the clients so far. A persuasive, persuasive goal is a goal whose most important task is to create a specific demand for a brand or service. It consists in persuading potential buyers to buy and also distinguishing the company from other competing on the same market. A reminder objective is used when the company is on the market for some time, its task is to remind its clients that the company is the best on the market. His aim is to keep existing customers and show the pleasure of using the services of a particular company (Kokemuller 2019).

In online advertising, you can distinguish many types (forms) of promotion. Banner is the most common and popular form. It must have a particularly eye-catching character and should interest every recipient. Internet banner can be divided into traditional, floating and developed. The first one is placed from the top, side or bottom of the page and clicking on it causes redirection to the advertiser's page, that is, to a more detailed description of the product or service or to the direct purchase option. The next one is a floating banner, which is still visible, regardless of the movements performed by the cursor up or down the page. In contrast, the expandable banner, as the name suggests, works in such a way that when the eye of the recipient of the advertisement rises over it, additional content appears. After taking the cursor, the banner changes its size to the initial one and again I only find myself in a piece of the page. The next form of online advertising is pop-up. It consists in opening a new window or card in the web browser when opening a selected page. In comparison with the banners, according to the law, it must have a closing option expressed by "X". Another form is pop-under, which unlike pop-

up pops up under the browser window, in the menu bar of the computer as the new page of the browser used. Also, like the above form, it must contain an “X” switch. A further form of advertising is an in-text box. It can be observed inside the content posted on the site (Deshwal 2016, pp. 200–203). Each press on this type of banner causes referral to the company’s website. This type is very unpleasant for the network user, because this type of advertisement is switched off for a very long time.

Another form of online promotion is e-mailing. It should be noted at the beginning that it is the cheapest and the most-known type of online advertising. Advertising of this type appeared as one of the first, and it consists in sending advertising letters to e-mail. The biggest advantage is the ability to reach a large group of potential customers. One of the illegal types of advertising originating from this form is spam. It is an e-mail sent to a large group of people automatically. Wallpaper is another form of website promotion. It involves filling the background of a website. It has many pluses, because it does not interfere with browsing the site, and interesting graphics or animation can attract customers to buy a product or service.

The next form of internet advertising is a skyscraper, a kind of advertisement similar to a banner with the difference that it is placed in a vertical form (Ibidem). Advertising spot is a very important and often used form of internet advertising. With this form, it is also worth discussing this player, which is presented in the same way as an advertising spot, with one difference: it is displayed above the page content, most often in the top pane. In turn, blogvertising is a fairly new type of promotion, consisting in placing advertisements in the forms presented above and using articles sponsored on blogs. Advertisers also often post it in the comments to the article, in which there are links to the site promoted.

2. The role of regional online advertising campaigns

Advertising on the Internet is a relatively new phenomenon. In 1993, the possibility of displaying graphics and frames appeared on websites. However, only the beginning of the 21st century can be regarded as the beginning of the creation of professional internet advertising. Computers with access to the Internet have become one of the most important media nowadays. Internet advertising is one of the latest means of promoting products and services. It must also be stressed that it is undergoing constant development and innovation. There are no restrictions on space-time on

the network. The new medium has become something very effective, with a unique power of penetration and influence, directed at everyone using the Internet. The Internet has a very large opportunity to influence people. Already many people have permanent access to the network. The Internet is one of the largest media informing us about products. Affects people's purchasing decisions (McMillan 2004, pp. 15–20). Thanks to the Internet, they can have constant access to advertisements and offers, which places the Internet higher in comparison to television or radio, where the advertisement is broadcasted at a given time, and the next repetition is made on a different date. On the Internet, the recipient has more time to think about the advertisement, which is also an additional positive factor for advertisers. They can show longer ads with links to purchase. It is harder to buy a product via TV, you can do it in a few minutes over the Internet.

A very important aspect in online advertising is the ability to directly reach the right recipient. It should be emphasized that it has a very intimate character, unachievable in any other advertising medium. Advertising on the Internet is much more accepted by the user, because the content contained in it is adapted to the recipient. The recipient by the pages he browses adjusts the advertisement to himself. This is a very important element of online advertising, because it prevents the recipient from being bored by constantly repeating the same promotional video, as it is, for example, in a TV commercial. Pointing to the differences between advertising in the old media such as radio, television and the newspaper and online advertising, one can notice on the Internet the possibility of multi-lateral talks, i.e. customer dialogue with the producer. Another element is the abandonment of national borders and the promotion of any promotion to the interstate area. The advertised advertisement should aim at a global effect difficult to access in the old media. In the new medium of the Internet, it is much easier to control people's choices.

Access to the network turns people into manipulative “machines”. Marketing opportunities for online advertising are much more effective than other media. You can slowly start talking about the dominance of this form of promotion on others. Advertising on the Internet uses text, image, sound and video (Kozłowska 2011, pp. 212–213). It affects many human senses, but at the same time it is not universal and can be adapted to each person. Online campaigns have as their goal (after carrying out a promotional campaign): presence in the customer's consciousness, increase in sales, launching a new product or service on the market. Internet campaigns can be divided into two types. The first of them are addressed to

a specific group of recipients, which was previously specified. In this case, the ad is targeted at specific pages, blogs or discussion forums related to or related to the promoted product. The second type is campaigns targeted at a mass client. Not all companies can afford such a large promotional scale. Most often they are run by corporate giants, already known on the market, who want to increase their sales or recall their existence and deepen the relationship with the client. Advertising agencies must offer comprehensive activities, and their task is to help the customer in determining the time and place of running an advertising campaign. The most important thing is that the advertising campaign should be carried out with a good idea. The effects must be visible in such a way that the company can be satisfied. To run advertising campaigns you have to hire employees with great creativity, innovation, but also with experience (Parente, Strausbaugh-Hutchinson 2014, pp. 5–27).

In the advertising campaign, the process of segmentation of advertising recipients is very important, like the identification of who the promotion should be addressed to. Each product or service needs a special grade, stating who it can reach. Of course, this does not apply to large Coca-cola or Heineken companies. It can be carried out for a product or consumer. If you pay attention to a product, you look for its characteristics, it is divided due to the reactions, as well as the nature of the situation in which it is purchased. Consumption patterns, purchase conditions and benefits for the customer are defined. Consumer characteristics and motivations are defined for the consumer. Two basic concepts are used to determine the success of an advertising campaign: efficiency and effectiveness. The first one defines the relationship between the costs incurred in favor of the promotional campaign and the successes it has brought. The second one presents the degree of reaching the goal, which was set by the advertiser and the advertising agency (if it was used). Online advertising campaigns are currently strongly affecting the customer. Therefore, their use can bring many benefits to a company that wants to break out in the market. Companies operating on the virtual market especially need to use this type of advertising, because it can provide them with long-term success (Blakeman 2011, pp. 4–20).

Nowadays, the main method of technology is the digital Internet network that allows to connect separate nodes in the network and create a universal file containing huge amounts of information. This method, thanks to the small financial outlay, allows simultaneous generation and consumption of text, image and sound. A simple update results in a constant

update of information and knowledge about the development of the region (Bard, Soderqvist 2006, p. 35). Such actions have positive consequences for the promotion of economic activity. Brand, recalling the assumptions of the network economy, points to the global development of trade, which takes place using digital techniques. Technologies accelerate the strengthening of exchange processes thanks to the networking of trade relations. Universal access to the Internet, constituting a new revolution, is based on the adaptation of technical infrastructure to the principles of conducting research based on social networks. As a result of such changes, the face of international trade has changed, based on the development of relationships between entities. He also emphasizes a certain cultural context that should be guided by the management of resources or specific data (Brand 1999, pp. 37–38).

Nowadays, the main method of network economy is expressed in all concepts and institutions that put the article “e” in their name. It should be remembered, however, that the use of electronic economy is possible only thanks to the widespread Internet. Network economy is based on the flow of goods and services expressed as information placed in the global network system (Castells 2000, pp. 695–696). Modern information technologies become the basis for using them in the process of creating effective advertising campaigns.

Conclusions

Currently, thanks to the functioning of the Internet, advertising has become even more common, and people are more exposed to advertising language manipulations under the influence of which they often make decisions. The greatest development of advertising followed the invention of television and the Internet, which contributed to the widening of the group of recipients at one time. At present she surrounds man from all sides: during rest or doing various activities. The main goal of advertising is influencing people and subordinating their choices to various messages. The concept of intelligent regional development should be based on the use of effective advertising campaigns. The idea of networking the local economy may help in this. Describing the relational social system and distinguishing the most strategic activities will allow the promotion of the region in the most effective way. Therefore, the proper development of local areas should be based on a network of cooperation and cooperation. The condition for creating an innovative advertising campaign of

the region is to base on the knowledge of citizens as a source of development, individual and social capital, local government and cultural institutions as well as on economic strengths. The local economy should be captured through the network paradigm. The association of products and services characteristic for given regions with tourism advertising will create a very interesting network field for further cooperation between local government and business.

One of the most important conclusions is to draw attention to the links between the territory and the directions of economic development. Before choosing the type and method of advertising campaigns, it is important to create a comprehensive strategy for a given region. The concept of intelligent development should be based on an innovative approach to the promotion of a given territory. The economy should be based on the use of innovative methods based on network connections and cooperation between the most important entities. The combination of effective advertising and the principles of proper network development will help in the technological development of enterprises. Transfer and exchange of knowledge between companies and conducting effective advertising campaigns will allow to promote products and brands offered on local markets. Proper research using the social network method will lead to cooperation between the private sphere of companies and public institutions.

Bibliography

- Bard A., Soderqvist J. (2006) *Netokracja. Nowa elita władzy i życie po kapitalizmie*, Warszawa. (In Polish)
- Blakeman R. (2011) *Advertising Campaign Design: Just the Essentials*, London-New York.
- Brand S. (1999) *The Clock of the Long Now: Time And Responsibility: The Ideas Behind The World's Slowest Computer*, Basic Books, New York.
- Camilleri M. A. (2018) *Integrated Marketing Communications. Travel Marketing, Tourism Economics and the Airline Product*, Cham.
- Castells M. (2000) *Toward Sociology of the Network Society. Contemporary Sociology*, vol. 29.
- Deshwal P. (2016) *Online advertising and its impact on consumer behaviour. International Journal of Applied Research*, vol. 2.
- Gędek M. (2013) *Reklama. Zarys problematyki*. Lublin. (In Polish)
- Golka M. (1994) *Świat reklamy*. Puszczukowo. (In Polish)
- Harris R., Seldon A. (1962) *Advertising and the Public*. London.

- Kokemuller N. *Three Main Advertising Objectives*. Available at: <https://yourbusiness.azcentral.com/three-main-advertising-objectives-1412.html> (accessed on 30.01.2019).
- Kozłowska A. (2011) *Reklama. Techniki perswazji*. Warszawa. (In Polish)
- McMillan S. J. (2004) Internet advertising: One face or many? In: Schumman D., Thorson E. (eds.) *Internet advertising: Theory and research*. New York.
- Napierała M. (2012) *Filozofia reklamy*. Kraków. (In Polish)
- Parente D., Strausbaugh-Hutchinson K. (2014) *Advertising Campaign Strategy: A Guide to Marketing Communication Plans*. Boston.
- Tungate M. (2007) *Adland. A Global History of Advertising*. London-Philadelphia.

Бренд – продукт – регион. От рекламы к изображению в сети

Резюме

В контексте регионального развития бренд подразумевает не только привязанность к одному продукту, но может также проявляться как разнообразный ассортимент товаров. Поэтому важным элементом продвижения региона является формирование привязанности клиента к предлагаемым услугам и товарам посредством маркетинговых мероприятий. Целью статьи является обсуждение основных приемов, наиболее важных элементов и последствий проведения регионального продвижения. Экономика должна базироваться на использовании инновационных методов, основанных на сетевых связях и сотрудничестве между наиболее важными субъектами. Сочетание эффективной рекламы и принципов правильного развития сети поможет в технологическом развитии предприятий.

Ключевые слова: реклама, рекламные кампании, регион, общество.

UKRAINIAN CIVIL SOCIETY: STRUCTURE, PROBLEMS AND NEW CHALLENGES

In the article the problem of the structure, characteristics and challenges of shaping a civil society in Ukraine is considering in terms of analyzing the current socio-political situation in Ukraine. The most important factors determining the transformations of civil society are cited, and current sociological studies have also been analyzed. An attempt was made to conclude, appropriately, the impact of “political crisis 2014” changes on the formation of civil society in Ukraine.

Key words: civil society, Ukraine, social capital, civil activity, democracy, “The Third Sector”, democratic transformation, NGO, non-governmental organizations.

Introduction

For over 20 years of democratic transformation, the Ukrainian society has undergone numerous changes. One of the most important aspects of these transformations is the topic of civil society. Due to the lack of transformation initiatives on the part of citizens or local communities, almost all transformation processes are forced and accelerated by state authorities, but never by low-level initiatives. There are a lot of conflicts between the authorities and social and professional groups, strikes, protests and total dissatisfaction of certain levels of society are caused by accelerating a decade-long transformation processes to be finished in a very strict period of time.

A civil society requires above all citizens to have a certain identity autonomy, which in turn is also hampered by a parallel increase of national identity. Because these processes inhibit each other, sometimes quite mutually exclusive.

The model of the civil society state is based on the structure of the NGO (Non-Governmental Organizations) network. They constitute a so-called ‘third sector’ in society, aimed at brokering cooperation between public authorities and citizens. The activities of non-governmental organizations are based mainly on the interests of certain social groups whose interests they represent in their relations with the institutions of power. Based on the principles of freedom and the rule of law, this system leads to the formation of a stable layer of active and loyal citizens, the foundation of democracy.

Nevertheless, the high rate of transformation and the post-Soviet mentality specific cause a very distorting impact on the transformations of civil society. Twisted processes and the forced transformation provide to mutual distrust between citizens and the authorities, which eliminates any cooperation between the ‘third sector’ and the institutions of power.

The main factor which slows down a civil society’s transformation in Ukraine is the opposite relations between NGO-network and governmental institutions. The ‘third sector’ doesn’t even consider possibilities of collaboration relations, fully concentrating on the opposite-type interactions. Any other models of cooperation are ignored. On the other side, the governmental institutions also do not consider NGO’s as possible partner, but only as an opponent (sometimes even as enemy), without taking into account the numerous constructive remarks and advices proposed by these organizations. This opposition-based model deepened in the consciousness of the Ukrainians so much strongly, so that any attempt to build cooperative relations between the NGO and the governments in any case will be interpreted as ‘betrayal’.

This situation is also enhanced by all modern political forces, which create different non-governmental organizations for their own needs and use them as instrument of lobbying own interests or criticize their opponents.

Another group of factors is about a low quality of the NGO’s activity itself. Lack of global national historical experience in the field of ruling NGO’s contributes to incompetent projects actually provided by NGO’s, and on the other side – a fake-effective activity by a certain number of registered NGO’s aimed only at financing by foreign funds.

The structure of Ukrainian civil society

According to Mark Howard’s book “The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe” the term of civil society should be defined as *independent and protected by the Constitution organizations, groups and social companies that were created by ordinary citizens* (Howard 2003). The problem of this definition lies in the fact that it does not take into account any civil actions and actions of a situational, spontaneous nature.

In recent years before the political changes in early 2014 (which also called ‘Maydan 2014’) the problem of the transformation of non-governmental organizations was the primal subject of a discussion about civil society in Ukraine.

The paradox of those transformations consisted in the fact that the largest and most structural powerful NGO's are based on the former Soviet organizations that had great administrative resources and influence. But those NGO's don't have the most important feature which any NGO should – the Trust. Those NGO's are considered as 'collaborated with the government' which according to confrontation-model of civil society in Ukraine also means 'betrayal'.

At the same time, a lot of new non-governmental organizations have evolved to the front of young democracy in Ukraine, these NGO's are now exactly identified by West countries as 'Ukrainian civil society' term. These organizations are not dependent on government institutions because they get funding from independent foreign funds. Therefore, they have all opportunities (and they do) to provide more effective civil activity and to be trusted by the masses.

According to D. Akimov *one of the factors having a positive impact on the transformation of civil society in Ukraine is the level of its non-commercial sector* (Akimov 2004). From the very beginning of the history of independent Ukraine, the number of non-governmental organizations, associations and political parties has been continuously growing. According to the data from the Statistical Office of Ukraine, on January 1, 2011 there were 3344 NGO's registered in Ukraine and 185 political parties (Ermolaev 2012), in the relative scale this is equivalent to 11 organizations per 10,000 population, which in comparison with European countries is still very little. For example, in Hungary, this rate reaches 46, in Croatia 85, and in Estonia – 2016 (Kalmish 2009).

These data, however, should be treated only as formal, because according to sociological research (e.g. carried out by the Counterpart Creative Center) only 5–7% of registered NGO's in Ukraine de-facto provide at least one real project. The average number of NGO's members is around 30, while some organizations do not have official membership at all. On the one hand, Ukraine has much lower rates of civil participation than the average country of The European Union, and on the other, it is a one of the most civil-active state from all post-Soviet countries like Georgia, Moldova, Armenia, Belarus or Russia.

The regional structure of Ukrainian NGO's is also not sufficiently developed. Like in other post-Soviet countries, the 'third sector' in Ukraine is mostly concentrated in the capital, while the regional NGO' are not sufficiently strong in comparison to Kiev or any local NGO's from European

countries. Besides Kiev, the largest social and political activity is shown by the NGO's of Lviv, Zaporizhia and Odessa.

In recent years before the early-2014 political changes, the law of the Ukrainian "third sector" has been significantly transformed. The most important change was the introduced in 2013 the act "About Social Associations" developed by experts from 'third sector'. According to this act, the procedure of registering NGO's has been significantly simplified, and the registered NGO's have been assigned the rights to provide any social activity in any region of the country.

In addition, the "Order of The Availability of Public Information" introduced in 2011 greatly facilitated these organizations, and in some of them made it possible for them to conduct their own monitoring of the activities of state government institutions. Unfortunately the implementation of this order in practice caused a numerous of misunderstandings, and some of them even ended up in the courts, there is no doubt that the struggle of the 'third sector' led to important changes in the structure and activities of NGOs in Ukraine.

"Inactive" civil society

Social activity is the one of the main factors shaping civil society. It's an active behavior of social unit aimed at transforming of society for satisfying it's needs and solving it's problems. Social activity also is considered as a tool and engine for any democratic transformation processes in society.

Human social activity is directly related to the level of his civil awareness, his social responsibility to fellow citizens, or to his ability to feel the cultural and spiritual potential of the community. This activity encourages and engages a person to participation in the transformation of key institutions of state and local governments, acceptance of important administrative and social decisions or to control the activities of the authorities. A member of civil society is a responsible and experienced social unit in the field of problems of his community, self-government and democracy. Civil activity is defined as a separate form of social activity, which is implemented at the level institutions of a civil society and acts for its functioning in different implementations of satisfying individual needs and interests of its members and societies (Savrasova-Viyn 2009).

Low civil activity in Ukraine has a negative impact on the transformations of not only the civil society, but also of a democratization at all.

Moreover, low civil activity provides to stagnation of NGO's, which in turn means a loss of trust to NGO's and confidence in NGO's as effective tool for lobbying social interests and satisfying social needs. A similar situation is observed not only in Ukraine but also, even to a greater extent, in other post-Soviet states.

According to the social capital concept, the social activity on both the individual and the social levels is determined by its traditional form of social organization (Guseva 2009). In a society which characteristic features were always mutual help and non-indifference, the social active-participation ability of its members will be more higher. Some of the researchers conclude that the characteristic of Ukrainian society is high social activity, the ability to self-organization and self-management (the ability to democracy and freedom) (Zidoruk 2018).

The researchers of social activity in Ukraine distinguish a whole range of factors that are an obstacle to solving social problems, such as: limited access to public information necessary to make effective decisions; lack of trust in the institutions of power; lack of experience and socio-cultural values characteristic of a democratic society; paternalism; lack of the only coherent national identity (Kindratec 2009).

Opposite, one of the most important positive factors shaping civil activity is an occurrence of a stable middle class, which is the truly backbone of the modern democratic state. The middle class consists of a part of society with a more stable income, sufficient to meet most social and cultural needs. The middle class also consists of people with high qualifications and higher education. According to E. Bystrycki the construction of this class in Ukraine is a systemic problem, to be resolved by all methods and social resources, because the representatives of this social layer are able to not only fight for their own interests, but also have a significant impact on the institutions of power (Bystricki 2008).

Unfortunately in Ukraine, the middle class is very weak, it is mainly based on small and middle enterprises, family business and farmers. Slightly to a lesser extent – on scientists and engineering intelligence, employees of higher education institutions and cultural centers. There were only 61.1% of the middle class representatives showed readiness for active social activities in 2008, while right after the political changes in early 2014 the percentage of those willing was significantly increased (Shagina 2008), but, according to recent research, is still not enough to impact on significant civil society transformation.

The paradox of post-2014 activation

The apogee of the Ukrainian post-Soviet transformation today is the effects of political strikes of 2014/2015, because it is the first socio-political event for independent Ukraine, which led to some principal changes in society. One of the first effects of it is a significant increase of the social civil participation of Ukrainians and a growth of the Ukrainian patriotism and social consolidation of people around the Ukrainian National Idea.

It was expected, that these transformations would cause also growing and increasing a NGO's network and provide to democratic transformations. Unfortunately for next 4 years that did not happened. Moreover, contrary to the sociologists' forecasts, the results of recent researches indicate the absence of any significant changes in civil society structure at the institutional level. It means that NGOs are still not effective as it was expected to be.

Moreover in the period between 2013 and 2017 there is a lower citizens' trust in both social and state institutions is observed (Figure 1).

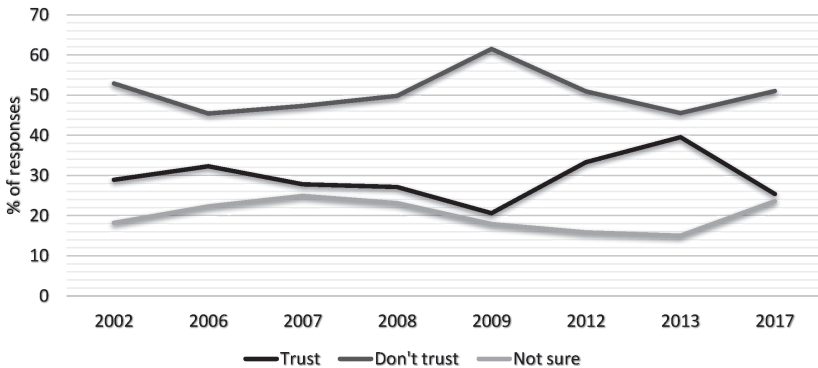

Figure 1. Trust level to NGO in Ukraine in 2002–2017

Source: data of annual public opinion surveys conducted by the Ukrainian Centre for Economic and Political Studies named after Olexander Razumkov

On the one hand, there is a constantly growing civil activity, which acquires new forms in society, and on the other, for the last 4 years of perceiving these changes, NGOs have not been successful in establishing correct cooperation and collaboration with local or state institutions.

Considering the formation of civil society as a continuous process of integrating democratic norms, values and cooperation practices between

sectors into society, of course there is no political strike to make democratization miracles. Mature democracy is only possible as a result of a comprehensive approach to transforming society. Not a forced strategy from government, but only the willingness of citizens to change their social environment is able to provide required transformations. This is the only way for Ukrainian democratic transformations in growing initiatives and social activity through cultural and social education from the lowest level in local society.

Bibliography

- Akimov D. I. (2004) *Stymulovannia gromadyanskoj aktyvnosti v ukrainskomu suspilstvi jak problema socioinzhenernoj dejatelnosti*, Avteref. dis. kand. sociol. nauk. Khark. nat. univ. im. V.N. Karazina, 19 p. (In Ukrainian)
- Bystricki E. (2008) *Peredchuttia gromadianskogo suspilstva // Dzerkalo tuzhdnia*. № 42. Available at: http://gazeta.dt.ua/POLITICS/peredchuttia_gromadyanskogo_suspilstva.html (accessed on: 21.01.2019). (In Ukrainian)
- Dergachov O. (2003) *Osoblivosti rozvytku i organizaciji struktur gromadianskogo suspilstva*. Ukraina: plodu dvadciatu burhluvuh rokiv: Zb. st. Fond im. Frifriha Berta, Region. predstavnuctwo w Ukraini. Bilorusii ta Moldovi. Uporiad. ta redak.: V. I. Andrijko ta G. Kyrt. – K. Zapovit. pp. 6–56. (In Ukrainian)
- Ermolaev A. V. (2012) *Pro stan rozvutky gromadianskogo suspilstva w Ukraini: analit. Dop.* In: A. V. Ermolaev, D. M. Gorelov, O. A. Kornievski et al. K.: NISD, 48 p. (In Ukrainian)
- Guseva A. V. (2009) *Psyhologichni chunnuku gotovnosti osobystosti do gromadyanskoj aktuvnosti*. Actoref. dis. kand. psih. nauk. 19.00.01 / Odes. nat. Universytet im I.I. Miechnikova. O. (In Ukrainian)
- Howard M. M. (2003) *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge University Press.
- Kalnish U. (2009) *Rozvutok gromadianskogo suspilstva v Ukrainie: vidpovidnist evropejskim standartam*. *Viche*. № 20. pp. 7–8. (In Ukrainian)
- Kindratec O. M. (2009) *Gromadianska aktuvnist jak umova demokratuzaciji suspilstwa*. *Gumanitarnuj vistnuk Zaporizkoji derzhavnoj inzhenernoj akademii*, № 38. Zaporizhia: Vud. ZDIA, pp. 117–125. (In Ukrainian)
- Klamut R. (2013) *Aktywność obywatelska jako rodzaj aktywności społecznej – perspektywa psychologiczna*. *Studia socjologiczne*, 1 (208). (In Polish)
- Mostowa J. (2004) *Pidniatysia do majdany*. *Dien*. December 4, № 49. Available at: http://gazeta.dt.ua/ARCHIVE/pidnyatysya_do_maydanu.html (accessed on: 24.03.2018). (In Ukrainian)
- Savrasova-Viyn T.O. (2009) *Haukovi pidhodu vuvchennia fenomeny gromadskoj aktuvnosti*. *Vistnuk Chernigivskogo derzhavnogo pedagogichnogo*

- universytety imeni T.G. Shevchenka*, Zb. nauk. prac.: u 2 t. (Seria “Psih nauki”). Chernigiv: ChDPU, № 74. Tom 2., pp. 133–136. (In Ukrainian)
- Shagina L. (2008) Gromadianska aktivnist ukrainskogo sredniego klasu. *Nacjonalna bezpeka i oborona*, № 7(101), pp. 30–45. (In Ukrainian)
- Skarżyńska K. (red.) (2002) *Aktywność i bierność polityczna. Podstawy psychologii politycznej*. Warszawa. (In Polish)
- Sociologu fiksujyt zagalne znuzhennia doviru do ukrainciv do vlady*. Available at: http://www.parlament.org.ua/index.php?action=news&ar_id=2246&as=0 (accessed on: 24.03.2018). (In Ukrainian)
- Stypułkowski W. (2012) Aktywność obywatelska – pojęcie, pomiar i jej wpływ na rozwój regionalny. *Zeszyty Naukowe WSEI seria: EKONOMIA*, 5(2), pp. 157–187. (In Polish)
- Sztompka P. (2000) *Trauma wielkiej zmiany*. Warszawa. (In Polish)
- The President of Ukraine Order № 212/2012 Pro Strategiju derzhavnoji politiku sprujania rozvutky gromadianskogo sypilstwa v Ukraini ta pershochergovi zahodu szczodo jiji realizaciji*. Available at: <http://www.president.gov.ua/documents/14621.html> (accessed on: 24.03.2018).
- V Ukraini za rik projshlo 3600 akcij protest. *LIGABiznesinform*. Available at: <http://news.liga.net/ua/news/politics/510708-v-ukra-n-za-r-k-proyshlo-3600-akts-y-rotestu.htm> (accessed on: 21.01.2018). (In Ukrainian)
- Zidoruk S. I. (2018) *Vpluv partij na formuvania zakonodavchoji vlady*. Available at: <http://old.niss.gov.ua/book/Krizachenko/index.htm> (accessed on: 24.03.2018). (In Ukrainian)

Украинское гражданское общество: структура, проблемы и новые вызовы

Резюме

В данной статье рассматривается структура и основные проблемы формирования гражданского общества на Украине, а также новые вызовы, возникшие после политического кризиса и радикальных событий на Украине в 2013–2014 гг. Проводится вторичный анализ литературы и результатов исследований, проведенных в области исследования гражданского общества на Украине. Анализ имеет по большей части теоретический характер и его результатом является обоснование проблемы основного «тормоза» демократических трансформаций на Украине.

Ключевые слова: гражданское общество, Украина, социальный капитал, гражданская активность, демократия, «Третий сектор», демократические преобразования, НПО, неправительственные организации.

Katrīne Kūkoja, Ligita Kūle (Latvia)

DIFFERENT APPROACHES IN PROVIDING EARLY CHILDHOOD EDUCATION SERVICES FOR VULNERABLE GROUPS IN LATVIA

Over the last decades, social investment paradigm has become more actual in family support policies. Growing number of studies show that investments at an early age has the highest returns in human capital, especially for vulnerable groups (including poor, low-income families, children with disabilities, etc.) and early childhood education and care services (ECEC) are the main form of social investment in this period of life. But for social investments to be successful there is a need for a balanced approach combining investment and protection strategies, otherwise investments can be diverted from most vulnerable groups of society (Matthew effect).

The aim of this paper is to analyse ECEC accessibility to vulnerable groups and to see if it differs between municipalities. To achieve goal of this research case studies were carried out in ten municipalities – two in each planning region of Latvia. Research paper contributes to the empirical case by investigating available support measures and ECEC attendance rates within frames of social investment paradigm.

Research results show that due to the existing ECEC financing model and legislation Matthew effect can be detected in the poorest municipalities with lowest population density in Latvia, where accessibility of ECEC may be disturbed for vulnerable groups mainly due to the limited budget possibilities for social assistance and special education provision. In order to ensure the equal distribution of social investments a centralized approach should be adopted in provision of pre-school education (before obligatory pre-school age) and provision of social assistance to vulnerable groups in Latvia.

Key words: social investments, vulnerable groups, ECEC, special education, Matthew effect.

During the last decades in most of the European countries, there has been a shift in family support policies toward social investment policies. Main reason for that are changes that have taken the place in last years – shift from one earned families to two earner families, demographic changes, as well as changes in the labour market (EC 2008).

Previous researches show, that social investment at an early age has the highest returns in human capital, and the main form of investment in this age is qualitative ECEC. Early childhood education programs provide

child care services and may facilitate the labour market careers of parents, but their greatest potential value is as a human capital investment in children and an effect of narrowing the achievement gap that opens up before children even start school and widens throughout their life (Duncan, Magnuson 2013; Goodstart 2014). Within the framework of social investment, it is good that particularly children from vulnerable families attend a pre-school educational institution at the earliest age possible (Morel 2012).

Importance of investment in early age is emphasized in such EU level policy documents as Europe2020 (EC 2010) and The Social Investment Package (SIP), as well as Latvian planning documents, like sustainable development strategy of Latvia “Latvija2030” that stresses the importance of available and accessible pre-school education services (Saeima of the Republic of Latvia 2010).

There has been an increase in spending on ECEC in EU, as well as in Latvia. EU28 spending on ECEC (primary and pre-primary education) has risen from 1.69% of GDP in 2012 to 1.7% of GDP in 2015, while Latvia spent 2,4% of GDP on ECEC in 2015 (Eurostat, home page).

Despite these positive trends, it is important to take into account that if distribution of social investments is not controlled, it can shift investments away from the most vulnerable groups of the society, while the middle and highest strata of the society receive investments to a higher degree – Matthew effect. That is why appropriate social protection and effective social redistribution should be a part of any effective investment strategy (Vandenbroucke, Vleminckx 2011).

Legislation changes, such as stipulating that pre-school education should be available to children from age of one and a half years in 2013 (Education Law 1999), over the last decades have promoted the availability of ECEC and increased the attendance of the services. If in 2008 82 169 children attended ECEC, than in 2016 already 96 626 children attended ECEC (Central Statistical Bureau of Latvia, home page). However, Latvia still faces shortages of ECEC places in urban areas and disturbed access to services in rural areas. One of the OECD recommendations to Latvia in 2016 was to increase access to pre-school education, especially in rural areas and for children under 3 years of age (OECD 2017). This situation may negatively affect child’s development and productivity when he or she grows up according to The World Bank’s newly created Human Capital Index. One of the five indicators that composes this index is years of schooling by the age of 18. While children in Latvia (72% productivity

level in the future) can expect to complete 11.3 quality years of learning by age 18, children in Singapore (88% productivity in the future) can expect to complete 12.9 quality years of schooling (The World Bank, home page).

Provision of ECEC until child reaches an obligatory pre-school age (age of 5) in Latvia is an obligation of the municipalities, as well as provision of support for special education and social assistance for those in need. Parents are responsible for covering meal costs in ECEC that usually range from two to four EUR per day unless municipality provides special discounts (it is not obligatory for municipalities). However, due to the existing financial model “money follows”, municipalities with lower population density have smaller budgets for provision of all the above-mentioned obligations. See Figure 1.

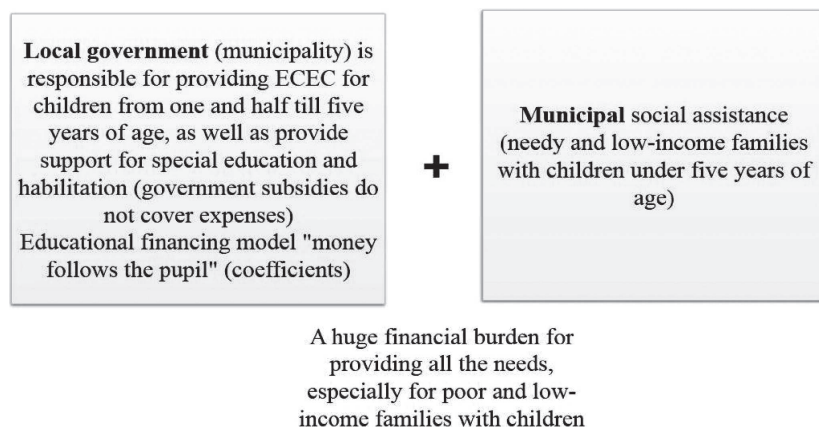

Figure 1. Responsibilities of municipalities in providing accessible ECEC services

Source: *Education Law 1999; Disability Law 2011; Law on Social Services and Social Assistance 2003*

To understand if ECEC are accessible in Latvia for vulnerable groups, case studies were carried out in ten municipalities – two in each planning region of Latvia. In each region the municipality with the highest (Mārupes, Ozolnieku, Brocēnu Cēsu and Vārkavas municipality) and lowest (Salacgrīvas, Tērvetes, Cēsaines, Rucavas and Aglonas municipality) birth rates per inhabitants were selected. Within these case studies, 16 interviews

with education specialists and social service administration in each municipality were carried out, as well as analysis of normative documents and statistics were carried out.

Table 1

Discounts for meal costs (%) in ECEC before obligatory pre-school age and income level for allocation of low-income family status in different municipalities, 2018

	Poor families (%)	Low-income families (%)	Budget on one family member in low income family
Mārupes municipality	100	100	260
Ozolnieku municipality	100	100	252
Brocēnu municipality	100	100	285
Cēsu municipality	90	50	265
Vārkavas municipality	100	100	214
Salacgrīvas municipality	100	100	195
Tērvetes municipality	0	0	215
Cesvaines municipality	100	0	188
Rucavas municipality	0	0	172
Aglonas municipality	50% for poor and low income large families	50% for poor and low income large families	150

Source: Interviews with municipality representatives, 2018

Case studies showed that accessibility of ECEC to vulnerable groups differs between municipalities. One of the main reasons for that are the different socioeconomic situations in municipalities and their possibilities to carry out municipality responsibilities, especially, when it comes to social assistance to vulnerable groups (discounts for meal costs in ECEC) and provision of special education. Discounts for meal costs in ECEC are one of the social assistance measure that affects ECEC accessibility to vulnerable groups, but their availability varies between municipalities. For example, in Rucava municipality support for covering the meal costs in ECEC for children from low-income and poor families is not provided until obligatory pre-school age (age of 5), while in Ozolnieku municipality costs are covered in full amount from one and a half years of age. See table Nr. 1.

Research results show that limited support for vulnerable children has a negative effect on ECEC attendance. If in 2017 only 45% of children (until obligatory pre-school age) attended ECEC in Aglonas municipality and 56% in Rucavas municipality, then in Cēsu municipality 102% of children attended these services, and 80% in Brocēnu municipality. But Cesvaines municipality case study shows, also other factors, such as priorities of municipality, can affect support provided to insure accessibility of ECEC to vulnerable groups. Despite the fact that Cesvaines municipality has a lower density of births per population, then, Tērvetes municipality, they manage to provide 100% coverage for meal cost for poor families.

Table 2

Availability of SEP and specialists in ECEC before obligatory pre-school age in different municipalities, 2018

Municipality	Pre-school educational establishments and SEP	Availability of specialist support in municipality ECEC		
		Special pedagogue	Speech therapist	Psychologist
Brocēnu municipality	ECEC “Varavīksne”; with language development disorders, with mixed developmental disorders	0	3,25	0
Cēsu municipality	Cesis Boarding School – Development Center; with language disorders, visual impairment, mixed developmental disorders, somatic diseases	0	1,4*	0
Rucavas municipality	licensed SEP is not available, closest available in Liepāja	0	0	0
Aglonas municipality	licensed SEP is not available	0	0,215	0,25

* Cesis Boarding School-Development Center: Specialist Pedagogue 1 load, Speech Therapist 4.7 workload, psychologist 1 load

Source: *Interviews with municipality representatives, 2018*

As we can see in the table Nr. 2, similar situation can be observed when it comes to availability of special educational programs (SEP) and specialist support in different municipality ECEC. While there is not licensed SEP available in Aglonas and Rucavas municipality, Brocēnu

municipality provides SEP for children with language development disorders and with mixed developmental disorders and Cēsu municipality provides SEP for children (starting age of 3) with language disorders, visual impairment, mixed developmental disorders and somatic diseases.

Another factor that promotes unequal situation within municipalities is absence of state defined income amount for allocation of to low-income family status. While state has defined, the income level for the allocation of poor family status (EUR 128,06 per person in one months), the income level for the allocation of low-income family status varies among municipalities. For example, while person with income level not higher than EUR 195,00 per months from Salacgrīvas municipality can receive a support as a low-income person, a person from Mārupes municipality can receive the same kind of support with income level EUR 260,00 per months. Not only the available support measures, but also the range of beneficiaries varies between municipalities noticeably, which makes inequalities even more significant.

Despite the fact, that vulnerable groups should attend ECEC services at an earliest age possible, case studies show that in the poorer rural areas there is an uneven redistribution of social investment, which creates unequal access to ECEC for vulnerable families.

Due to the financial model “money follows ...” and low density of population, accessibility of social investment services still differs between administrative areas in Latvia. The funding model initially determines a larger amount of social investment for local governments with higher population density. Matthew effect can be detected in the poorest municipalities with lower population density, mostly because these municipalities have fewer opportunities (limited budget) to provide the necessary investments for the most vulnerable groups of the population. However, Cesvaines municipality case study shows, that ECEC accessibility to vulnerable groups depends not only on financial aspect, but also on other factors, like priorities of the municipality.

To gain the full effect of social investments in early childhood, both at individual and society level, it is necessary to equalize and improve accessibility of ECEC, especially for those who are most in need of qualitative ECEC – vulnerable groups. Situation could be improved by implementing centralized approach in provision of pre-school education (before obligatory pre-school age) and provision of social assistance measures that are used to improve accessibility of ECEC to vulnerable groups in Latvia.

Bibliography

- Central Statistical Bureau of Latvia (home page) Available at: <http://www.csb.gov.lv/en> (accessed on: 06.07.2018).
- Disability Law (01.01.2011) Available at: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/211494> (accessed on: 06.05.2018).
- Duncan G. J., Magnuson K. (2013) *Investing in Preschool Programs*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4318654> (accessed on: 20.08.2018).
- Education Law (1999) Available at: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/50759> (accessed on: 08.08.2018).
- European Commission (2010) *EUROPE 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth*. Available at: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (accessed on: 20.06.2018).
- European Commission (home page) *Employment, Social Affairs & Inclusion: Social investment*. Available at: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1044&langId=en> (accessed on: 10.09.2018).
- Eurostat (home page) *Public expenditure on education by education level and programme orientation – as % of GD*. Available at: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=educ_uoe_fine06&lang=en (accessed on: 12.10.2018).
- Goodstart (2014) *Why access to early learning is important for vulnerable children*. Available at: <https://www.goodstart.org.au/getattachment/c899a9f4-80fc-4c1c-960a-a06a0ba79432.aspx> (accessed on: 05.09.2018).
- Law on Social Services and Social Assistance (2003) Available at: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/68488> (accessed on: 08.08.2018).
- Morel N., Palier B., Palme J. (2012) *Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges*. The Policy press, Great Britain.
- OECD (2017) *Education policy outlook Latvia*. Available at: <http://www.oecd.org/education/Education-Policy-Outlook-Country-Profile-Latvia.pdf> (accessed on: 25.08.2018).
- Saeima of the Republic of Latvia (2010) *Sustainable Development Strategy of Latvia until 2030*. Available at: http://www.varam.gov.lv/in_site/tools/download.php?file=files/text/dokumenti/pol_doc/ /LIAS_2030_lv.pdf (accessed on: 20.09.2017).
- The World Bank (home page) *Human Capital Index: Country Brief and Data*. Available at: <http://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (accessed on: 01.10.2018).
- Vandenbroucke F., Vleminckx K. (2011) *Disappointing poverty trends: is the social investment state to blame?* Downloaded from Sage publication. (accessed on: 06.05.2015).

Dažādas pieejas agrīnas pirmsskolas izglītības nodrošināšanai mazaizsargātajās grupās Latvijā

Kopsavilkums

Pēdējos gados pasaulē un arī Latvijā ģimenes politikas īstenošanā kļūst arvien aktuālāka sociālo investīciju paradigma. Arvien vairāk pētījumos tiek atklāts, ka agrīnām sociālām investīcijām ir vislielākā atdeve cilvēkkapitālā, īpaši tas attiecas uz mazaizsargātajām iedzīvotāju grupām (trūcīgas un maznodrošinātas ģimenes, bērniem ar funkcionāliem traucējumiem u.c.), un tieši pirmsskolas izglītības un agrīnie aprūpes pakalpojumi ir galvenā sociālo investīciju forma šajā vecumposmā. Tomēr, iepriekš veiktie pētījumi parāda, ka sociālo investīciju efektīvai izmatošanai nepieciešama sociālo investīciju kontrolēta pārdale sasaistē ar sociālās aizsardzības stratēģiju.

Galvenais pētījuma mērķis ir analizēt un noteikt pirmsskolas izglītības pieejamību mazaizsargāto iedzīvotāju grupām novados ar atšķirīgu sociālekonomisko stāvokli un iedzīvotāju skaitu. Lai sasniegtu pētījuma mērķi, kopumā tika veiktas 10 novadu gadījumu analīzes – katra Latvijas plānošanas reģiona divos novados.

Pētījuma rezultāti parāda, ka mazaizsargātām grupām, kuras dzīvo novados ar vājākiem sociālekonomiskiem rādītājiem un zemāku iedzīvotāju skaitu, ir ierobežotāka pieeja sociālo investīcijas pakalpojumiem, t.sk., speciālajai pirmsskolas izglītībai un sociālajam atbalstam, nekā pašvaldībās ar augstākiem sociālekonomiskiem rādītājiem. Šajos novados var tikt konstatēts Mateja efekts. Lai nodrošinātu vienlīdzīgu sociālo investīciju pārdali Latvijā, pirmsskolas izglītības (pirms obligātā pirmsskolas vecuma) un sociālā atbalsta nodrošināšanā būtu nepieciešams pielietot centralizētu pieeju.

Atslēgas vārdi: sociālās investīcijas, mazaizsargātās grupas, pirmsskolas izglītība, speciālā izglītība, Mateja efekts.

CULTURAL HYBRIDIZATION AND THE URBAN SOCIAL SPACE

At the time of society's development, more and more factors influence the shaping of the urban social space, one of them are socio-cultural phenomena. The article attempts to look at the urban space as a product of culture that sometimes flows to us from other parts of the world. However, with attempts to preserve the most important and unchangeable form of urban space. The problems are presented in the context of increasing the level of attractiveness of urban space, understood in contemporary categories.

Key words: urban space, cultural hybridization, city attractiveness, cultural space, regional development.

Introduction

Culture has always been a very important factor shaping urban space. The concept of culture has a very long and rich history in social sciences. However, depending on the development and progressive processes, including such as globalization, this concept has undergone various changes. In the context of urban space, we can talk about many forms of existing culture in a given area. We can also examine the degree of involvement and participation of residents in the cultural life of a given urban space. However, the main focus of this text will be on the aspect of multiculturalism that we can meet in urban space. At the turn of the century there were many forms of culture permeating, and even borrowing it from other parts of the world. In the era of globalization and progressive processes of mass development, contemporary urban space does not reflect the uniform culture of a given place. What is more, according to many researchers, multiculturalism and the interpenetration of cultures is connected with the identity of the inhabitants and, in the opinion of some, even its loss. The purpose of this article is to address issues related to new processes regarding the existence of culture in urban space. It is worth remaining the definitions and understanding of the concept of culture in terms of selected polish researchers. In the next part of the deliberations an attempt will be made to explain the meaning of culture in such processes as globalization. In the further part of the article, an understanding of the concept of cultural hybridization will be presented. Another issue raised up will be the multiculturalism in cities. In the last part, attention

will be paid to the problems of penetration and mixing of cultures in Polish cities, including the example of the Lublin city.

Culture in different theoretical perspectives

One of the sociologists who deals with the problems of culture and defines culture in sociological terms is Stefan Czarnowski¹. According to the researcher, it is the whole of objectified elements of social achievements, common to group members and able to expand spatially. Culture should be a common good of people, which manifests itself in the form of social achievements and has a positive character. Jacek Golka is another Polish researcher who deals with a given issue. He claims that culture is a civilization. According to the author, it extends over large geographic areas and covers large human populations and is characterized by high durability. He notes that the emergence of civilization consists in the expansion of one local culture in a large area, or the synthesis of different cultures (Golka 2007). In the context of culture, it is worth paying attention to the considerations of the Lublin sociologist Leon Dyczewski. He distinguishes the differences between the understanding of attributive and distributive cultures (Dyczewski 1993). Understanding is always associated with a human being. Culture in a given context is an attribute of a human being (Dyczewski 1995). It is everything that man's art expresses. It is also a state and a process. It is used to communicate with others, and man is its creator. This understanding has an anthropogenic character. On the other hand, distributive understanding is associated with a set of people who form a group, society or community. Culture in a given context is an integrated whole of values, patterns and behaviors related to society.

The concept of culture has existed for a very long time in social sciences. An attempt to define a given concept was undertaken by many researchers from various scientific disciplines. In the sociological dictionary, we can find a definition of culture, which is understood as the total of material and non-material products of man and everything that has not been

---

¹ Stefan Czarnowski born September 1, 1879, d. December 29, 1937. He was a sociologist, a religious scholar as well as a cultural historian and publicist. He was interested in economic, social and historical issues. He constantly wrote to the "Berlin Journal". Many years of cultural studies of this author were collected in the volume *Kultura*. A given item is considered one of the most outstanding works of this researcher. (Stefan Czarnowski, in: www.kulturologia.uw.edu.pl).

created in a natural way, but is the result of people's actions (Olechnicki 1999). The given definition indicates to us the division into what culture can be included and what culture is not. One of the researchers who took up the problem of defining the concept of culture is also Antonina Kłoskowska. The author mentions at least six ways of defining culture based on the considerations of foreign researchers (Kłoskowska 2007). As the first author, she presents descriptive and enumerative definitions that treat culture as a specific set of objects and components. Next definitions, historical, refer to tradition as a mechanism for transferring cultural heritage. The term culture in a given context refers to heritage, tradition and achievements. In a given sense, culture is characteristic as a message of a past experience for future generations (Ibidem, p. 32). Subsequent definitions, considered in terms of norms, refer to the subordination of human behavior, certain norms, values and models. According to the author, culture is treated here as a set of certain norms in force in a given community (Ibidem). Psychological definitions focus on the psychological mechanisms of the formation of culture. According to the author, they analyze the mechanisms of learning and forming cultural habits. Next definitions, structural, that is, the structure of a given culture and genetic definitions or focusing on the genesis of culture (Ibidem, pp. 33–34). On the basis of several forms of definitions, the author treats culture as a relatively integrated whole, embracing people's behavior, running according to patterns common to the social community, developed and absorbed in the course of interaction and containing products of such behaviors (Ibidem, pp. 33–34).

Witold Kawecki is one of the Polish researchers who took up the issues of contemporary culture. Increasingly attention is paid to the fact that currently societies develop so-called horizontal communication, thereby neglecting its vertical dimension (Kawecki 2011). According to the author, people cease to understand the code of their own culture, which is the minimum condition for establishing communication contact, which is the minimum condition for making contact (Ibidem). The cultural code is destroyed by including everything that can be called industry and cultural services. This is done, among others, thanks to the media that donates cultural production, without trying to select a more ambitious repertoire. The author in a given context draws attention to the supermarkets of culture, which means bringing it to the market level (Ibidem). It deprives the recipients of experiencing authentic astonishment and

mystery. It does not give the individual the commitment to reflect on life and the world. As a consequence, it can create an awareness that man really does not belong to any culture and can easily submit to the folk culture (Ibidem). Undoubtedly, the processes of globalization influence the above presented issues. Similarly, many changes take place in the context of urban space.

Hybridization of Culture in the Social Space

The concept of hybridisation is closely linked to the term “transculturalism”. As Aleksandra Lipa writes, it is a term introduced by Wolfgang Welsch. The concept of transculturality assumes that nowadays cultures are interrelated and interpenetrate, thereby losing their homogeneity and separateness. This is largely related to identity, which depends on the borrowed elements. The author claims that part of the culture is the exchange of different styles of life, values and beliefs. Through this exchange, new forms of culture are created that interweave. The issue of transculturality manifests itself in hybridization (Lipa *Hybrydyzacja czyli transkulturowość...*). According to Jan Szymczyk, hybridization is cultural amalgamation in the field of culture (Szymczyk *Procesy przemian...*). The term “cultural amalgamation” means the mixing of ethnic, racial or denominational groups, e.g. as a result of entering into mixed marriages. Hybridization is penetration, assimilation to local cultures only certain elements of culture from the global circulation. Examples are global ideas, values that local cultures process, then absorb and accept them (Ibidem). Hybridization does not cause total uniformization of the world, its unification, just like homogenization². What’s more, hybridization can lead to such phenomena as the syncretism of local cultures. It is a combination of local, regional and national cultures. It is something looser than creolization, that is, a total combination of elements, otherwise known as homogenization. The result of hybridization is cultural creolization,

---

² Homogenization is a similarity, unification of national societies according to one pattern. Usually, such a model is the model of American or Western culture. For this reason, many researchers write about westernization or Americanization of the contemporary world in the field of culture. The symbols of the domination of eg American culture on a global scale can be considered, among others the currency of the United States, the phenomenon of macdonaldation, through which undoubtedly the influence of American culture on a global scale and the very high technological level of the American media through which the American culture is spreading around the world. (J. Szymczyk, Processes of changes in the global society, participant observation).

that is, a far-reaching mix of previously different local cultures, which results in a certain cultural synthesis (Ibidem).

As it has already been mentioned in this article, globalization is a factor that nowadays has the strongest influence on cultural hybridization. Cultural flows within the global space are not symmetrical or mutual. The majority is one-way, where the centers are the place of initiating broadcasted content and cultural messages towards the periphery (Gerwazy, *Teorie globalizacji...*). The content data is transferred there and they are adapted. Flows from the periphery to the center are rare and usually refer to the marginal aspects of culture, including we can include here reggae music or Indonesian cuisine. Such cultural centers are not isolated or eternal. In every era there are specialized centers for certain content or cultural products, eg in today's times a particularly strong cultural center whose messages take over other communities is the USA in the fields of technology, science and culture, France in the field of refined cuisine and elite fashion, and Germany in in the field of work culture (Ibidem). There are also regional centers whose cultural content affects only a certain number of countries or a specific region. These centers include Iran for the Islamic world, the Vatican for Christian countries. The stronger cultures mingle with the weaker ones, where none of them remains unchanged and pure. There is a multitude of cultures, each of which is internally complex. It is a derivative of numerous influences and contacts. According to the author, the creative power of human societies is manifested in such a plurality of diverse cultures. Within the global cultural space, there is an eternal dialogue of meanings, values of rules and ideas (Ibidem).

As Kazimierz Krzysztofek writes, now cities are becoming multi-narrative. Their activity in influencing cultural processes in their area was partly enforced by the decreasing involvement of central governments and administration in financing culture (Krzysztofek 2005). According to the author, the inadequacy of the current model of cultural policy results mainly from the socio-cultural change. Inhabitants of cities in rich societies are more and more educated, they live in an information society, where there is a multitude of subjects struggling to draw their attention, including attractive entertainment and leisure activities (Ibidem). It is worth paying attention to the fact that given entities in the era of globalization come from different parts of the world and thus also from different cultures. Individuals thus have the option of choosing between an attractive offer, not necessarily referring to native or local culture. Such borrowings

affect the subsequent development of a given community in a given area. There is a mix-up of cultures, where in the long run it may be difficult to distinguish between local culture and borrowed culture from other parts of the world (Ibidem).

Another aspect that Krzysztofek draws attention to is the migration issue in the context of cultural hybridization. Migrations of the second half of the twentieth century led to the fact that areas with all the characteristics of the ethnic borderland found themselves in many European countries, not only in the case of metropolises. Migration processes are constantly growing. As K. Krzysztofek writes, it is estimated that around 300–400 million people globally do not live permanently in their place of birth. In this way, the problem of managing these areas arises (Ibidem, p. 45). One standard of citizenship in multicultural communities is getting harder and harder. A favorable circumstance that becomes a chance to find solutions are some spontaneous processes. As the author points out, in the second, and especially in the third generation, there is a need to re-authenticate their own symbols in a culturally foreign urban space. As an example, the researcher gives the value in a given space of a church or a mosque (Ibidem, pp. 46–47). This is a positive mental change. It is a kind of longing for symbols that refer to the roots of family individuals or collectivities. In another environment, people feel the need to bring their own identity into the surrounding space. The authorities of the urban space data support the need for reterritorialization, creating special programs to support the communities concerned.

Other sociologists who deal with the issues of multiculturalism are Anna Śliz and Marek S. Szczepański. Researchers are focused on multiculturalism of the metropolis (Śliz, Szczepański 2010). Same as Krzysztofek, they consider migration as the main factor. The compression of time and space, or the connection of the present with the future, favors the movement of large masses of people (Ibidem). The development of transport, airlines and new ways of traveling, together with constantly lowering costs, make people willing to travel and easier to move and visit each other. As the authors note, the image of world cities is becoming more and more culturally diverse, both in the material and symbolic spheres. People, moving from different corners of the world, bring with them different cultural patterns, different axiological systems, normative systems and language. As researchers point out, modern metropolises are characterized to a large extent by multiculturalism. The authors, based on the analysis of the problems conducted by foreign researchers, call multi-

culturalism “boutique”. It brings us on to the simple saturation of social space with symbols identifying cultural diversity.

The so-called multiculturalism manifests itself in the restaurants and festivals found in the streets of cities, and the manifestation of a cultural tradition different from the dominant one in a given social space. Another type of multiculturalism is the so-called strong multiculturalism. It brings us on to national and ethnic diversity. According to the authors, modern big cities combine both strong and boutique multiculturalism in their space (Ibidem, p. 61). Such a situation may be positive for the city’s development, but it may also have negative consequences. Multicultural cities are struggling with many social and economic problems. Sometimes there is a need for a separate policy in managing such a city and special administration departments devoted to work on such areas.

Culture in regional development

Poland is a country that does not have an extensive metropolis in its area. There are several cities that were tried but they do not officially meet the criteria. However, when it comes to multiculturalism, Polish cities have a diverse and culturally mixed structure. Lublin is an example of a multicultural city in Poland. As Joanna Szczęśna and Monika Wesołowska note, Lublin has a multicultural space. It is a city that was created in a place with high strategic and political importance (Szczęśna, Wesołowska 2009). Its significance has increased particularly since the Lublin Union came into being in 1569³. This year, the city celebrates the 450th anniversary of the signing of the Union of Lublin, where the celebrations will take place under the title “From the Union of Lublin to the European Union”. In those years, Lublin found itself in the center of the Polish-Lithuanian Commonwealth, on the border of Poland, Lithuania and Rus, ie three areas of different economy and culture. The importance of the city also increased during the reign of the Jagiellonians. The city was very often visited by the king who visited them for political and administrative reasons. Lublin then developed as a commercial, political, cultural

---

³ The Union of Lublin, an international agreement between the Crown of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania, concluded on July 1, 1569, at the general sejm in Lublin. Described differently as the real union. As a result, the state was founded as the Polish-Lithuanian Commonwealth. Possessing a common monarch, coat, diet, currency, foreign and defense policy. However, a separate treasury, offices, army and judiciary have been preserved. (Unia Lubelska, in: www.tmn.pl)

and religious center. Then, during the revival, the Commonwealth became a place of religious tolerance, which resulted in the influx of religious refugees from various European countries to its territories.

During this period, Calvinism and Arianism grew strongly here and Orthodox, Judaism and other religions could be found. Communities of such nations as Poles, Lithuanians, Jews, Germans, French, Scots, Italians, Dutch, Greeks and Armenians functioned in Lublin, leaving traces of their presence in the cultural landscape of the city (Szczęsna, Wesołowska 2009). According to the authors, the Jewish community had a special contribution to creating a multicultural image of the city. In the interwar period, the size of a given group in the Lublin area was very high. At that time Lublin was one of the main administrative and religious centers of the Jewish diaspora. It left a large cultural heritage in the form of memorabilia, architecture, poetry and accepted traditions. The long period of time and high numbers have had a major impact on the social space of the city.

Nowadays, the multiculturalism of Lublin is coming back to the idea of multiculturalism⁴. This fact is used as a characteristic element of the city's image, building its brand. The multiculturalism of Lublin is present in the tourist and cultural offer of the city. An interesting aspect is the fact that tourist routes referring to the multiculturalism of the city have been designated in the city. We include the Multicultural Route, the Lublin Jewish Memorial Trail, and the Jagiellonian Union of the Lublin Trail⁵. All of these routes lead to monuments and objects related to the presence in Lublin of other nationalities and religions and historical events of international rank. Another manifestation of reflecting the multiculturalism of the city are the festivals and events organized in it referring to the

---

⁴ "The multicultural trail "which consists of various points, testify to its multicultural character, including former Greek Orthodox church, the Evangelical-Augsburg church. Of the Holy Trinity, cathedral square, Orthodox church. Transfiguration. Another example of the cultural offer of Lublin are walks: "Lublin with a soul", during which residents and visitors can get to know Lublin from the cultural side. Another example is the organization of the annual edition of the Night of Culture, during which many events take place, the main purpose of which is to promote broadly understood culture and visit institutions associated with culture. (Events, in: www.kultura.lublin.eu).

⁵ "Jagiellonian Trail of the Union of Lublin", a tourist route designated to commemorate the achievements of Jęgiellonów, which was the conclusion in 1569 of the Polish-Lithuanian Union in Lublin. The trail consists of 8 stops, including, among others, the Lublin Castle, the Lubomelski House or the Union of Lublin Monument on Litewski Square. (Tourist routes, in: www.um.lublin.pl).

multicultural tradition and the interpenetration of cultures in a given urban space. Such events include The Jagiellonian Fair⁶, the Crossroads of Europe Festival⁷, International Dance Theaters' Meetings and the Festival of Magicians⁸.

All these events involve promoting the cultural side of Lublin. It is a chance for residents and visitors to get to know the cultural and historical side of the city. What's more, recent years show that the community living in the Lublin area willingly participates in organized projects and identifies with their message. A manifestation of this fact is the activity of the Lublin community, including students, for example, on internet portals. An example of such activities is the Factory of Good Space, on which the portal undertakes various social problems and the will to undertake new programs in the context of cultural hybridization of Lublin. Another manifestation of such activity is the Multicultural Lublin Festival. In addition to the festival itself, many actions are taken in the context of the festival. Pawel Franczak describes the event as one of the most ambitious cultural projects in Lublin. The author points to a very difficult mission of organizers and participants of combining over religious and ethnic divisions. As the author writes, the festival is an attempt to present the distinctness of the cultures of national minorities, but also their mutual penetration and complementation (Ibidem).

---

⁶ "The Jagiellonian Fair" is not just a merchant event, but also a meeting ground for cultures. Artists from different countries are invited to participate, including Ukraine and Belarus, who cultivate the tradition of the former fairs. The idea of the Jagiellonian Fair is to be a kind of manifestation of dissimilarity stemming, among others, from a shared story. (The Jagiellonian Fair, in: www.jarmarkjagiellonski.pl).

⁷ "The Crossroads of Europe Festival" is a film festival organized in Lublin for several years. The presented films and the program of the festival are to refer to social problems affecting people all over the world. Among other things, it is about problems related to identity, morality or political problems. The idea of the festival is to reconcile integration with freedom and independence. The festival is attended by representatives from many countries, presenting their film achievements. (Crossroads of Europe, in: www.rozstaje.ack.lublin.pl).

⁸ "The Carnival" is a festival whose founding is the ludic character and presentation of contemporary juggling and circus performances. The streets of the city of Lublin become the stage where performances, workshops and performances of artists from this field of art take place. As part of the festival, a parade is organized in which representatives of many cultures, including from other countries, take part. The festival is supposed to "reflect the spirituality, authenticity, cultural wealth and magical atmosphere of the city". (Carnaval, at: www.sztukmistrze.eu.pl).

Conclusions

It follows from the considerations that the process of hybridizing culture in the city space is a very current phenomenon, mainly in the developing processes of globalization. Mixing of cultures is present in large and smaller cities with varying degrees of severity. The effects of globalization, which is the so-called “shrinkage” of time and space, facilitates the movement of even the masses of the population and the transfer of traditions, customs and messages with them. Cultural hybridization carries many positive aspects, such as enriching cultures, expanding contacts, increasing tolerance, but also has its negative sides. Not all societies are willing to accept forms of other cultures at once, and even live close to another culture that has never been known to them. The interpenetration of cultures is connected with the identity of the inhabitants. An important issue in the context of cultural hybridization and the shaping of the urban social space is the fact that, more often, this is an important aspect of regional development. What’s more, the researchers pay attention to the potential of cultural capital, which is extremely often used in work on the strategies of urban and regional development. An example of a city that effectively uses this potential is the capital of south-eastern Poland – the city of Lublin. Lublin is a reflection of the mixing of cultures from the earliest times. His history already indicates a culturally rich mix of people representing different customs, traditions and cultural heritage. A manifestation of the positive reception of the interconnected many cultures is the organization of many international festivals and meetings.

Bibliography

- Czarnowski S. (1948) *Kultura*, Wydawnictwo Książka, Warszawa. (In Polish)
- Dyczewski L. (1993) *Kultura polska w procesie przemian*, Wydawnictwo KUL, Lublin. (In Polish)
- Dyczewski L. (1993) *Socjologia kultury*, Wydawnictwo KUL, Lublin. (In Polish)
- Franczak P. (n.d.) *Wielokulturowy Lublin – bądźmy jak kolorowy obraz*. (In Polish)
- Gerwazy M. (n.d.) *Teorie globalizacji kulturowej społeczeństwa*. Available at: www.eduteka.pl (In Polish)
- Golka M. (2007) *Socjologia kultury*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa.
- Kawecki W. (2011) *Komercjalizacja współczesnej kultury*. Available at: <https://kmt.uksw.edu.pl/komercjalizacja-wspolczesnej-kultury-artykul> (In Polish)
- Kłoskowska A. (2007) *Socjologia kultury*, PWN, Warszawa. (In Polish)

- Krzysztofek K. (2005) Tendencje zmian w przestrzeni późnonowoczesnego miasta. In: *Przemiany miasta. Wokół socjologii Aleksandra Wallisa*. (In Polish)
- Lipa A. *Hybrydyzacja czyli transkulturowość w literaturze i przekładzie*. Available at: www.legalnakultura.pl (In Polish)
- Olechnicki K. (1999) Kultura, In: *Słownik socjologiczny*, red. K. Olechnicki, P. Załęcki, Wydawnictwo Graffiti BC, Toruń. (In Polish)
- Śliz A., Szczepański M. S. (2010) Wielokulturowość w metropolii. Szkic do portretu socjologicznego, in: *Przemiany miast polskich o 1989*, red. Kryczka P., Bielecka-Prus J., Wydawnictwo WSPA, Lublin. (In Polish)
- Szczęśna J., Wesołowska M. (2009) *Wielokulturowa przestrzeń Lublina w świadomości mieszkańców*, w: *Stare i nowe struktury społeczne w Polsce. Przestrzeń antropogeniczna miasta Lublina. Waloryzacja, wytwarzanie, użytkowanie. Część druga materiałów z konferencji, Tom X*, red. Styk J., Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin. (In Polish)
- Szymczyk J. *Procesy przemian społeczeństwa globalnego*, [lecture: participating observation]. (In Polish)
- Wantuch-Matla D. (2014) *Hybrydyzacja współczesnych przestrzeni publicznych, Teka Komisji Architektury i Urbanistyki w Krakowie, Tom XLII*, Kraków. (In Polish)

Internet Resources

- Wydarzenia*. Available at: www.kultura.lublin.eu
- Szlaki turystyczne*. Available at: www.um.lublin.pl
- Jarmark Jagielloński*. Available at: www.jarmarkjagiellonski.pl
- Rozstaje Europy*. Available at: www.rozstaje.ack.lublin.pl
- Mikołajki Folkowe*. Available at: www.miklajki.folkowe.prv.pl
- Międzynarodowe Spotkania Teatrów Tańca*. Available at: www.kultura.lublin.eu
- Carnaval*. Available at: www.sztukmistrze.eu.pl
- Wielokulturowy Lublin*. Available at: www.wielokulturowylublin.pl

Культурная гибридизация и городское социальное пространство

Резюме

В период развития общества все больше факторов влияют на формирование городского социального пространства, одним из них являются социокультурные явления. В статье предпринята попытка взглянуть на городское пространство как на продукт культуры, который зачастую приходит к нам из других частей света, пытаясь, однако, сохранить наиболее важную и неизменную форму городского пространства. Проблемы представлены в контексте повышения уровня привлекательности городского пространства, понимаемого в современных категориях.

Ключевые слова: городское пространство, культурная гибридизация, городская привлекательность, культурное пространство, региональное развитие.

ARMY AS AN ELEMENT OF LOCAL ENVIRONMENT – A TERRITORIAL AND ORGANIZATIONAL PERSPECTIVE

The presence of the army in a specific space has a different impact on socio-economic situation of urban and rural areas and is assessed differently by local authorities, residents and entrepreneurs. Similarly, the liquidation of the army in a specific space results in different consequences and assessments of local entities. In the source literature, in the territorial perspective, the issue of importance of the army for the local labour market is raised. At the same time, the army, as an organisation, is assessed by its members in terms of employment conditions, development opportunities, etc. (organisational perspective). This article combines the territorial perspective – perception of the army as an important subject for local development with the organizational perspective – perception of the army as an employer by soldiers and civilian workers. It focuses on the motives behind choosing this organization as a place of service and work and its attributes. The study used the method of an analysis, synthesis and diagnostic survey (the poll method) – conducted among soldiers and employees of the army. This made it possible to formulate preliminary findings on how respondents living in towns of different sizes assess the stability of work in the army, wage competitiveness, the possibility of reconciling private life with professional development opportunities, as well as the motives for choosing work and service in the army.

Key words: territorial perspective, organizational perspective, relations, army, motives, attributes.

Introduction

The military units located on the territory of municipalities, together with other institutions of social and economic life, constitute one of the elements of local environment. They influence the social and economic situation of individual municipalities with different strength and in different forms, depending on: size, profile and potential of a municipality and size and tasks carried out by a military unit (Sirko, Piotrowska-Trybull 2013). In the source literature there are examples of their impact on labour market, trade turnover of local companies, income level (Stenberg, Rowley 1993; Kriesel, Gilbreath 1994). When considering the impact of the army on local development, the authors emphasise that the location of military bases in a given territory can be treated as a programme of direct intervention in the course of local affairs, consisting in supporting the economic development of municipalities (Andersson, Lundberg, Sjöström 2007).

The studies' results obtained within the project *Local and Regional Conditions for the Functioning of Military Units on the National Territory* (Sirko, Piotrowska-Trybull 2013) indicated that the presence of a military unit is considered to be a factor supporting the local labour market, especially by representatives of smaller municipalities (urban-rural and rural). The importance of a military unit for the municipalities grew with the increase in the number of soldiers conducting service in its territory or when it performed training functions resulting in influx of soldiers participating in training. At the same time, in some municipalities where the army was stationed, some concerns were raised related to the potential deterioration of social and economic situation as a result of a unit liquidation. Representatives of the surveyed local governments stressed that in the case of a decision to dismantle a unit, they would conduct lobbying activities to maintain that unit in their municipality. The conviction that such actions were necessary resulted from the experience of other municipalities which, as a result of the army liquidation, experienced difficulties in developing post-military areas and on the local labour market (Piotrowska-Trybull 2013). The source literature mentions examples of territorial units with diversified adjustment possibilities after the closure of military bases. T. Cowan pointed out that the adjustment possibilities are influenced not only by the level of development of a particular municipality, but also by the situation and development trends in the whole economy (Cowan, Webel 2008). In turn, P.L. Stenberg and T.D. Rowley also indicated an area type – urban or rural (Stenberg, Rowley 1993) as a factor differentiating adjustment possibilities. The results of their analysis indicated that due to the closure of military bases, more jobs were lost in urban areas. However, in relative terms, rural areas were in a worse situation (Stenberg, Rowley 1993), with a lower level of diversification of the economic structure in relation to cities, where the lost jobs were a restriction of development, at times, for many years (Stenberg 1998).

Different impact of the army on the social and economic situation of urban and rural areas during the stationing of the unit in a given area, as well as various consequences after its disassembly (territorial perspective) prompted the study on the motives for choosing the army as an employer, as well as its attributes on the labour market (organisational perspective). It was initially assumed that assessment of the army attributes and the motives for choosing this employer may vary depending on the size of place where a respondent lives. The 2017 pilot study was conducted with the use of the diagnostic survey with the poll method. It encompassed

246 respondents, including 101 officers taking part in courses and trainings at the War Studies University in Warsaw (ASzWoj) and 145 soldiers and employees of the army of the 11th Mazurian Artillery Regiment in Węgorzewo (11 MPA). However, this article presents the results concerning 237 respondents (93 – ASzWoj; 144 – 11 MPA), 9 questionnaires were rejected because the respondents did not indicate where they lived. The largest number of respondents indicated that they lived, permanently, in a city of up to 20,000 inhabitants (33.7%), the next largest group inhabited a village (21%) and almost the same number of respondents indicated a city of between 20,000 and 50,000 citizens. The percentage of respondents living in cities between 50,000 and 100,000 and 100,000 up to 500,000 inhabitants was 9,7% and 9,2% respectively. In turn, there were about 6% of the respondents in cities of over 500,000 (Fig. 1).

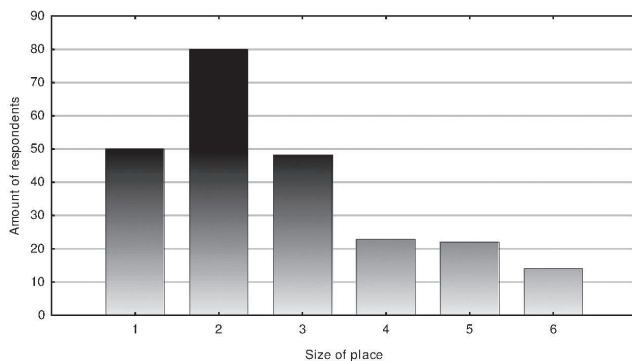

Figure 1. Respondents as per place of residence

Legend: 1. village; 2. city up to 20,000 inhabitants; 3. city from 20,000 to 50,000 inhabitants; 4. city from 50,000 to 100,000 inhabitants; 5. city from 100,000 to 500,000 inhabitants; 6. city over 500,000 inhabitants.

Source: survey results

The issue analysis attempted determine how the respondents living in localities of different sizes evaluate the stability of work offered by the army, competitiveness of salaries, the possibility of reconciling private and professional life, professional development opportunities, as well as what motives they chose to work and serve in the army. Excel and Statistica were used to analyse the collected material. The results were statistically significant at the level of $\alpha=0.05$. Also, the χ^2 test was used to verify statistical hypotheses.

Conditions for taking up employment and service in the army

The analysis began with the identification of motives, which, to a large extent, guided the respondents when choosing the army as an employer. Motives stimulating to action make it possible to satisfy a specific need. In the case of the army, it can be linked to the nature of work one wants to perform and the characteristics of an employer, which respond to the needs of employees and correspond to their perceptions of a specific institution. In the case of the military, among the characteristics of work and the employer one can mention, among others: exceptional, stable, demanding, team-oriented, developmental, appreciating effort, interesting, “anchored” historically, characterised by continuity. The respondents’ answers made it possible to define the following motives¹: which guided the choice of the army as an employer to the greatest extent: reliability of employment, interest in the army, possibility of professional advancement and relatively high salaries and other privileges. The following traits ranked further down the importance list: prestige of the individual as an employer and military financing of courses and trainings (Fig. 2).

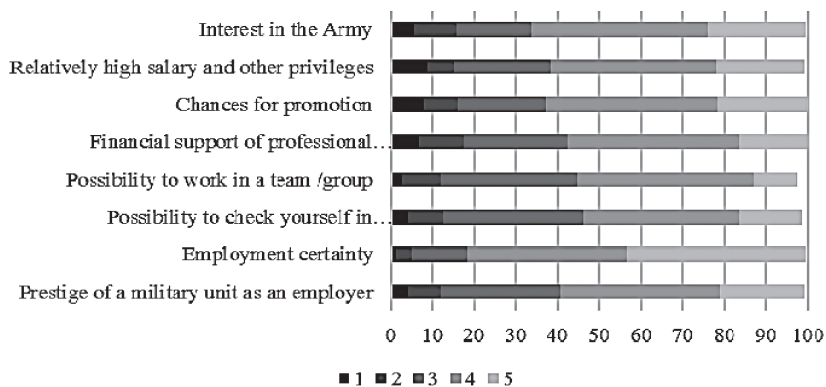

Figure 2. Motives of taking up work in the Army, respondents’ replies in %

Scale from 1 to 5, where: 1 – unimportant, 2 – of little importance, 3 – of average importance, 4 – important, 5 – very important. In some of the categories the values do not sum up to 100% due to the insufficiencies amounting.

Source: own study based on the conducted studies

¹ The sum of important and very important replies.

When analyzing the results in the scope of motives for choosing an employer in terms of the size of the place where the respondents lived, a correlation of an average relation strength² was noted between the variable employment security and the variable place of permanent residence ($r=0.31$). The respondents living in towns and cities of various sizes most often indicated this motive as having a large and very large significance for the choice of the employer. It was most often emphasised by respondents from cities with up to 20,000, over 20,000 up to 50,000 and over 100 up to 500,000 inhabitants (84%; 85% and 81% respectively).

Another motive for choosing the army as an employer, described as important and very important, was the interest of respondents in the army, which was stated by nearly 65%. It is worth noting that regardless of the size of the place where the respondents lived, in each of the groups the largest number of people indicated that this motive was important and very important. The highest number of indications was recorded among the respondents from the largest cities, with the population between 100,000 and 500,000, and above 500,000 (79%; 78% respectively) and slightly less indications were recorded in the cities up to 20,000 and rural areas (57%; 60%). At the same time, in the last two groups it was more often answered that this motive had an average weight (24%; 20%).

The possibility of professional promotion as an important motive for choosing the army as an employer was emphasised by 41% and 21% saw it as very important, the answer indicating average importance was given by 21%, little importance or no importance was declared by 8% in both of the cases. In the group of respondents from: rural areas, cities over 20,000 to 50,000, cities over 50,000 to 100,000 and cities over 100,000 to 500,000 inhabitants, they constituted at least 65%. Slightly fewer answers indicating important and very important function were formulated by respondents from cities over 500,000 – 42% and cities up to 20,000 – 55%. At the same time, the respondents from the largest cities more often than other groups underlined average importance (35.7%), in rural areas and in cities up to 50,000, these indications ranged from 20% to 22%.

In the course of the analysis, a relationship of average strength between the variable relatively high salary and other privileges in the army and the variable place of residence was noticed ($r=0.37$). Nearly 40% of the

---

² As Cite in: A. Góralski (1987): $r = 0$ – lack; $0 < r < 0.1$ – slight, $0.1 \leq r < 0.3$ – poor, $0.3 \leq r < 0.5$ – average; $0.5 \leq r < 0.7$ – high; $0.7 \leq r < 0.9$ – very high; $0.9 \leq r < 1$ – almost full, $r = 1$ – full.

respondents rated it as important, 21% as very important, 23% considered it to be of average importance, and about 15% saw it as having no or little importance. This motive was most often emphasised as important and very important by the respondents living in the cities up to 20,000 inhabitants (69%), followed by villages (60%) and cities with the population above 20,000 to 50,000 (60%). The highest number of answers indicating average importance was recorded among the respondents from rural areas (32%) and the largest cities (35%), they also expressed the highest number of answers indicating little and no importance (22%).

Financing by a military institution of professional development, including training and courses, in the eyes of 17.3% of the respondents, was a motive of no or little importance, 25% described it as of average importance, while slightly more than 57% considered it to be important and very important. In particular groups inhabiting towns and cities of different sizes, the respondents most often considered it important. Most often the respondents from cities over 100,000 to 500,000 inhabitants (68%), villages (64%) and cities over 20,000 to 50,000 (60%) attached high and very high importance to it. Such answers were the least frequent among the respondents from cities over 50,000 to 100,000 inhabitants. In addition, among the respondents from the largest cities provided the greatest amount of answers indicating average importance (35%), a similar percentage was recorded in the group of cities over 50,000 to 100,000 (60%) population.

Characteristics of the army as an employer

The army is associated with stability of work, which provides security for the family and, as indicated above, this feature is one of the motives behind the choice of this institution as a place of work. Among the statements proposed to the respondents, “stability of work in the army” was rated the highest, more than 73% agreed with it to a large and very large extent, 15% to an average extent, the others replied that they agreed with it to a small degree or disagreed with it. Taking into account the criterion of residence of the respondents in all groups, the answers most frequently showed that the respondents agree with the statement to a large or very large extent, with the largest number of such responses among the respondents living in rural areas (80% in this group) and in cities with a population of 20,000 to 50,000 (77%), the smallest one – in the cities with a population of 100,000 to 500,000 (63%) (Fig. 3).

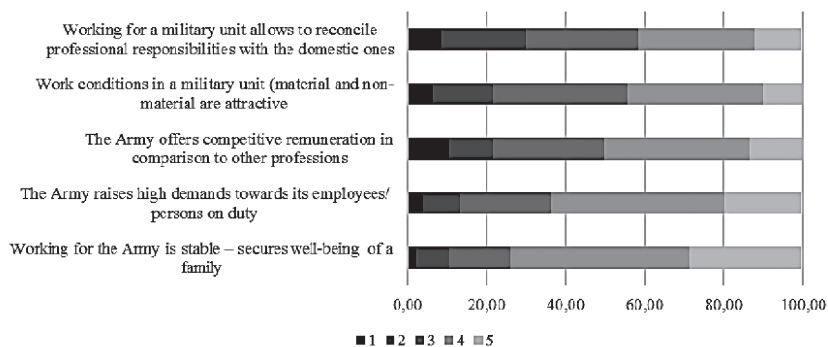

Figure 3. Work characteristics according to the respondents, answers in %

Scale from 1 to 5, where 1. means I do not agree; 2. I agree to a small extent; 3. I agree to an average extent; 4. I agree to a large extent; 5. I agree to a very large extent.

Source: *as above*

Another attribute of the army as an employer, which the respondents agreed with to a large and very large extent, were the high requirements for those on duty and working in the army; such answer was given by more than 63% of respondents. 23% of the respondents agreed with it to an average extent, the others agreed with this statement to a small extent or disagreed with it. The respondents from cities ranging from 100,000 to 500,000 inhabitants most frequently agreed with this statement to a large and very large extent (72%), the respondents from cities ranging from 20,000 to 50,000 inhabitants (70.8%) responded similarly, while the respondents from the cities with the population count above 500,000 responded so in 42%. The respondents from the largest cities more often than in other groups indicated that they agreed with this statement to a small extent (35.7%).

The respondents, to varying degrees, agreed with the statement that remuneration in the army is competitive in comparison to other occupations. 13.5% of the respondents agreed with it to a very large extent, to a large extent – 36.7%, to an average extent – 28.2%, to a small extent – about 11% and almost the same amount disagreed with this statement. To a large and very large extent, the statement regarding the competitive salaries in the army was agreed with by the respondents from: the cities with the citizen count of 50,000 to 100,000, rural areas and cities with 20,000 to 50,000 citizens (65%; 62%; 54.5% respectively). On the other

hand, the lowest number of such responses was provided by the inhabitants of cities between 100,000 and 500,000 and over 500,000 population count (32%; 35.7%, respectively). Agreement to an average degree was the most frequently registered among the respondents from the cities between 100,000 and 500,000 citizens (45%). It is also worth noting that in the group of the respondents from the cities with over 500,000 citizens 35% of them agreed with this statement to a small extent or did not agree with it, a similar percentage was recorded in the cities up to 20,000 citizens (29%). The competitiveness of military salaries was correlated with the changing place of residence (average correlation strength at $r=0.37$).

Apart from remuneration, the respondents assessed the attractiveness of employment conditions (material and non-material), created by the army in the workplace and service. Approximately 44% agreed, to a large and very large extent, with the statement that they were attractive, 34% that they were of average attractiveness, while 21.5% agreed with this statement to a small degree or disagreed with it. Taking into account the place of residence, the respondents from rural areas agreed with this statement most frequently to a large and very large extent (52%), followed by the group from cities up to 20,000 (44%), and from cities to 50,000 citizens (48%). The least frequently such assessments were formulated by respondents from the cities with the population count over 500,000, from 50,000 to 100,000 and from 100 to 500,000 (28.5%; 34.8%; 36%, respectively). Average ratings in each of the groups were expressed by at least 30% of the respondents, the highest number in the group of the respondents was recorded in the cities from 50,000 to 100,000 citizens (60%).

Approximately 40% of the respondents agreed, to a large and very large extent, with the statement that work in the army creates opportunities to reconcile professional and private duties, nearly 29% stressed that they agreed with it to an average degree, and almost the same number of the respondents replied that they agree with it to a small extent or that they did not agree with it. The variable reconciliation of professional and private duties was correlated with the variable place of residence (average correlation strength at $r=0.39$). The smaller the city the respondent lived in, the more often they agreed with this statement. This was the response of 64% of the surveyed from the rural areas, as compared to 28% of respondents living in cities over 500,000 inhabitants). It may

be assumed that one of the factors, apart from the complexity of tasks, time for their performance, place of execution, occupied position, which may affect the reconciliation of duties, is the distance to the place of work, hence in the larger cities the distance to work may have a negative impact on the reconciliation of these duties.

Conclusions

In the territorial perspective it is possible to identify and explain the links between army and local entities and to measure the impact of the army on development processes in a specific space, as reflected in demographic, social, economic and other indicators. On the other hand, in the organisational perspective, based on the knowledge and experience of the members of the organisation, identification of its attributes, methods of operation and the assessment of its efficiency is made. The combination of these perspectives makes it possible to obtain a more complete picture of the army as an element of local environment.

Work, including material and non-material conditions, remuneration, development opportunities determine the attractiveness of an employer and are a component of the quality of life in a given place. The higher the quality of life, the better the potential conditions for development. Aware of the diverse impact of the army on development of individual territories, the aim was to deepen the description by initially identifying characteristics that allow for a better understanding of how the organisation's members perceive and evaluate it, comparing its activities with other local entities. As a result of the combination of perspectives, it was noticed that employment security, which is the motive for choosing the army as an employer, is correlated with the stability of work – an attribute ascribed to this institution. In both cases, the majority of respondents, living in towns of different sizes, most often indicated them among the motives and attributes of the employer. Perception of the army as a stable employer was also in line with the results of studies among the residents of municipalities where the units were located, which indicated that the presence of the army stabilises the level of demand (Sirko, Piotrowska-Trybull 2013; Piotrowska-Trybull 2013). It is worth noting that the respondents living in the cities with more than 500,000 inhabitants, slightly more often than in other groups, indicated average ratings in relation to: opportunities for promotion, remuneration competitiveness, as well as military financing of professional development. At the same time, the respondents living in cities

over 500,000 and between 100,000 and 500,000 inhabitants, more often than in other groups, indicated the interest in the military as the motive for choosing an employer.

In the context of remuneration competitiveness, attractiveness of working conditions and the possibility of reconciling professional and private duties, although the inhabitants of rural and urban areas up to 50,000, more often agreed with these statements, there were also signs of dissatisfaction in these groups. Assessment of remuneration competitiveness and working conditions in the army is conditioned by, among others, situation on the local labour market, including the number and type of economic entities present on the market, their financial condition, level of remuneration, as well as the distance to other centres in which work can be taken up. It can be assumed that lower ratings for working conditions and wages offered by the military in larger cities result from the diversification of their labour market, and thus more opportunities to find more attractive jobs.

***

This article is a contribution to the studies on the importance of the military as an element of local environment from a territorial and organisational perspective. The combination of perspectives makes it possible to obtain a more complete picture of the army as an organisation working for security and influencing the socio-economic situation in a specific space. On one hand, local authorities, residents, entrepreneurs evaluate the contribution of the army to the local community, on the other hand, members of the organisation evaluate the effectiveness and efficiency of activities and its attractiveness as an employer.

Preliminary findings, in relation to the examined group, allow to formulate a conclusion that assessment of competitiveness of remuneration and working conditions in the army depend, among others, on situation on the local labour market, including the number and type of economic entities present on the market, their financial condition, remuneration level, as well as the distance to other places where work can be taken up. It may be assumed that lower ratings of working conditions and wages offered by the army in larger cities result from the diversification of their labour market, and thus more opportunities to find another job.

Bibliography

- Andersson L., Lundberg J., Sjöström M. (2007, February) Regional effects of military base closures: the case of Sweden. *Defence and Peace Economics*, vol. 18 (1).
- Cowan T., Webel B. (2008) *Military base closures: socioeconomic impacts*, CRS report for Congress, September 19. Available at: http://findarticles.com/p/articles/mi_hb6642/is_n5_v9/ai_n28629950/
- Kriesel W., Gilbreath G. L. (1994) Community impacts from temporary military development: the case of Fort Stewart, GA. *Southern Journal of Rural Sociology*, vol. 10, No.1, pp. 37–54.
- Piotrowska-Trybull M. (2013) Jednostki wojskowe w rozwoju lokalnym w Polsce po roku 1989, *Zeszyty Naukowe Akademii Obrony Narodowej*, Dodatek, Warszawa: Akademia Obrony Narodowej. (In Polish)
- Sirko S., Piotrowska-Trybull M. (2013) *Uwarunkowania lokalne i regionalne funkcjonowania jednostek wojskowych na terytorium kraju*, Warszawa: Akademia Obrony Narodowej. (In Polish)
- Stenberg P. L. (1998) Rural Communities and Military Base Closures. *Rural Development Perspectives*, vol. 13, No. 2, pp. 10–18.
- Stenberg P.L., Rowley T.D. (1993, October) A comparison of military base closures in metro and nonmetro counties. *Government Finance Review*, vol. 9, No. 5.

Армия как элемент местной среды – территориально-организационная перспектива

Резюме

Наличие армии в определенном пространстве по-разному влияет на социально-экономическое положение городских и сельских районов и оценивается по-разному местными властями, жителями и предпринимателями. Точно так же ликвидация армии в определенном пространстве приводит к различным последствиям и оценкам местных организаций. В исходной литературе в территориальной перспективе поднимается вопрос о значении армии для местного рынка труда. В то же время армия как организация оценивается своими членами с точки зрения условий труда, возможностей развития и т.д. (организационная перспектива). Данная статья объединяет территориальную перспективу – восприятие армии как важного объекта местного развития с организационной – восприятие армии как работодателя солдатами и гражданскими работниками. Основное внимание уделяется мотивам выбора этой организации в качестве места службы и работы и ее атрибутам. В исследовании использовался метод анализа, обобщения и диагностики (метод опроса), проведенный среди солдат и служащих армии. Это позволило сформулировать предварительные выводы о том,

как респонденты, проживающие в городах разного размера, оценивают стабильность работы в армии, конкурентоспособность заработной платы, возможность совмещения личной жизни с возможностями профессионального развития, а также мотивы выбора работы и службы в армии.

Ключевые слова: территориальная перспектива, организационная перспектива, отношения, армия, мотивы, атрибуты.

Rafail Prodani, Jozef Bushati (Albania),
Aigars Andersons (Latvia)

AN ASSESSMENT OF IMPACT OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGY IN ENTERPRIZES OF KORÇA REGION IN ALBANIA

Ever-evolving and increasingly powerful Information and Communication Technologies (ICTs) have fundamentally changed the nature of global relationships, sources of competitive advantage and opportunities for economic and social development. ICTs have greatly increased the impact on every area of human life. Technologies such as the Internet, personal computers and wireless have turned the globe into a network of individuals, businesses, governments, and ever-growing schools who communicate and interact with one another. Without doubt ICTs plays a strategic role in managing organizations. This paper presents a part of the current state of ICTs for enterprises by establishing comparative bases for further studies in this field. It also helps academic institutions to evaluate and identify factors, as well as the specific role and weight of these factors have in the process of developing ICTs towards a developed economy and society in the context of digital Albania. It is presented as a scientific analyse, accomplished, detailed and expressed in percentage and graphical analysis of a number of very important data sets of enterprises in their full form, to unlock developments in the field of ICTs in our country, including specific ones based on concrete data. This study aims to study the extent to which these but have involved ICTs and what impact these technologies have in the daily work of these organizations.

Key words: e-readiness, businesses organizations, information and communication technologies, internet, impact.

Introduction

Success nowadays depends on the penetration and impact of Information and Communication Technologies (ICTs) in the society. New ICTs values came into surface and individuals are becoming more and more aware of their usefulness. Changes in attitude and behaviour led to new solutions and models that radically changed work in businesses, hospitals, schools, and government.

Technologies such as the Internet, personal computers and wireless telephony have turned the globe into a network of individuals, businesses, governments, and ever-growing schools who communicate and interact with one another (ITG CID Harvard University 2008). According to

theorists of the network society (Castells 1996–2000), social structures and activities are increasingly organized around network forms, largely grounded in electronically based information and communication technologies.

Getting ready for the network creates many new opportunities for businesses and firms in the developing world by removing barriers for both, information and material goods. Educational institutions and large businesses can extend their activities to this giant network. Governance can become more effective if it extends certain elements of its services to this network. Thus, the benefits of societies in general by the use of this worldwide network are comprehensive both in economic, social and political terms.

The common argument is that intensive use of technology could transform the operational rules of public administration to increase its efficiency, simplify administrative procedures (Fountain 2006), expand the processes of citizen participation (Hague 1999) and make government activities more transparent and accountable.

Our paper is organized as follows: the first part clarifies our use of the concept of “network economy”; it follows with an introduction to the previous state of the business assessment reports on the network and its general characteristics; then assesses the penetration level of business in the network for Korça region, in order to take measures to increase its level. It ends with a synthesis of key findings and points, towards future research topics.

Literature review and methodology

Preparing for the networked world creates new opportunities for firms and individuals in the developing world, eliminating the traditional barriers of information and goods for developing countries, and promotes efficiency in a variety of activities. Learners can learn more about the world and themselves through the use of the network. Businessmen can find new market opportunities and the most efficient ways to run their firms. Governments can provide more efficient public services. Individuals can communicate with friends and family and become more informed about everything in the network.

Participating in the networked world can provide new ways for developing countries to improve their economic, social and political well-being. These opportunities for positive change are increasingly important

and accessible as information and communication technologies become more powerful and less costly.

Businesses and governments that are capable of effectively employing information and communication technologies find more sophisticated and efficient ways to manage their external relations and communications.

For assessing the networked economy, we have divided it into two categories. These categories were selected based on several analogous studies in Australia (Australia Ict Data Collection Case Study 2005) and Greece (eGovernment in Greece, 2016) as well as in the models provided by (ITG Harvard University 2008), (Prodani et al. 2012) and (Oxford Analytica 2015), but also relying on the concrete features of our country as well as on the needs and opportunities it has for development. These categories are:

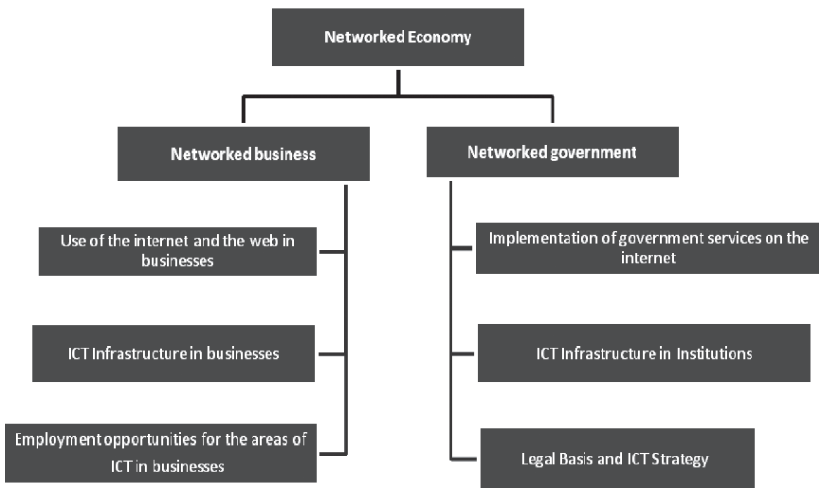

Figure1. Network Economy

Source: made by authors based on literature analysis

According to (Oxford Analytica 2015), Network government is the transition to a more transparent, cooperative and beneficial relationship between government, citizens and business as a result of technological integration and organizational connectivity. By enabling active stakeholder participation and access, it transforms government services by placing users at the center of policy design and implementation, and service delivery.

The concept of connected government is derived from the whole-of-government approach which is increasingly looking towards technology as a strategic tool and as an enabler for public service innovation and productivity growth (United Nation e-Government Survey 2008).

The assessment of the network economy is also closely related to the other categories of e-readiness estimates, see (Prodani 2010), as network access, networked society and networked education. In this paper we will only deal with modeling of networked business assessment and partial evaluation within our region. This valuation model can be used for similar assessments in developing countries, their characteristics are similar to those of our country.

(Porter 1990) determines competitive advantage as the heart of a company's performance. It reflects a company's ability to provide customers with greater value either by lowering prices or offering greater benefits and services that justifies higher prices.

(Olugbenga 2006) argues that ICT is being used for strategic management, communication and collaboration, customer access, managerial decision-making, data management and knowledge management as it helps provide an effective tool for organizational productivity and service delivery. (Krishnaveni and Meenakumari 2010) claim that ICT has played a major role in reducing operational inefficiency and improving decision-making in many areas of government. Moreover, (Hengst and Sol 2001) claim that ICT enables organizations to lower costs, enhance organizational skills, and also assist in the formation of cross-organizational coordination. Therefore, ICT use can help reduce the cost of coordination and increase external resources in organizations. In addition, (Irvine, Anderson 2008) comment that the use of ICT provides not only practical benefits to overall management, but also enables companies to overcome place and space disadvantages.

(Apulu, Latham 2010), claim that ICT enables customers to get immediate feedback that allows companies to react quickly to customer requests and to recognize new market gaps.

(Alam, Noor 2009) argue that ICT provides enterprises with ways to compete globally with improved efficiency and closer relationships with customers and suppliers. Therefore, ICT should be considered by businesses as an important strategy to stay competitive. This implies that organizations that are able to utilize the potentials offered by ICT can address different types of innovative processes in their businesses as ICT influences

the performance of an organization in multi-faceted ways. Thus, ICT can bring changes to organizations and make them more competitive, innovative, and help increase organizational growth (Obijiofor et al. 2005).

Case study is one of the most common methods applied in the Information Systems (SI) field (Alavi et al. 1992). (Sauer 1993) argues that search in information systems is best done by case studies. The case study method was considered appropriate, as the purpose of the paper is to broaden our understanding of the impact of ICT implementation on businesses. All businesses that are considered are large businesses in our region, with over 10 employees, with typical representatives of all types of businesses and about 2.5% of them. Data was collected through semi-structured interviews, questionnaires and observations.

The networked business level in our region will not give it a certain value because the final goal of this study is not to estimate a value for it but to estimate its level as well as to create opportunities to find solutions for improving based on the analysis of several factors that directly affect the online economy. Data is collected in accordance with International Telecommunication Union (ITU) standards, according to (Core List of ICT Indicators 2016), Eurostat indicators for evaluation digital economy and similar studies in other countries.

Research results

In Korça region and in Albania before 1990 there was no industry for the production of equipment and software related to ICTs but even after the 90s during the economic transition period we did not have a significant development in these areas.

Other private and state companies and institutions have too late implemented the new technologies in the ICTs field, showing a tendency toward ignoring them. A greater implementation of these technologies was observed after year 2000 when the implementation of new technologies became irreplaceable and an important factor of competition between businesses. While after 2010, with the introduction of ADSL, Fiber Optics, WIMAX and 4G technologies, we are seeing an ever-increasing implementation.

Let's analyze one by one the indicators of network business category:

1. The percentage of businesses that have been using computers and internet during the last year is 90% for both. There is an increase in comparison to 62% and 52% for computers and internet in the year 2012, see (Prodani et al. 2012). This is because of the real growth of online government services, low cost broadband internet, implementation of technologies such as Adsl, Fibber Optic, 4G, use of smart-phones and other devices on the Internet.
2. The percentage of people employed in businesses which work regularly on computers in our region is smaller if we take into account the level of developed countries. The value of this indicator is 25%, somehow higher than the 19% value that was in 2012, see (Prodani et al. 2012).
3. The percentage of regular internet users in Korça region businesses is 23%. This percentage for our region in 2012 was about 12%. This seems an increase not too small but comparable with developing countries where this percentage goes above 50%.
4. Nowadays the implementation of networked businesses is an important factor that guarantees the success of the business. If we take into account the various internet services provided, such as a website, social networks etc. where we can put all the information necessary for business operation. At the moment when this study started, Korca's businesses have a web presence of 50%. We have a big increase compared to the 5% we had at the beginning of 2012, see (Prodani et al. 2012).
5. The percentage of businesses in Korca region with Intranet is about 10%. We have to be optimistic about this value if we take into consideration the short period of these technologies are present in our city. Intranet has mostly second level banks and, as far as other businesses are concerned, they do not have the necessary capacity to apply such technology. The study conducted in 2012 on intranets in the Korca region businesses almost did not speak at all. In this survey, businesses with LAN accounted for about 20% of large businesses, whereas today they go to 90%.

Another important indicator that impacts the largest involvement of large businesses and their networking activities is the type of internet installed in them. In 2012 only 31% of businesses interviewed had access to the internet broadband while today 90% of interviewed businesses had such internet, using technologies such as Adsl 30%, Fibber Optic 60%, 4G 10%.

6. There are a growing percentage of businesses offering online products. In the study conducted in 2012, only 2% of the businesses interviewed carried out online sales. While today this percentage has gone to almost 10%. This indicator in the European Union countries in 2017 is worth 18%, see (Eurostat-Ecommerce sales 2017). We are optimistic, although we have to mention that the clients of these businesses are not far from the geographic location of the latter ones. They usually prefer to order their product directly from business wholesale sites. We can expect that this indicator will increase in parallel with Korça's businesses increase which will bring to a growing number of clients. This can be achieved by creating a website, displaying different products on catalogs and receiving client orders online. Providing various services online requires the business staff and IT managers training in implementing the new technologies and knowing the advantages and disadvantages of internet services.
7. Extranets are widespread in banks and large companies. The connection of businesses by extranet is typical of contexts when such businesses trade with each other online, usually through the internet being isolated from the other part of it. This type of commerce is named B2B to the business network and some of its advantages are related to the fact that communication between businesses becomes easier and less costly, payments are faster and transparency is generally bigger. The number of these businesses in Korça is very limited, only a few banks, therefore the value of this indicator is very low about 2%.
8. The indicator that shows the Internet business activities is one of the most interesting ones to follow because it basically informs us on how the business uses the internet. The more computerized public institutions are, and the broader range of services they offer, the greater the collaboration of businesses with them will be. So the number of businesses using online government services has increased a lot. The percentage of businesses receiving information from online government services is about 55%, while the percentage of businesses interacting with them is 45%. Growth is also noticed in the percentage of businesses purchases online, is around 18%. It is a big increase if we consider the 5% value that this indicator had in the 2012 survey. In European Union countries this value goes to 26%, see (Eurostat-Ecommerce purchases 2017). Let's look at figure 2:

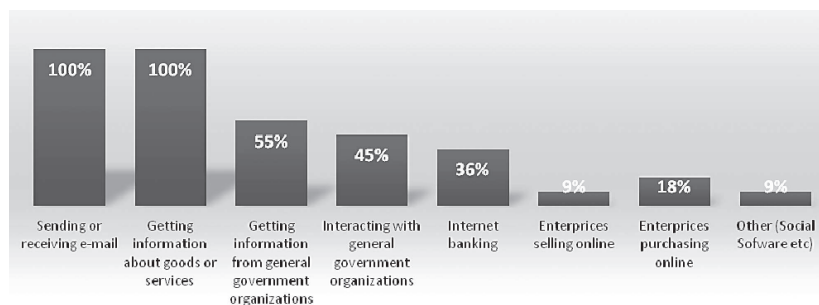

Figure 2. Proportion of businesses using Internet by activity

Source: Eurostat data

Conclusions

The IT infrastructure of the businesses of our region has gone through a rapid development during the last few years. This same period has witnessed the implementation of a great number of online government services related to businesses and we think that the penetration of businesses to the network is tending to reach maximum levels.

There has been growth in almost all the indicators of this category and this has happened for several reasons. The first reason is the liberalization of the Internet distribution market, the introduction of technologies such as ADSL, Fiber Optic, 4G etc. Another reason is the implementation of many government services in the internet such as online tax system, building permits, obtaining certificates, online tenders, etc. all incorporated in the e-Albania portal.

(Fullanteli, Allegra 2003) emphasizes that ICT provides enterprises with a wide range of opportunities to improve their competitiveness and provides mechanisms for access to new market opportunities. Also (Fink, Disterer 2006) also advocate that ICT provides many potential benefits to organizations in order to make them more efficient, effective and competitive.

From the interviews with managers of different companies we also have noticed these direct reasons that could get businesses in our region to incorporate the modern technologies into their business: competition and effectiveness at work. This implies that organizations need to invest in ICTs to stay independent of their competitors and also to

give them a sustainable competitive advantage and also to increase efficiency at work.

Despite these achievements, businesses in European Union countries are far ahead in the implementation of internet technologies especially IoT(Internet of Things) systems. What emerged from the conversations that we had with heads of local businesses, was the need of regional businesses for qualified specialists in the new ICTs fields, especially those that are connected to the Internet technologies. These specialists will be aware of the further benefits that these businesses may have from applying new ICTs and will help these businesses apply these technologies.

Implementing ICTs in businesses also brings about organizational and structural changes in them, this is a challenge that businesses and government institutions have to face.

To increase the level of ICTs involvement in businesses we can give two basic recommendations:

- 1) Awareness of business managers and owners about the benefits of ICTs implementation, information about the latest ICTs and the creation of opportunities to have the most skilled professionals in the ICTs field.
- 2) Creating opportunities to include the IoT system in businesses, between businesses, and perhaps even wider.

This study will be useful to entrepreneurs, policy makers especially in developing countries, as well as researchers who are interested in ICTs development because the study helps to identify ICTs penetration and impact in businesses, the ways to take for increasing its level of involvement in businesses as well as some of the positive effects that this involvement has.

Bibliography

- Alavi M., Carlson P. (1992) A Review of MIS Research and Disciplinary Development. *Journal of Management Information Systems*, 8(4), pp. 45–62.
- Apulu I., Latham A. (2010, March 23–24) Benefits of information and communication technology in small and medium sized enterprises: a case study of a Nigerian SME. *Proceedings of the 15th Annual Conference on UK Academy for Information Systems*, Oriel College, University of Oxford.
- ITU (2005) *Australia: Ict Data Collection Case Study*. Geneva, Switzerland.
- Castells M. (1996–2000) *La Era de la Informacion (trilogy)*. Alianza. Madrid.
- Core List of ICT Indicators (March 2016) Partnership on Measuring ICT for Development.

- eGovernment in Greece, Edition 18.0 (2016, February).
- Fink D., Disterer G. (2006) International case studies: to what extent is ICT infused into the operations of SMEs. *Journal of Enterprise Information*, 19, pp. 608–624.
- Fountain J. (2006) Central Issues in the Political Development of the Virtual State. In: Castells M., Cardoso G. (eds.) *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Brookings Institution Press. Washington D.C.
- Fulantelli G., Allegra M. (2003) Small company attitude towards ICT based solutions: Some key-elements to improve it. *Educational Technology and Society*, 6(1). Available at: http://www.ifets.info/journals/6_1/fulantelli.html (accessed on: 18.08.2010).
- Hague B., Loader B. D. (1999) *Digital Democracy: Discourse and Decision Making in the Information Age*. Routledge. London.
- Hengst M., Sol H. G. (2001) The impact of information and communication technology on inter organizational coordination: Guidelines from theory. *Informing Science*, Special Series on Information Exchange in Electronic Markets, 4, 3.
- Irvine W., Anderson A. R. (2008) ICT (information communication technology), peripherally and smaller hospitality businesses in Scotland. *International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research*, 14(4), pp. 200–218.
- ITG CID Harvard University, *Readiness for the Networked World. A Guide for Developing Countries*. Available at: <http://www.readinessguide.org>.
- Obijiofor L., Inayatullah S., Stevenson T. (2005) *Impact of new information and communication technologies (ICTs) on the socio-economic and educational development of Africa and the Asia-Pacific region*. Paper presented at the 3rd working conference on Information and Communications Technology solutions for government operations, e-government and national development, an African Regional WSIS PrepCom Pre-Event, Accra International Conference Centre, Accra, Ghana, 27–28 January.
- Olugbenga F. I. (2006) *Strategic Application of Information and Communication Technology for Effective Service Delivery in an organisation*. 6th Global on Business and Economics, October 15–17, GUTMAN Business Center, USA.
- Oxford Analytica (2015, February) *Networked Government The transition to citizen centricity*. A report in collaboration with the Government Summit.
- Porter M. E. (1990) *The competitive advantage of nations*. London: Macmillan
- Prodani R., Çeliku B., Pema E., Kotori M. (2012) *Assessment of Networked Business. Case study: Korça city*. CONFERENCE III, “Information systems and technology Innovation their application in Economy” Faculty of Economy, University of Tirana, June 8–9.
- Sauer C. (1993) *Why Information Systems Fail: A case Study Approach*. Henley-on-Thames: Alfred Wailer.
- Schware R. (2003) *Information and communications technology (ICT) agencies: functions, structures, and best operational practices*. info, 5(3), pp. 3–7.

United Nations (2008) *The Global Information Society: a Statistical View*.

Availabe at: http://www.itu.int/ITU-D/ict/material/LCW190_en.pdf

Waksberg-Guerrini A., Aibar E. (2007) Towards a Network Government? A Critical Analysis of Current Assessment Methods for e-Government. International Conference on Electronic Government, EGOV: *Electronic Government*, pp. 330–341.

Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на предприятиях в регионе Корча в Албании

Резюме

Постоянно развивающиеся и все более мощные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) коренным образом изменили характер глобальных отношений, источники конкурентных преимуществ и возможности для экономического и социального развития. ИКТ значительно усилили воздействие на все сферы человеческой жизни. Такие технологии, как интернет, персональные компьютеры и беспроводные сети, превратили земной шар в сеть людей, предприятий, правительств и постоянно растущих школ, которые общаются и взаимодействуют друг с другом. Без сомнения, ИКТ играют стратегическую роль в управлении организациями.

В данной статье представлен обзор современного состояния ИКТ для предприятий, путем создания сравнительных основ для дальнейших исследований в этой области. Данный анализ также может помочь академическим учреждениям оценивать и определять факторы, а также конкретную роль и значение этих факторов в процессе развития ИКТ для развитой экономики и общества в контексте цифровой Албании. Статья представлена в виде научного анализа, завершенного, подробного и выраженного в процентах и в виде графического анализа ряда важных данных предприятий, раскрывающих достижения в области ИКТ в Албании.

Ключевые слова: *e-readiness*, коммерческие организации, информационно-коммуникационные технологии, интернет, влияние.

INNOVATIVE ASPECTS OF PROVIDING SOCIALITY

From the moment of obtaining independence Ukraine as a sovereign country faced the question of the elaboration and realization of social and economic development of own independent strategy. It had to pave the way to the transformation of our state into a developed country with the postindustrial type of society, able to provide economic growth and the high standards of living of the population. However, at present, the strategy of the social and economic development of Ukraine requires a certain transformation, reorientation on other factors of development, application of the home accomplishments of science and technology for solving social, economic, cultural and other problems in the country. Everything mentioned above stipulates the topicality of the theme of the article.

The aim of the article is the investigation of forming, estimating and developing the innovative and investment potential of the national economy and improving the organizational and economic mechanism of the potential management to provide sociality.

Key words: social economy, innovation activity, social and economic development, sociality, aspects.

Introduction

In the coming decades, innovation will become a key and determining factor for global competitiveness of countries and social development. The innovation activity is the main driver of economic progress and well-being, as well as a potential factor in solving social problems in such areas as health and the environment. Also the problem of urbanization, migration, and crime can be initially tackled by using the potential of innovative development of social sphere and new social institutions (Simakhova 2018).

Thus, innovations have shifted to the so-called “economic center” in the national economy development. Almost all developed countries in the world have adopted innovative strategies for their social and economic development. Even countries that have not been active in recent industrial policy are currently.

Different scientists pay attention to the issue of innovation aspects of the social and economic growth, substantiate the effectiveness of the innovative model of social economy development. In particular, should be highlighted works of such researchers as P. Drucker, M.D. Kondratiev, E. Mansfield, B. Santo, B. Twiss, I. Schumpeter and others. But mostly

there is a need for a broader interpretation of innovative aspects of providing social economy development and sociality.

The results

The innovative activity is very important for the social development because it is the basis of social and economic growth of the country. But also the social economy based on the principle of social justice can guarantee the implementation of the best opportunities for comprehensive economic growth and economic security of the country (Menshikov et al. 2017) and its innovative development.

The main factors that influence the increase in the intensity of innovation activity for the providing social economy development and sociality are (OECD 2007, p. 9):

- low level of foreign direct investment restrictions, that promotes innovation activity;
- stable macroeconomic policies, low real interest rates, which encourages the growth of innovation through the creation of a stable environment for innovation and investment;
- availability of internal and external financing of innovations;
- expansion of public research;
- tax incentives that can be effective in boosting the innovation activity of firms. Tax incentives for enterprises that innovate are more effective incentives than direct government subsidies;
- openness of the economy for foreign innovations.

It should be noted that the development of education and science has a significant impact on the country's innovation activity. Moreover, human capital is one of the key factors in the implementation of the modern technology. Therefore, the growth of skills, qualifications, competences of employees and managers will play a significant role in the innovation process and activity.

In the course of the analysis, it was determined that a favorable innovation environment has been created in today's conditions in Central and Eastern Europe and it should be based on the following 12 indicators (The Economist Intelligence Unit 2008, p. 51):

- Political stability.
- Macroeconomic stability.
- Institutional framework.
- Regulatory environment.

- Tax regime.
- Flexibility of labor market.
- Openness of national economy to foreign investment.
- Ease of hiring foreign nationals.
- Openness of national culture to foreign influence.
- Popular attitudes towards scientific advancements.
- Access to investment finance.
- Protection of intellectual property.

Thus, the creation of a favorable innovation environment will also provide macroeconomic stability, and the tax regime stability, the openness of the national economy to foreign investment, social stability and so on. All these are very important for social economy development.

It should be noted that the national innovation system is interrelated with the global innovation system for sociality providing. Also, its main subjects, which include private and public enterprises, state research institutions and educational institutions, and other organizations, interact with other systems of the national economy of a particular country (see Figure 1).

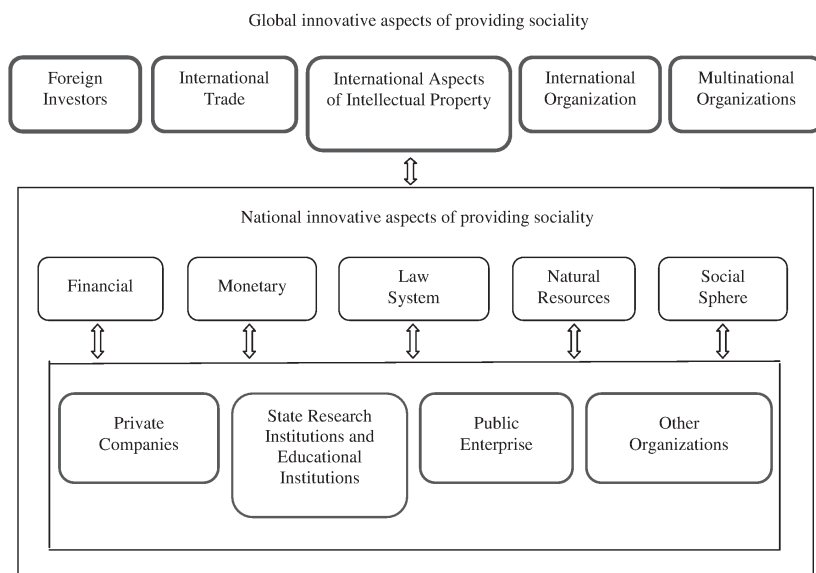

Figure 1. Global and National aspects of providing sociality

Source: Feinson 2003

According to the information given in Fig. 1, it can be argued that the main subjects of the innovation system interact not only with systems that provide certain resources for innovation (financial, natural, etc.), but also with the social sphere of the country. In this aspect, it should be noted that one of the main tasks of the innovation strategy of social and economic development is precisely the providing of high welfare of the citizens of the country, their high standard of living and social economy development.

From these points, we must cite, as an example, the innovation strategy of Great Britain. According to its results, the country's economic growth depends on innovation, and the welfare of citizens – on how effective the consequences of this activity are introduced into life. The main aspects of welfare have been provided by innovative activities include the effectiveness of the health care system, the environmental and social spheres, and national security. As examples for the health system, research results are presented for the treatment of cardiovascular diseases, cancer, and so on.

The modern technology will help to reduce emissions and solve the ozone layer problem. In the social sphere, the UK has proposed to create new Greenfield settlements in certain areas, which also has a positive impact on the environment. In national security, innovations are used to detect explosive devices, smuggling, which can enter Great Britain from foreign countries (DfES 2007, pp. 20–21). The examples provided confirm the impact of research and innovation on welfare and providing sociality.

Thus, taking into account all of the above information, it can be argued that in the developed countries of the world an innovative economic development strategy has been implemented and effective. The experience of the studied countries allows us to state that today the very innovation-investment strategy of social and economic development will ensure a qualitative transition to a post-industrial society and the so-called “knowledge economy”.

Conclusion

Thus, taking into account all of the above mentioned information, it can be argued that in the developed countries of the world an innovative economic development strategy has been implemented effectively. The experience of these countries allows us to state that today the innovative strategy of social and economic development will ensure a qualitative

transition to a post-industrial society and knowledge economy with providing sociality.

Moreover, under the condition of a well-balanced state strategy of the social and economic development and social and economic policy, the innovation activity can play a key role in market reforms and stabilization of the economy. It is capable to produce innovative knowledge, goods, and provide the economy with competitive products and highly skilled labor. Innovation factors are the way to the increasing productivity and improvement of the life quality.

Bibliography

- DfES (2007) *Science and Innovation Investment Framework 2004–2014. Economic Impacts of Investment in Research & Innovation*. Available at: www.berr.gov.uk/files/file40398.doc
- Feinson S. (2003) *National Innovation Systems Overview and Country Cases*. Available at: www.cspo.org/products/rocky/Rock-Vol1-1.PDF
- Menshikov V., Volkova O., Stukalo N., Simakhova A. (2017) Social economy as a tool to ensure national security. *Journal of Security and Sustainability Issues* 7(2): 211–231. [https://doi.org/10.9770/jssi.2017.7.2\(4\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2017.7.2(4))
- OECD (2007) *Innovation and growth: rationale for an innovative strategy*, OECD publication.
- Simakhova A. (2018) Economy socialization as a factor in solving modern global problems. *European Journal of Management Issues*, 26(1–2), pp. 48–54. Available at: <https://mi-dnu.dp.ua/index.php/MI/article/view/177>. doi: 10.15421/191806
- The Economist Intelligence Unit (2008) *A time for new ideas: Innovation in Central Eastern Europe and Turkey*. Available at: www.energizers.eu/CEETr.pdf

Інноваційні аспекти забезпечення соціальності

Резюме

С момента обретения независимости Украина как суверенная страна столкнулась с вопросом разработки и реализации социально-экономического развития собственной независимой стратегии. Необходимо было проложить путь к превращению нашего государства в развитую страну с постиндустриальным типом общества, способного обеспечить экономический рост и высокий уровень жизни населения. Однако в настоящее время стратегия социально-экономического развития Украины требует определенной трансформации, переориентации на другие факторы развития, применения отечественных достижений науки и техники для решения социальных, эконо-

мических, культурных и других проблем в стране. Все вышеперечисленное обуславливает актуальность темы статьи. Целью статьи является исследование формирования, оценки и развития инновационного и инвестиционного потенциала национальной экономики и совершенствования организационно-экономического механизма управления потенциалом для обеспечения социальности.

Ключевые слова: социальная экономика, инновационная деятельность, социально-экономическое развитие, социальность, аспекты.

ПОКАЗАТЕЛИ ФИНАНСОВОЙ ДОСТУПНОСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ОПЫТ МИРОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), рост неудовлетворенных потребностей в услугах здравоохранения, также как и рост неравенства в доступности здравоохранения представляет собой немалую проблему во всём мире.

В статье представлены наиболее распространенные методы оценивания финансовой доступности здравоохранения в мировой практике, в том числе и в Латвии. Большое внимание автор уделяет как роли экономических показателей общества, так и важное значение качества институциональной среды в решении проблем доступности здравоохранения.

Ключевые слова: финансовая доступность здравоохранения, неравенство в здравоохранении, катастрофические расходы, институциональная среда.

Способность платить за медицинские услуги является широко используемой концепцией в области экономики здравоохранения (Levesque, Harris, Russel 2013), обуславливаемой такими показателями, как цены за услуги, прямые расходы, косвенные издержки и др.

В 2017 году в Соединенных Штатах Америки для упрощенной оценки экономической доступности здравоохранения, ученые Зик Эмануэль (*Zeke Emanuel*), Дэвид Джонсон (*David Johnson*) и Аарон Гликман (*Aaron Glickman*) предложили использовать «Индекс доступности здравоохранения» (*Healthcare Affordability Index*)¹, измеряемый в процентах и описывающий взаимосвязь между общей стоимостью (взносы работодателя и работника) полиса частного медицинского страхования семьи и медианным доходом домохозяйства. Авторы отмечают, что Индекс раскрывает очевидную, но скрытую истину: очень высокая стоимость частного медицинского страхования вносит значительный вклад в стагнацию заработной платы среднего класса (Johnson 2017). Проведённый авторами лонгитюдный анализ показал, что в период с 1999 по 2016 год этот показатель вырос (то есть, доступность здравоохранения уменьшилась) вдвое — с 14,2% до 30,7%. За этот период средняя стоимость медицинского стра-

¹ Называемый также «Индексом доступности здравоохранения Эмануэля-Джонсона» (*Emanuel-Johnson Healthcare Affordability Index*).

хования увеличилась в 4,7 раза быстрее, чем медианный доход семьи (213% против 45%).

По мнению разработчиков, у Индекса есть очевидные преимущества – его числитель (средняя стоимость страховых взносов) и знаменатель (медианный доход семьи) надежны, достоверны и генерируются ежегодно. Эта информация доступна онлайн без сложного программирования или расчетов. Также, этот показатель отображает прямую связь между расходами на здравоохранение и заработной платой. Взносы работодателей на медицинское страхование являются частью общей компенсации работникам, то есть, более высокие расходы на здравоохранение снижают доходы. Если бы стоимость медицинской страховки снизилась, больший процент от общей компенсации мог бы конвертироваться в заработную плату (Ezekiel, Glickman 2017).

Индекс предназначен для обеспечения понятного измерения, доступного для экспертов и широкой общественности, однако, по мнению скептиков, он не отражает широкого разброса затрат на здравоохранение и финансовые ресурсы для покрытия этих расходов среди населения (Antos, Capretta 2017), он не учитывает тот факт, что в США существуют огромные региональные различия в расходах на здравоохранение, а стоимость страхования неравномерно распределена по стране. Также индекс применим для тех, у кого есть страховка, спонсируемая работодателем, и может не отражать финансовое бремя медицинского обслуживания для тех, кто имеет страховое покрытие *Medicaid* или *Medicare* или незастрахованных (Ezekiel, Glickman 2017). Средний национальный показатель не может объяснить неравномерное распределение расходов, обусловленное федеральными субсидиями, которые помогают многим американцам оплачивать медицинское страхование. Самая большая субсидия составляет 250 миллиардов долларов США в год без федерального налога на медицинское страхование, которое, по данным Объединенного комитета по налогообложению, обеспечивает в среднем налоговые льготы в размере 3 106 долларов США для семей, зарабатывающих от 50 000 до 75 000 долларов США в год. Кроме того, Закон о доступном медицинском обслуживании (*ACA*), так называемый *Obamacare*, предусматривает связанные с доходами субсидии для семей, зарабатывающих 100–400% от федерального уровня бедности, для покупки медицинской страховки. Согласно *ACA*, семья из четырех человек, находящаяся чуть выше уровня бедности, должна платить не более 2% своего дохода за

медицинское страхование, в то время как семья того же размера, зарабатывающая около 100 000 долларов в год, должна платить не более 9% своего дохода за медицинскую страховку. Также, жители США старше 65 лет получают субсидируемую страховку на федеральном уровне через *Medicare*², а домохозяйства с уровнем бедности ниже 138% от федерального уровня имеют право на бесплатное страхование через *Medicaid* в большинстве штатов³. Таким образом, большинство домохозяйств со средним уровнем дохода или ниже, как правило, получают щедрые федеральные субсидии – либо косвенно через налоговый кодекс, либо явно через федеральные программы (Antos, Capretta 2017).

Кроме того, страховые взносы при страховании, финансируемом работодателем, не охватывают всех финансовых проблем, связанных с медицинским обслуживанием физических лиц. Индекс учитывает только прямые затраты и игнорирует косвенные финансовые расходы, такие как время и командировочные расходы, связанные с получением доступа к специалистам и другим специальным услугам, временные затраты и потенциальная потеря заработной платы за лечение и уход за родственниками на дому и др. (Ezekiel, Glickman 2017).

Для более полной картины сопутствующим предлагаемым показателем является Комплексный индекс финансовой доступности (*Comprehensive Affordability Index*), который включает в себя не только страховые взносы работодателя, но и личные расходы населения из собственного кармана (*out-of-pocket expenses*, сокр. *OOP*). Однако, как отмечают сами эксперты, включение таких данных не только приводит к более всесторонней оценке доступности, но и создаёт проблемы определения и сопоставимости, так как в США используется по меньшей мере три различных показателя *OOP*, вычисляемые различными агентствами по собственным методикам (Ezekiel, Glickman 2017). Ещё одной проблемой ученые признают тот факт, что данные

---

² Медикэр (анг. *Medicare*) – национальная программа медицинского страхования в США для лиц от 65 лет и старше. Программа финансируется за счет части налога с заработной платы, взимаемого как с работников, так и с работодателей. Она также частично финансируется ежемесячными взносами, вычитаемыми из выплат пособия Социального обеспечения.

³ Медикейд (анг. *Medicaid*) – американская государственная программа медицинской помощи нуждающимся. Медицинская помощь оказывается лицам, имеющим доход ниже официальной черты бедности. Осуществляется на уровне штатов при поддержке федеральных властей.

об ООР сильно искажены. Например, по данным одного из агентств, в 2015 году среднее значение личных платежей для каждой американской семьи составляло 1589 \$ США в год, однако медианное значение этого показателя — 766 \$. Эта разница указывает на то, что в некоторых семьях личные расходы на здравоохранение очень высоки, тогда как в большинстве семей они практически отсутствуют.

Часто финансовая доступность здравоохранения входит в структуру индексов или показателей, оценивающих доступность здравоохранения в широком смысле.

Например, в последние годы активно исследуемый ВОЗ показатель — Всеобщий охват медико-санитарными услугами (*Universal Health Coverage / УНС*) рассматривает доступ населения к качественным основным медицинским услугам и лекарственным средствам, также включает в себя защиту от финансовых рисков, в том числе — возможное обнищание из-за оплаты медицинских услуг из собственных средств (WHO 2017). Для расчета показателей финансовой защиты использовались данные Всемирного исследования здоровья населения (*World Health Survey*): доля домохозяйств без катастрофических платежей и доля домохозяйств, которые не стали бедными или еще беднее из-за оплаты медицинских услуг из собственных средств.

Применяемые в анализе Всеобщего охвата медико-санитарными услугами «Метод катастрофических платежей» (*catastrophic payment method*), основанный на соотношении оплаты конкретного товара от общих ресурсов домохозяйства и «Метод обнищания» (*the impoverishment method*), который рассматривает остаточный доход домохозяйства после приобретения необходимых товаров и услуг традиционно используются исследователями для оценки экономической доступности (Whitehead et al. 2008). Эти практические методы считаются основными и при оценке финансовой защиты здравоохранения (Niëns 2014), (Wagstaff 2008), (O'Donnell, van Doorslaer, Wagstaff, Lindelow 2008) (Yerramilli, Fernández, Thomson 2018).

В методе катастрофических расходов рассчитывается доля населения, чьи ресурсы катастрофически сократятся при наличии расходов на медицинские услуги и товары. Катастрофические расходы на услуги здравоохранения возникают в ситуации, когда размер осуществляемого домохозяйством прямого платежа за услуги здравоохранения превышает заранее установленную долю средств, которую оно

способно оплатить, в результате чего домохозяйство может испытывать трудности с удовлетворением других базовых потребностей (Cylus, Thomson, Evetovits 2018). Уровень катастрофических расходов оценивается разными способами, при этом для определения способности домохозяйств платить за услуги здравоохранения используются разные количественные величины (WHO Regional Office for Europe 2018). В рамках некоторых исследований прямые расходы на здоровье определяются как катастрофические в том случае, если они превышают определенную процентную долю (например, 10% или 25%) дохода или потребительских расходов домохозяйства.

Приводящие к обеднению расходы на услуги здравоохранения дают информацию о влиянии прямых платежей на уровень бедности и оцениваются посредством анализа того, какое положение домохозяйство занимает по отношению к заранее установленной черте бедности до и после осуществления прямых платежей; домохозяйство считается обедневшим в том случае, если до осуществления прямых платежей уровень его потребления или дохода был выше черты бедности, а после их осуществления опустился ниже черты бедности. Для обозначения черты бедности используются разные количественные показатели, например, международная черта бедности, установленная Всемирным Банком в 2015 году – 1,90 \$ США на человека в день по паритету покупательной способности (The World Bank 2015).

В рамках анализа уровня финансовой защиты оценивается уровень финансовых трудностей, которые возникают у домохозяйств, пользующихся услугами здравоохранения, но при этом упускаются из виду финансовые барьеры для доступа, которые приводят к появлению неудовлетворенных потребностей в услугах здравоохранения. Наличие неудовлетворенных потребностей (*unmet needs*) является показателем доступа и определяется как ситуация, в которой люди нуждаются в услугах здравоохранения, но не получают их из-за наличия барьеров для доступа (WHO Regional Office for Europe 2018).

Неудовлетворенные потребности в медико-санитарной помощи определяются как разница между услугами, которые считаются необходимыми для надлежащего решения проблем со здоровьем и фактически полученными услугами и рассматриваются как простые инструменты контроля доступа и степени несправедливости в использовании здравоохранения (Allin, Masseria 2009). Государства-члены Европейского Союза на ежегодной основе собирают данные о не-

удовлетворенных потребностях в медицинской и стоматологической помощи через базу данных «Статистика Европейского союза по уровням дохода и условиям жизни (*EU statistics on income and living conditions / EU-SILC*)». Несмотря на то, что этот важный источник данных не обладает объяснительной силой, а возможности его использования для целей сравнения данных весьма ограничены из-за различий в используемых странами форматах отчетности, исследователями он признаётся весьма полезным инструментом выявления временных тенденций в странах (EXPH 2018). Также государства-члены ЕС собирают данные о неудовлетворенных потребностях при помощи Европейского обследования показателей здоровья методом интервью «*European health interview survey*» (EHIS), которое проводится примерно раз в пять лет. Второй раунд данного обследования был проведен в 2014 г. Проведение третьего раунда намечено на 2019 г. Результаты EU-SILC рассчитываются на всё население Евросоюза в возрасте 16 лет и старше. В то время как EHIS охватывает население 15 лет и старше среди тех, кто нуждался в медицинской помощи в промежутке времени 12 месяцев до начала исследования (Eurostat 2018). По данным Евростат, стоимость услуг – одна из трёх основных причин неудовлетворенных потребностей населения в конкретных услугах, связанных со здравоохранением.

Итак, именно опросы населения, по мнению экспертов, способны дать достоверную информацию о неудовлетворенных потребностях в медицинском обслуживании. Например, в Канаде проблемы с доступностью медицинской помощи из-за прямых или косвенных затрат учёные Джинни Л. Хаггерти (*Jeannie L. Haggerty*) и Жан-Фредерик Левеск (*Jean-Frédéric Levesque*) исследовали при помощи опроса населения (Haggerty, Levesque 2015). По мнению авторов, административные данные о доступности медико-санитарной помощи, как правило используемые для оценки неравенства в здравоохранении в Канаде, основаны на реализованном доступе к услугам и не учитывают не полученный уход. Основным фактором доступности в исследовании был представлен социально-экономический статус индивида.

В работе (Yerramilli, Fernández, Thomson 2018) обобщены и проанализированы более 50 публикаций эмпирического анализа финансовой защиты в различных странах за период времени с 2003 по 2017 годы, в которых использовались данные о катастрофических и при-

водящих к обнищанию платежей из собственного кармана за здравоохранение. Авторы статьи отмечают, что практически каждая страна в Европе имеет данные, необходимые для анализа финансовой защиты. Наиболее распространённые источники данных, использованные в литературе: национальные исследования бюджетов и расходов домашних хозяйств (*Household Budget Surveys, Household Expenditure Surveys*). В Латвии с 2002 по 2016 годы исследования бюджетов домохозяйств проводились ежегодно. После 2016 года такие опросы планируется проводить один раз в 3 года (*Centrālā statistikas pārvalde, bez datuma*). Среди других источников информации об экономической доступности здравоохранения – Исследование критериев оценки уровня жизни (*Living Standards Measurement Study*), Исследование здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе (*Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe*), Всемирный обзор здравоохранения (*World Health Survey*). Необходимые данные для анализа финансовой защиты: национальные репрезентативные данные об общем потреблении (расходах) домохозяйств, информация о наличных платежах, расходы домохозяйств на основные нужды, такие как продукты питания, жилье и коммунальные услуги, определяющие возможность семьи оплачивать медицинские услуги, а также информация о размере и составе домохозяйств и некоторые демографические показатели для исследования неравенства в здравоохранении.

Финансовое бремя платежей из собственного кармана за здравоохранение в Латвии с 2002 по 2006 годы было проанализировано в работе (Xu et al. 2009), где авторы дифференцировали население по уровню материального благосостояния, применяя метод квинтилей. Исследователи констатировали, что Латвия достигла всеобщего охвата населения за счет государственного медицинского страхования, однако около 30% людей не могли получить доступ к медицинской помощи, когда они нуждались в ней в основном по финансовым причинам. Для тех, кто получил доступ к медицинским услугам, платежи из собственного кармана привели к финансовой катастрофе более 40 000 человек, а более 20 000 человек оказались в бедности. В Латвии существует неравенство как в доступе к медицинской помощи, так и в финансовом бремени личных платежей.

Экономическая доступность здравоохранения в Латвии анализируется также в изданном в 2012 году обзоре Группы Всемирного Банка «Данные о равенстве в отношении здоровья и финансовой защите: Европа и Центральная Азия» (Bredenkamp, Wagstaff, Buisman,

Prencipe 2012). Данные отчёта свидетельствуют о том, что в странах с низким и средним уровнями доходов показатели здоровья, поведение в отношении профилактики и использования медицинской помощи варьируются в зависимости от квинтилей активов (благополучия).

В 2018 году ВОЗ выпустила серию публикаций под названием «В состоянии ли люди платить за услуги здравоохранения?», посвященных финансовой защите в различных странах, в том числе и в Латвии (Taube, Vaskis, Nesterenko 2018). Исследователи отмечают, что финансовая защита в Латвии слабее, чем в других странах ЕС. В 2013 году 13% домохозяйств столкнулись с катастрофическими платежами из своего кармана, по сравнению с 10% в 2008 году. Около 4% домохозяйств обеднели или стали ещё беднее из-за платежей за здравоохранение. В этом же году был опубликован сравнительный анализ финансовой защиты здравоохранения в Латвии, Эстонии и Чехии — странах с высоким уровнем доходов, но с различными уровнями финансовых трудностей (Thomson, Evetovits, Cylus 2018). Катастрофические расходы на здравоохранение в значительной степени сконцентрированы среди беднейших домохозяйств во всех трех странах и в значительной степени сконцентрированы среди семей пенсионеров в Эстонии и Латвии, но не в Чешской Республике. Степень финансовых трудностей, испытываемых катастрофическими тратами, варьируется в этих странах.

Статистические данные ОЭСР показывают, что из этих трех стран, в 2016 году наименьший процент платежей из собственного кармана был в Чехии — 15%, в Эстонии — 22% и самая удручающая ситуация в Латвии — 45%. Как же так получается, что в странах примерно одинакового как масштаба экономики, так и уровня располагаемого дохода домашних хозяйств могут так значительно различаться расходы населения на здравоохранение «из собственного кармана»?

Рассмотрим доступность здравоохранения в аспекте важнейших показателей экономического развития страны — ВВП и уровня жизни. Согласно статистическим данным ОЭСР, в 2016 году ВВП Латвии был равен 25589 долл. США/чел. Если проиллюстрируем долю прямых платежей от общих расходов на здравоохранение в странах с приблизительно таким же уровнем ВВП (20000–35000 долл. США / чел.), то увидим, что в Латвии самая высокая доля прямых платежей среди этих стран (Рис. 1).

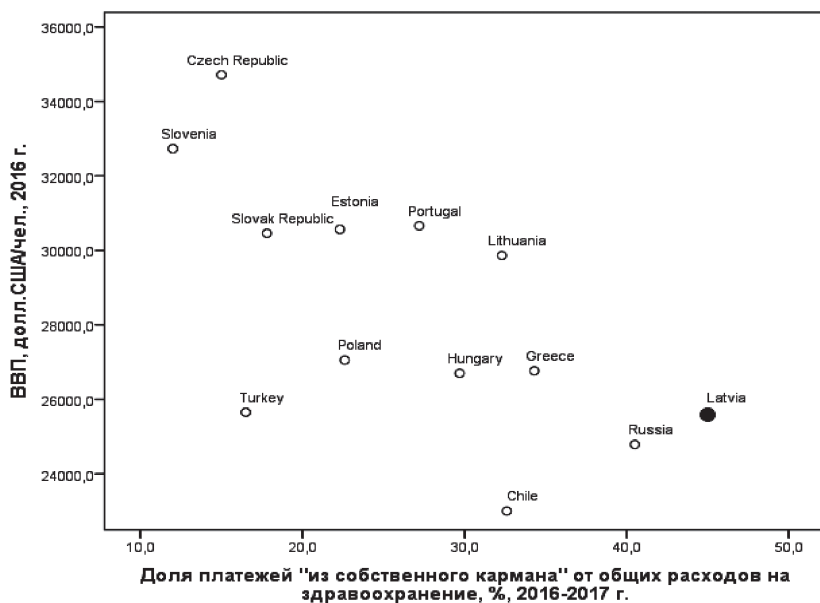

Рисунок 1. Соотношение ВВП и количества «платежей из собственного кармана» среди стран с уровнем ВВП в пределах 20000–35000 долл. США / чел.

Источник: составлено автором по данным <https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>, <https://data.oecd.org/healthres/health-spending.htm> с помощью программы SPSS

Оказывается, не только непосредственно экономические параметры страны определяют экономическую доступность здравоохранения. Один из таких факторов – институциональная среда (Menshikov, Volkova 2018) Так, новая институциональная экономика с особым вниманием рассматривает процессы и последствия институционального регулирования экономики, качество самих институтов. Качество институтов или институциональная среда включает в себя существующую систему государственных и частных организаций, а также существующие правила и деловую практику, которые определяют взаимоотношения экономических субъектов в стране. Большую доступность медицинских услуг для населения можно и нужно добиваться не только на путях повышения производительности труда работающих, внедрения новых технологий и других составляющих экономического роста, но и на путях наладки более каче-

ственных государственных и негосударственных институтов, их эффективного взаимодействия на путях достижения как экономического роста, так и качества жизни.

В ходе масштабного исследования компании *The Economist Intelligence Unit* экспертами была доказана прямая взаимосвязь доступности здравоохранения с Индексом человеческого развития (*Human Development Index / HDI*). Доступность здравоохранения в данном случае измерялась при помощи индекса «Глобальный доступ к здравоохранению» (*Global Access to Healthcare*), анализируемого, как системы здравоохранения в 60 странах работают над удовлетворением наиболее актуальных медицинских потребностей своих жителей. Результаты анализа индекса свидетельствуют о том, что многие страны на всех уровнях доходов добились большего прогресса в распространении основной первичной медико-санитарной помощи своим гражданам, чем в создании устойчивых систем здравоохранения. Вера населения в гражданское общество в качественное управление являются ключевыми компонентами успешного расширения доступа к здравоохранению. Это подтвердилось сильной корреляцией между Индексом глобального доступа к здравоохранению и Индексом восприятия коррупции (*Corruption Perception Index*). Эксперты подчеркивают особую важность доверия к государству, как основу политически устойчивой системы. Также решающее значение имеет политическое руководство и приверженность, учитывая роль государства в регулировании здравоохранения. В отчетах исследования отмечается, что государственные учреждения часто не имеют достаточного потенциала для управления или для обеспечения их качества (*The Economist Intelligence Unit 2017*). То есть, в данном контексте вновь можно говорить о качестве институтов.

Выводы

Вопросы доступной медицинской помощи для населения актуальны во всём мире. Из-за стремительного роста цен на медицинские услуги, в Соединённых Штатах Америки проблемам расходов жителей на здравоохранение уделяется пристальное внимание на протяжении уже нескольких десятков лет. По мнению учёных, американцы, как правило, не осознают взаимосвязь между медицинским страхованием, расходами на здравоохранение и собственными доходами, поэтому необходим инструмент, способный наглядно им эту взаи-

мосвязь продемонстрировать. С этой целью был разработан Индекс финансовой доступности здравоохранения. Не смотря на некоторые недочеты и критику, индекс вызывает особый интерес в научной среде США и упоминается во многих публикациях.

Обзор научной литературы показал, что наиболее распространенными методами оценки финансовой доступности здравоохранения являются Метод катастрофических платежей и Метод обнищания. Если первый основан на соотношении расходов и общих ресурсов домохозяйств, то второй — на остаточном доходе после расходов. Защита от финансовых рисков — ключевое понятие

В большинстве эмпирических исследований используются статистические данные о структуре бюджетов домохозяйств, в том числе и в Латвии. Однако, как отмечают эксперты, такие методы измеряют эффект от полученных услуг здравоохранения, но упускают из вида услуги, которые население не смогло получить по причине финансовых трудностей. Для изучения барьеров неполученной медицинской помощи наиболее обоснованным методом признаётся опрос населения. Один из общеизвестных показателей, используемый *Eurostat*, — неудовлетворенные потребности в медико-санитарной помощи (*unmet needs for healthcare*).

Исследования автора свидетельствуют и о том, что финансовая доступность здравоохранения зависит не только от экономических показателей государства, но одним из ключевых моментов выступает качество институтов или так называемая институциональная среда. Вызывает большой интерес и взаимосвязь финансовой доступности здравоохранения с состоянием совокупного капитала личности и семьи, особенно такой его составляющей как социальный капитал (Menshikov, Volkova, Stukalo, Simakhova 2017), во многом определяющий специфику и качество институциональной среды. На наш взгляд, было бы интересно на основе эмпирических данных по Латвии подтвердить этот вывод.

Библиография

- Allin S., Masseria C. (2009) Unmet need as an indicator of access to health care in Europe. *Eurohealth*, 7–14. Available at: <http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=4741&>
- Antos J., Capretta J. (2017) Challenges in Measuring the Affordability of US Health Care. *JAMA*, pp.1871–1872. doi: 10.1001/jama.2017.16188

- Bredenkamp C., Wagstaff A., Buisman L., Prencepe L. (2012) *Health equity and financial protection datasheet: Europe and Central Asia*. World Bank Group, Washington. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/711401468038087048/pdf/720110WP0Europ08022020120Box370104B.pdf>
- Centrālā statistikas pārvalde (2018) *Latvija. Galvenie statistikas rādītāji 2018*. Available at: https://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publication/2018-05/Nr%2002%20Latvija%20Galvenie%20statistikas%20raditaji%202018%20%2818_00%29%20LV.pdf
- Centrālā statistikas pārvalde (n.d.) *Mājsaimniecību budžets un patēriņa izdevumi*. Available at: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/socialie-procesi/mba/tabulas/metadati-majsaimniecibu-budzets-un-paterina-izdevumi>
- Cylus J., Thomson S., Evetovits T. (2018, September) Catastrophic health spending in Europe: equity and policy implications of different calculation methods. *Bulletin of the World Health Organization*, 96(9), pp. 589–664. doi: 10.2471/BLT.18.209031
- Eurostat (2018, January) *Unmet health care needs statistics*. Available at: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unmet_health_care_needs_statistics
- EXPH (2018) *Benchmarking access to healthcare in the EU*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. doi: 10.2875/593839
- Ezekiel J., Glickman A. (2017) Measuring the Burden of Health Care Costs on US Families. The Affordability Index. *JAMA*, pp. 1863–1864. doi: 10.1001/jama.2017.15686
- Haggerty J. L., Levesque J.-F. (2015) Development of a measure of health care affordability applicable in a publicly funded universal health care system. *Can J Public Health*, e66–e71. doi: 10.17269/cjph.106.4562
- Yerramilli P., Fernández Ó., Thomson S. (2018) Financial protection in Europe: a systematic review of the literature. *Health Policy*, 122, pp. 493–508. doi: 10.1016/j.healthpol.2018.02.006
- Johnson D. W. (2017) *Introducing the Healthcare Affordability Index: High-Cost Private Health Insurance Reduces Family Incomes*. Market Corner Commentary. Available at: <http://www.4sighthealth.com/wp-content/uploads/2017/11/Introducing-the-Healthcare-Affordability-Index-2.pdf>
- Levesque J.-F., Harris M.F., Russel G. (2013) Patient-centred access to health care: conceptualising access at the interface of health systems and populations. *Int J Equity Health*, 12. doi: 10.1186/1475-9276-12-18
- Menshikov V., Volkova, O. (2018, December) Economic growth and impact of institutions on quality of human capital: a case study. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 8(2), pp. 247–256. doi: 10.9770/jssi.2018.8.2(11)
- Menshikov V., Volkova O., Stukalo N., Simakhova A. (2017) Social economy as a tool to ensure national security. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 7(2), pp. 211–231. doi: 10.9770/jssi.2017.7.2(4)

- Niëns L. M. (2014) *Affordability in Health Care: Operationalizations and Applications in Different Contexts*. Erasmus Universiteit Rotterdam. Available at: <https://repub.eur.nl/pub/50314/PhD-Laurens-Niëns.pdf>
- O'Donnell O., van Doorslaer E., Wagstaff A., Lindelow M. (2008) *Analyzing Health Equity Using Household Survey Data. A Guide to Techniques and Their Implementation*. The International Bank for Reconstruction and Development; The World Bank. Available at: <http://web.worldbank.org/archive/website01411/WEB/IMAGES/HEALTHEQ.PDF>
- Taube M., Vaskis E., Nesterenko O. (2018) *Can people afford to pay for health care? New evidence on financial protection in Latvia*. WHO Regional Office for Europe. Available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/373580/Can-people-afford-to-payLatvia-WHO-FP-006.pdf
- The Economist Intelligence Unit (2017) *Global access to healthcare: Building sustainable health systems*. Available at: <https://perspectives.eiu.com/sites/default/files/Globalaccesstohealthcare-3.pdf>
- The World Bank (2015, October 4) *World Bank Forecasts Global Poverty to Fall Below 10% for First Time; Major Hurdles Remain in Goal to End Poverty by 2030*. Available at: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2015/10/04/world-bank-forecasts-global-poverty-to-fall-below-10-for-first-time-major-hurdles-remain-in-goal-to-end-poverty-by-2030>
- Thomson S., Evetovits T., Cylus J. (2018) *Financial protection in high-income countries. A comparison of the Czech Republic, Estonia and Latvia*. WHO Regional Office for Europe, Copenhagen. Available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/372811/czechia-estonia-latvia-fp-2018-eng.pdf?ua=1
- Wagstaff A. (2008) *Measuring financial protection in health*. The World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/157391468140940134/pdf/wps4554.pdf>
- Whitehead C., Monk S., Clarke A., Holmans A., Markkanen S. (2008) *Measuring Housing Affordability: A Review of Data Sources*. University of Cambridge. Available at: <https://www.bipsolutions.com/docstore/pdf/23343.pdf>
- WHO (2017) *Tracking universal health coverage: 2017 global monitoring report*. World Health Organization and International Bank for Reconstruction; The World Bank. Available at: <http://pubdocs.worldbank.org/en/193371513169798347/2017-global-monitoring-report.pdf>
- WHO Regional Office for Europe (2018) *Can people afford to pay to health care? New evidence on financial protection in Europe*. Regional Committee for Europe. Available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/378293/68wd11e_CanPeopleAffordHealthCare_180443.pdf?ua=1
- Xu K., Saksena P., Carrin C., Jowett M., Kutzin J., Rurane A. (2009) *The Financial Burden of Out-of-pocket Payments in Latvia*. World Health Organization, Geneva. Available at: https://www.who.int/health_financing/documents/cov-pb_e_09_01-oopslat/en/

Veselības aprūpes finansiālās pieejamības rādītāji (pasaules pētījumu pieredze)

Копсавилкums

Kā atīmē Pasaules Veselības organizācijas (PVO) eksperti, veselības aprūpes neapmierināto vajadzību, tapāt kā tās pieejamības nevienlīdzības pieaugums – ir būtiska problēma visā pasaulē. Rakstā ir izklāstītas visizplatītākās veselības aprūpes finansiālās pieejamības novērtēšanas metodes pasaules praksē, tostarp arī Latvijā. Autore īpašu uzmanību pievērš gan sabiedrības ekonomisko rādītāju lomai, gan institucionālās vides kvalitātes nozīmei veselības aprūpes pieejamības problēmu risināšanā.

Atslēgas vārdi: veselības aprūpes finansiālā pieejamība, nevienlīdzība veselības aprūpē, katastrofiskās izmaksas, institucionālā vide.

Владимир Меньшиков, Ольга Волкова (Латвия)

ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЛАТВИИ: ОПЫТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Цель исследования — рассмотреть комплекс проблем, решаемых при реализации проектов, основанных на достижениях нового технологического уклада на примере здравоохранения Латвии, прежде всего проекта *e-health* (э-здоровье). С 1 января 2018 года использование системы *e-health* в Латвии является обязательным, однако пока на полную мощность заработал лишь проект «Цифровой рецепт». Опыт внедрения и использования цифровой медицины в Латвии свидетельствует о большом комплексе проблем, с которыми сталкиваются государственные и самоуправленческие структуры, лечебные заведения, медперсонал и пациенты. Системное видение проблем реализации цифровой медицины требует по меньшей мере учета и решения семи относительно самостоятельных задач: технико-технологических, экономических, правовых, организационно-управленческих, социальных, психологических, культурных. В работе с позиции системного видения дана оценка этих аспектов реализации программы *e-health* при широком использовании данных международных организаций, государственной статистики Латвии, осуществленных научных исследований, в том числе при участии авторов.

Ключевые слова: цифровая медицина, *e-health*, блокчейн, цифровое развитие.

С незапамятных времён людям свойственно объединяться для достижения общих целей и повышения результативности. С течением времени возможности сотрудничества расширяются, появляются новые методы коммуникации, ускоряются темпы развития технологий и происходит трансформация форм капитала. Все более значимым становится понимание и более широкое использование совокупного капитала личности, семьи и общества, включая сетевой капитал (Menshikov et al. 2017). Социолог Эндре Сик (*Endre Sik*), внесший значимый вклад в исследование сетевого капитала, пишет: «В ходе трансформации все другие формы капитала (денежный, физический, человеческий капитал) были скудными и/или теряли свою ценность, поэтому доверие и сетевой капитал стали основными активами, часто наиболее важными формами капитала, обеспечивающими успех в этой растущей неформальной среде» (Sik 1994a, Sik 1994b). Если раньше

сообщества объединяло географическое положение, то сегодня сотрудничество основывается на общих интересах, на базе новейших технологий. На новом этапе истории, в век информатизации и компьютеризации уместно рассматривать социальные отношения с новой стороны и в новом контексте.

К сегодняшнему дню на завершающем этапе находится проект создания глобальной сети телекоммуникаций в медицине, финансируемый Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и включающий электронный обмен научными документами и информацией, ее ускоренный поиск с доступом через телекоммуникационные сети, проведение электронного голосования экспертов, видеоконференций, заочных дискуссий и совещаний (WHO 2016).

Видимые достоинства *e-health* заключаются в «стирании» пространственно-временных границ в области здравоохранения и увеличение скорости обработки информации с помощью современных технологий: «чем раньше начато лечение — тем больше шансов на полное выздоровление». По нашей оценке, цифровая медицина оказывает позитивное воздействие на все четыре взаимно пересекающиеся параметры доступности, выделяемые ВОЗ: доступность информации, физическая доступность, экономическая доступность, недискриминация. К сожалению, далеко не всегда руководители проектов в этой области акцентируют внимание на все эти преимущества электронного здравоохранения.

Пожалуй, блокчейн на сегодня является самой загадочной технологией, связанной с «цифрой». Неизвестно, кто является ее реальным создателем, долгое время возможность ее использования тесно связывалась с криптовалютой биткойн и рассматривалась многими государствами как угроза национальным денежным системам. Но в последнее время ряд экспертов предрекает полноценную замену в ближайшем будущем государственных функций на механизмы, выстроенные на базе технологии блокчейн.

Идея технологии блокчейн максимальна проста — это огромная база данных общего пользования, которая функционирует без централизованного руководства. Основные свойства блокчейн:

- прозрачность (участники сети видят всю информацию о транзакциях);
- необратимость (записанную транзакцию невозможно удалить или изменить);

- анонимность/псевдонимность (относительная безопасность для пользователей из стран с авторитарными режимами);
- децентрализованность (отсутствие единого сервера, на который можно было бы влиять).

Вот почему свойства технологии блокчейна стали все более широко использоваться в различных сферах жизни человека и общества, включая заботу о здоровье и качестве жизни населения. Специалисты говорят, что цифровая медицина держится на трех китах: электронный документооборот, телемедицина (технологии для дистанционных консультаций с врачом, обмена информацией между медицинскими организациями) и применение математических методов обработки данных. Именно третья составляющая цифровой медицины – огромный простор для применения методов искусственного интеллекта, действительно дает медицине новое качество. В наших традиционных медицинских карточках хранится огромный объем информации. Но все это богатство с глобальной точки зрения, условно говоря, пропадает без пользы. Однако если медицинские карты перевести на цифру и сделать электронными, то математические алгоритмы способны проанализировать все эти данные и найти в них закономерности, незаметные человеческому взгляду. А это даст возможность не только поставить самый точный диагноз, но и задолго до появления клинических симптомов прогнозировать риск развития той или иной болезни.

О проекте *e-health* в Министерстве здравоохранения Латвии задумались еще в 2003 году, рабочая группа появилась в 2005 году, однако конкретный план был написан лишь в 2006 году. Год спустя началась его реализация.

Предполагалось, что по итогам осуществления проекта эффективность работы медицинского персонала повысится на 22%, ожидание в очереди на амбулаторный прием сократится на 16%, а время контакта пациента с медучреждениями – на 5%. Однако самую большую отдачу должны были увидеть сами врачи – по прогнозам, минут, которые сейчас тратятся на изучение анамнеза больного, станет почти на треть меньше.

Программа *e-health* – приоритетная долгосрочная государственная программа совершенствования системы медицинского обслуживания в Латвии предусматривала три этапа ее реализации (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Программа *e-health* в Латвии – этапы развития

Источник: Министерство здравоохранения Латвии (Gabaliņa 2012)

Однако только с 1 января 2018 года использование системы *e-health* в Латвии является обязательным. Пока на полную мощность заработал проект «Цифровой рецепт». У нас ежегодно выдается до 15 млн рецептов. Новая система позволила автоматизировать процесс, отслеживать весь жизненный цикл рецепта с момента его выписки до выдачи лекарства, уменьшив затраты времени, расходы на документацию, риск ошибок из-за пресловутого «докторского почерка» и т.д. Система интегрирована с регистром лекарственных препаратов и списком компенсируемых медикаментов.

Опыт внедрения и использования цифровой медицины в Латвии свидетельствует о большом комплексе проблем, с которыми сталки-

ваются государственные и самоуправленческие структуры, лечебные заведения, медперсонал и пациенты. Наиболее значимые из них можно рассмотреть в комплексе, включающем в себя существенно разные по своим характеристикам барьеры и ограничения. В этом аспекте исследовательского анализа мы предлагаем учитывать следующие 7 групп таких характеристик.

1. Техничко-технологические проблемы

Сфера здравоохранения давно нуждается в изменениях и сегодня есть множество возможностей для технологии *blockchain*, чтобы она возглавила трансформацию. Но технология уже существует более 10 лет и мы будем правы, если скажем, что она пока мало что изменила. Кроме, разве что, финансовой сферы.

Интерес к самой технологии *blockchain* стал заметен в последние 3–4 года. В том числе и в сфере здравоохранения. Доказательством возросшей востребованности технологии *blockchain* может служить результат исследования, проведенного в октябре 2017 года командой «*Black Book*» (Black Book Research 2017). В нем было опрошено 88 потребителей системы здравоохранения (среди них, представители страховых компаний, потребители медицинских услуг) и 276 поставщиков медицинских услуг (отвечающих за технологический процесс специалистов, менеджеров и IT-специалистов).

«*Black Book*» выявил, что 19% управляющих медицинскими организациями и 76% представителей, оплачивающих медицинские услуги, рассматривали или уже применяли решения на основе технологии *blockchain*. 70% всевозможных организаций, оплачивающих медицинские услуги, ожидают интеграцию *blockchain* в существующие системы и 9% поставщиков медицинских услуг собирались использовать новую технологию уже в 2018 году. Таким образом, повышенное внимание к технологии распределенных реестров привело к пониманию потенциала применения технологии в системе здравоохранения. Эти условия дали благодатную почву для команд и организаций, желающих интегрировать технологию *blockchain* в уже существующие проекты или разработать новые, отвечающие требованиям высоких стандартов.

В 2013 году Европейской комиссией был проведен масштабный опрос о внедрении электронного здравоохранения врачами общей практики. Дания набрала наивысший балл (2,49 из возможных 4), за ней следуют Испания (2,17), Норвегия (2,16) и Эстония (2,13). Лат-

вия и Литва имели самые низкие оценки — 1,50 и 1,35 соответственно (Codagnone 2013).

Исследование внедрения электронного здравоохранения в европейских больницах также проводилось в 2013 году (в 2010 году проводился аналогичный опрос, но с меньшей выборкой). Оценивались 2 показателя:

- 1) *Распределение*, касающееся четырех «основных» аспектов электронного здравоохранения: цифровая инфраструктура; применение и интеграция; информационные потоки и обмен медицинской информацией; безопасность и конфиденциальность.
- 2) *Доступность и использование* в отношении цифровых приложений и функций: электронные медицинские карты; инструменты поддержки клинических решений; *TeleHealth* (дистанционные медицинские консультации) (Европейская комиссия 2014).

Больницы в скандинавских странах получили более высокие оценки по обоим показателям. Больницы в Восточной и Южной Европе имели более низкие оценки. Более крупные больницы и государственные больницы зафиксировали более высокие оценки по обоим показателям. Латвия имела сравнительно низкие оценки и по обоим показателям заняла 25 место из 30. В целом, эти результаты показывают пробелы в управлении в отношении безопасности данных, конфиденциальности и совместимости. Только 57% больниц сообщили о наличии стратегического плана электронного здравоохранения.

Эксперты Европейской Комиссии отмечают, что основываясь на этих результатах, необходимо улучшить внедрение цифровых технологий как в первичном звене здравоохранения, так и в больницах по всей Европе, чтобы выполнить концепцию, изложенную в Стратегии электронного здравоохранения Европейской комиссии (OECD/EU 2016).

Латвия занимает 19-е место в ЕС по уровню развития цифровой экономики и общества, свидетельствует опубликованный Еврокомиссией индекс DESI (*Digital Economy and Society Index*) за 2018 год (European Commission 2018). Индекс DESI представляет собой сводный индекс, который обобщает соответствующие показатели по эффективности цифровых технологий в Европе и отслеживает прогресс государств-членов ЕС в области цифровой конкурентоспособности, учитывая пять основных параметров: доступность высокоскоростного интернета, цифровые навыки населения, уровень использования интернета, использование цифровых технологий в бизнесе, а также

цифровые общественные услуги (такие как электронное правительство и электронное здравоохранение). Показатель электронное здравоохранение представляет собой процентную часть жителей государства, пользующихся услугами э-здоровья. По данному показателю Латвия также на 19-ом месте, Литва — на 13-ом, а Эстония — на 2-ом. Почти 50% жителей Эстонии в 2017 году пользовались услугами электронного здравоохранения, около 20% литовцев и менее 15% латвийцев (рисунок 2). Средний показатель по ЕС — 18%.

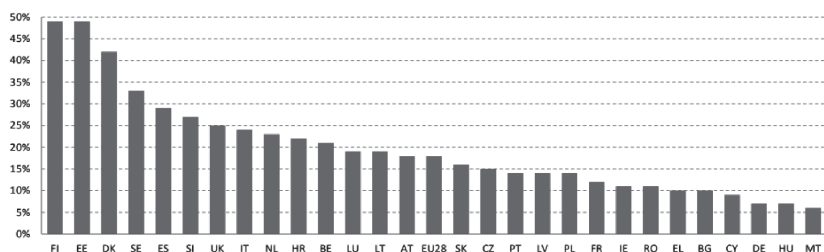

Рисунок 2. Доля жителей в странах ЕС, использующие услуги э-здоровья

Источник: Eurobarometer (2017) *Special Eurobarometer 460: Attitudes towards the impact of digitalisation and automation on daily life*

2. Экономические, свидетельствующие о достаточно больших финансовых затратах на продвижение цифровой медицины. Так, по данным Компания *StartUp Health* инвестиции в цифровую медицину в 2017 году составили \$11.5 млрд, что на \$3.5 млрд больше, чем в 2016 году (*StartUp Health Insights 2018*).

При этом четвертый квартал 2017 года стал рекордным за все время — в этом периоде было заключено 227 инвестиционных сделок общим объемом в \$2.3 млрд. Кроме того, компания отметила, что завершившийся год стал рекордным по количеству сделок — 794 договоров, превышающих \$1 млн. Как и раньше, большая часть таких сделок (65%) относятся к проектам, находящимся на ранней стадии. Хотя количество и объем инвестиций в компании, находящиеся на более поздних стадиях, продолжает увеличиваться.

Топ 5 сделок в 2017 году (исключая контракт *Outcome Health* размером в \$800 млн) — это *Grail* (\$914 млн), *Guardant Health* (\$360 млн), *Peloton* (\$325 млн), *Auris* (\$280 млн), *23andMe* (\$250 млн).

Топ 5 секторов отрасли, куда больше всего инвестировали — это системы для улучшения опыта пациентов (*Patient/Consumer Experience*) — \$1.64 млрд, персонализированная медицина — \$1.59 млрд, большие данные и аналитика — \$1.39 млрд, медицинские устройства — \$1.37 млрд и системы для здорового образа жизни (*wellness*) — \$1.12 млрд.

Наиболее активными географическими областями, куда шли инвестиции в этой сфере были Сан-Франциско и Нью-Йорк (США), Лондон (Великобритания), Тель-Авив (Израиль), Бангалор (Индия), Стокгольм (Швеция), Торонто (Канада), Пекин (Китай), Бостон (США) и Париж (Франция).

Самым активным регионом с точки зрения инвестиций в 2018 году продолжали опять оставаться США, где такие сделки чаще всего регистрировались в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Бостоне и Лос-Анжелесе. Что касается остального мира, то здесь больше всего заметна активность в Великобритании, Китае, Швеции, Индии, Сингапуре, Канаде и Израиле.

Ключевыми секторами отрасли, куда шли основные инвестиции в 2018 году являлись:

- расширение возможностей пациентов (\$2.1 млрд в 149 сделках);
- ведение здорового образа жизни (\$1.6 млрд — 64 сделки);
- сбор биометрических данных (\$1.5 млрд — 50 сделок);
- управление клиническими рабочими процессами (\$1.1 млрд — 98 сделок);
- управление административными рабочими процессами (\$1.0 млрд — 85 сделок);
- исследования (\$964 млн — 37 сделок);
- персонализированная медицина (\$857 млн — 54 сделок);
- медицинское страхование (\$854 млн — 12 сделок);
- народное здравоохранение (\$701 млн — 27 сделок);
- обучение (\$280 млн — 11 сделок) (StartUp Health Insights 2018)

На фоне впечатляющих размеров инвестиций в цифровую медицину в странах — лидерах, расходы на этот сектор в Латвии не представляются очень большими.

Так, общая сумма, выделенная на проекты по разработке системы электронного здравоохранения, Латвии, софинансируемые из Европейского фонда регионального развития, составляла вначале 10,2 млн евро. Это финансирование было распределено между восе-

мью разработчиками: Lattelecom Technology – 2,9 млн евро; Datorzinību centrs и ABC Software – 3,5 млн евро; In-volv, Tieto Latvia и ABC Software – 576 000 евро; Lattelecom и Exigenservices Latvia – 3,2 млн евро.

Однако с самого начала существовала проблема эффективного использования этого финансирования. Так, ревизоры Госконтроля Латвии констатировали, что упущенная выгода для государства из-за неработающего проекта *e-health* в 2013–2015 годах составляет 3 млн. евро. Именно столько можно было бы сэкономить, если бы работала хотя бы часть услуг. Непродуктивно или неэкономично были израсходованы 760 000 евро, а нецелевым образом – 483 000 евро.

В этом контексте заслуживает внимания один из комментариев пользователей портала Delfi.lv, ознакомившихся с оценками контролеров: «Как независимый разработчик, я оцениваю разработку той части, которая видна физическим лицам примерно в 120 часов. Это включает в себя как оптимально настроенную базу данных, так и дизайн, и формы, и т.п. Всё, целиком. Предположим, что часть для врачей – сложнее, её примем за 200 часов. Накинем ещё 50 на сопутствующие работы. Итого 370 часов. Моя ставка – 45 евро в час. Итого 16650 евро за всю систему, которая не будет тормозить, будет нормально выглядеть и нормально работать. Окей, давайте увеличим до 50000. Всё равно это на много меньше, чем миллионы. Куда ушли все эти миллионы??? Зачем было привлекать столько компаний? Ответ, видимо, прост: коррупция и кормушка. Вот, чем должен заниматься KNAV! но они это не сделают, конечно же». Конечно, не все так просто, но качество системы и стоимость ее создания в Латвии безусловно далеки от оптимальных величин.

3. Правовые аспекты, вопросы безопасности

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что, несмотря на очевидные успехи, развитие цифрового здравоохранения пока имеет определенные ограничения в практическом аспекте, что обусловлено существующими этико-правовыми рисками использования электронных технологий в медицине. Прежде всего, речь идет о соблюдении принципа конфиденциальности данных пациента, соответственно, врачебной тайны, составляющей одно из базовых правил в деонтологии. В правовом аспекте риски развития цифровой медицины вызваны несоответствием международных юридических норм, регулирующих деятельность лечебно-профилактических

учреждений и их персонала, действующему национальному законодательству в сфере здравоохранения.

Возникает вопрос: а не смогут ли этой личной информацией воспользоваться злоумышленники? Те же хакеры многое отдадут, чтобы заполучить медицинское досье крупного политика или бизнесмена. Чтобы этого не произошло, создается многоуровневая система защиты персональных данных.

Так, в подмосковной Балашихе сотрудники Московской областной станции скорой медицинской помощи продавали данные о смерти местных жителей агентствам ритуальных услуг. Об этом сообщается на сайте регионального управления Следственного комитета (СК) России (RIA Novosti 2019). Сотрудники похоронных бюро использовали полученную информацию для выездов по месту жительства умерших. Они предлагали свои услуги их родственникам и заключали договоры, процент от которых получали врачи.

Кроме того, нельзя исключать и технологические риски, обусловленные сложностью используемого оборудования. В докладе Ю. Н. Харари на форуме в Давосе (январь 2018 г.) содержались шокирующие предупреждения о «цифровой диктатуре», которая может возникнуть в результате концентрации информации в единых центрах. Тем более информации о здоровье. «Когда компьютеры начнут отслеживать не только наши электронные письма, сообщения и деньги, но и наши тела, уязвимость каждого отдельного человека возрастет... Когда вы объединяете революцию в информационных технологиях с революцией в биотехнологии, вы получаете возможность взломать людей» (Harari 2018).

Масштабы компьютерных преступлений приняли в мире лавинообразный характер. Они потрясают крупнейшие банки, корпорации и даже военные ведомства, секретные службы и правительства многих стран. Это свидетельствует о резко возрастающей опасности использования компьютерных систем хранения и обработки информации, особенно для простых людей, доверяющих этим системам свои персональные данные. Нужны более строгие, четкие законодательные акты, защищающие нас от постороннего вмешательства в медицинскую информацию. Чтобы этого не произошло, необходимо создавать и совершенствовать многоуровневую систему защиты персональных данных каждого пациента.

4. Организационно-управленческие

Переход на цифровую медицину — сложнейшая управленческая задача, требующая продуманной четко выверенной стратегии. Это выражается в выборе уровня кооперации, координации действий, «сетивизации» и интеграции. Разработка качественной стратегии зависит от организационно-управленческого опыта руководителей, способных предложить и реализовать оптимальные в конкретных условиях варианты решения множества сложных проблем цифровой медицины. Безусловно, личные и профессиональные компетенции руководителя, принимающего решение, во многом определяют успех или неудачу внедрения всего комплекса элементов сложнейшей системы нового технологического уклада.

По нашей оценке, не финансовые, а организационные проблемы прежде всего тормозили и сдерживали внедрение цифровой медицины в Латвии. Более 10 лет проект *e-health* реализовывался по старым планам, составленным еще в 2006–2007 годах, когда многих более значимых технологических инноваций, используемых и в цифровой медицине, просто еще тогда не существовало. Сроки реализации постоянно отодвигались (изначально он вообще должен был быть закончен в 2010 году). Из-за экономического кризиса несколько раз менялся «заказчик», ответственный за проект. Так, в 2009 году функции внедрения *e-health* были отданы Центру экономики здоровья, а с конца 2011 года проект перешел в ведение Национальной службы здравоохранения, которая ведет его и сейчас.

Приступив к работе, нынешний министр здравоохранения Латвии И. Винкеле, решила даже приостановить 3-й этап разработки электронной системы здравоохранения *e-health*, на который планировалось потратить 5 миллионов евро. По словам И. Винкеле, *e-health* — очень неудавшийся, больной с рождения и неправильно принятый при родах ребенок системы. Лично она свернула бы нынешний проект *e-health* совсем. Но, к ее сожалению, факт таков — есть определенные обязательства перед финансированием со стороны еврофондов, которые латвийские организаторы здравоохранения взяли на себя, реализуя *e-health*.

5. Социальные

Известно, что проблема неравного доступа к медицинским услугам, несмотря на предпринимаемые мировым сообществом усилия, обусловлена социальной детерминированностью здоровья человека

в современном социуме (Menshikov et al. 2017), поэтому ее преодоление сопряжено с определенными социально-экономическими рисками, что требует поиска новых путей ее решения. Одним из таких способов в условиях современного развития мирового сообщества стало внедрение в медицинскую практику и систему организации оказания медицинских услуг информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и создание системы цифрового здравоохранения. Использование цифровых технологий в медицине позволило создать совершенно новые формы взаимодействия между поставщиками медицинских услуг и их потребителями.

В современной научной литературе актуален вопрос о влиянии э-здоровья на социальное неравенство общества (Latulippe, Hamel, Giroux 2017). Авторами многочисленных исследований выделяется целый ряд социально-демографических характеристик, определяющих часть населения, подверженную риску социального неравенства и ограниченную в возможностях использования инструментов электронного здравоохранения.

Следует отметить, что направления использования цифровых технологий в здравоохранении развитых и развивающихся стран имеет определенные отличия, что обусловлено социально-экономической дифференциацией этих государств. Так, в странах Европы, Америки они широко применяются для диагностики и клинического лечения, в то время, как в регионах с низким доходом на душу населения, их внедрение ограничено и используется пока для сбора данных, распространения информации и для связи поставщиков медицинских услуг и их потребителей. Данная ситуация дает некоторым исследователям основание рассматривать ограниченность использования цифровых технологий в решении проблемы социального неравенства в сфере здоровья (Lyadova 2018).

Низкое качество здравоохранения и недоступность медицины — это первая «неэкономическая» проблема, о которой граждане рассказывают во время социологических опросов. При этом доверие к врачам снижается, а существующая система оценки качества медицины вызывает много вопросов. Общественное недовольство здравоохранением вполне предсказуемо, поскольку государство хронически недофинансирует эту сферу.

Конечно, цифровая медицина существенно по-разному воздействует на социальную стратификацию общества, на социальные классы и слои, население различных регионов, даже возрастные и другие

группы с демографической спецификой. Повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий меняет всё, включая понятие социальной нормы, факторы и критерии социальной стратификации. Давно пора ввести в научный оборот такой фактор социальной стратификации как состояние онлайн или оффлайн, а также понятие «цифровая депривация» или «цифровая грамотность». Под цифровой депривацией исследователи понимают ситуацию, когда привычный для большинства образ жизни является невозможным из-за отсутствия навыков использования ИКТ или желания и возможности им обучиться. Хотя сегодня неиспользование широкого спектра электронных услуг еще не воспринимается в нашем обществе как депривация, всё более заметно сужение возможностей и невыгодное положение индивидов оффлайн. Все, кто не живет сегодня онлайн, живёт в мире нарастающей депривации. Назрела необходимость перенесения депривационного подхода к бедности британского специалиста П. Таунсенда (Townsend 2010) и на рассмотрение цифровой депривации.

Тем самым будет преодолеваться технократический подход к изучению и использованию ИКТ. В мировой науке и практике такой подход давно уже дополняется гуманитарным, при котором основной акцент делается не на технической стороне дела, а на человеке, использующем информационно-коммуникационные технологии и услуги, и изучении их потребления.

6. Психологические

На наш взгляд, один из самых существенных факторов, сдерживающих рост цифровой медицины в Латвии, мы видим не в отсутствии идей, а в высоких психологических барьерах и проблеме доверия аудитории, которая делает стоимость платящего пользователя убийственно высокой. Не менее значимо и то, что и часть медицинского персонала настороженно, сдержанно относятся к цифровой медицине.

В России проанализированы мнения представителей медицинского сообщества о цифровой медицине и автоматизации клиник. Приведены результаты опросов практикующих врачей о коммуникациях с пациентами, телемедицине и дистанционной диагностике, а также руководителей медицинских организаций об информатизации, развитии клиник с внедрением в практику телемедицины и автоматизации бизнес-процессов (Kubryk 2017).

В мае 2017 года проведено социологическое исследование группы представителей медицинского сообщества – практикующих врачей и организаторов здравоохранения (n=1125). Респондентов разделили на 2 группы: «Врачи» (n=1024) и «Управленцы» (n=101). В группу «Врачи» вошли представители практически всех специальностей, больше всего (суммарно 50%) было неврологов, эндокринологов, кардиологов, педиатров, онкологов и гинекологов

В целом, считают исследователи, наблюдается ежегодный рост осведомленности медицинского сообщества о телемедицине, электронных медицинских картах, носимых устройствах. Большинство «Управленцев» понимают телемедицину как взаимодействие «пациент-врач», в то время как практикующие медицинские работники – как взаимодействие «врач-врач». Высокая готовность к использованию инструментов дистанционного сопровождения пациентов выявлена среди практикующих врачей и организаторов здравоохранения, при этом большинство опрошенных уже имеют некоторый опыт в этом вопросе и готовы учиться дальше. Отмечается лучшая автоматизация процессов взаимодействия с пациентами в частных медицинских организациях, чем в государственных. Можно говорить об удовлетворительном уровне и постоянном росте информированности практикующих врачей и организаторов здравоохранения о ключевых аспектах применения информационных технологий. К сожалению, в Латвии организаторы здравоохранения пока не озаботились изучением вопросов информированности и психологических особенностей медицинских работников в контексте проблем цифровой медицины. У нас далеко до серьезного отношения к учету психологических, культурных и социальных особенностей пользователей цифровой медицины, ее влияния на эффективность работы медицинского персонала и качество жизни населения.

Бывшая министр здравоохранения, теперь депутат Сейма Анда Чакша согласна со словами новой главы Минздрава Илзе Винькеле о том, что система здравоохранения в Латвии «ориентирована сама на себя, а не на человека». А. Чакша считает, что весь длящийся уже 28 лет процесс проходил именно по этой схеме: «Мне часто приходилось говорить Национальной службе здравоохранения – есть ощущение, что вы сами не можете выбраться из того, что сами заварили». По ее словам, иногда складывалось впечатление, что в латвийской медицине даже сами врачи толком не понимают сути процесса и дела-

ют какие-то вещи определенным образом – просто потому, что кто-то так придумал.

Только спустя год после запуска системы «э-здоровья» организаторы нашего здравоохранения решили наконец подключить к повышению ее эффективности и врачей, других медицинских работников. Недавно новый глава Минздрава Латвии И. Винкеле рассказала о нынешнем процессе дальнейшей разработки системы *e-health*: «Также мы создаем совет пользователей, которым придется работать с этим чудом каждый день. Одна из больших ошибок прежнего этапа – врачей не спрашивали, что им нужно от этой системы, насколько она функциональна. Чтобы эти ошибки не повторять, разработка третьего этапа происходит при непосредственном участии людей, которые будут пользоваться *e-health*?» – давно бы так.

7. Социокультурные

Новые явления технократического мира, его переменчивость, текучесть, мультиплатформенность и многоканальность вынуждают современников жить в условиях медийной избыточности и формировать определённый набор навыков, получивший название «цифровая грамотность». Н.Д. Берман даёт следующее определение этому понятию: «Цифровая грамотность определяется набором знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета... это способность человека использовать цифровые инструменты (в самом широком смысле) с пользой для себя. Понятие «цифровая грамотность» включает в себя три составляющие: цифровые компетенции, цифровое потребление и цифровую безопасность». Цифровая грамотность охватывает ряд технических, личностных и интеллектуальных навыков, таких как: умение быстро искать, анализировать и оценивать информацию, ориентироваться в медийных потоках; навыки непрерывного образования, диалога с массмедиа, распознавания различных манипуляций как со стороны СМИ, так и отдельных пользователей и групп пользователей и др. (Shamshurin 2018).

Масштабное исследование в Латвии (Holma 2017) выяснило, что в целом население страны еще не достаточно владеет знаниями и компетенциями в области информационной грамотности, в том числе в области здоровья.

Эстония одной из первых в мире перешла на модель *e-health*. Произошло это, впрочем, не сразу. Проект «перевода в цифру» сис-

темы здравоохранения являлся одним из элементов масштабной государственной программы по внедрению интернет-технологий в госуправление и бизнес, которую соседняя страна последовательно реализует уже с 1990-х. К моменту запуска *e-health* жители Эстонии уже имели возможность в интернете голосовать на выборах и подавать налоговые декларации, обращаться, не выходя из дома, в банки, а также в государственные и муниципальные учреждения. Но самое главное, что в 2008 году, когда эстонские медучреждения стали переходить на новый формат работы, в стране практически все жители имели ИД-карты с чипом и возможность электронной подписи, позволяющие идентифицировать личность любого пользователя. Это обстоятельство повышало доверие населения к нововведениям, обеспечивало возможность контроля безопасности данных и позволяло внедрить в систему сразу достаточно широкий пакет услуг.

В феврале 2017 года на саммите государств *World Government Summit* эстонскую электронную систему здравоохранения наградили премией за лучшее технологическое решение. Премия выражает признательность правительству, которое предоставляет эффективные и качественные услуги при помощи технологических решений. Наград удостоиваются инновационные проекты, которые меняют жизнь людей к лучшему.

Наш анализ внедрения достижений цифровой медицины на опыте создания и использования системы *e-health* в Латвии подтверждает сложность и многоаспектность процесса освоения новейших технологий, в данном случае затрагивающий глубинные основы взаимодействия человека и общества. Процесс постепенно уходит из простой и достаточно примитивной сферы взаимодействия лечебных заведений с пациентами во все более расширяющуюся сеть коммуникаций трудно прогнозируемого числа субъектов, прямо или косвенно влияющих на здоровье и качество жизни населения, в идеале без каких-либо географических ограничений. Доступность и качество медицинской помощи все дальше уходит от простого решения чисто экономических проблем, требует все более тщательного учета и решения задач технологической развитости в сфере социальной подсистемы общества, информационной грамотности всего населения страны, формирования новой управленческой культуры. Дальнейшее изучение этой проблематики требует новых исследовательских усилий, использования и других инструментов анализа (*SWOT*, кластерный анализ, методы социальной психологии и др.).

Библиография

- Black Book Research (2017) Healthcare Blockchain Interest Heats Up: Black Book Survey. Available at: <https://www.prnewswire.com/news-releases/update—healthcare-blockchain-interest-heats-up-black-book-survey-300530281.html> (In English)
- Codagnone C., Lupiañez-Villanueva F. (2013) *Benchmarking Deployment of eHealth among General Practitioners*. Final Report. European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/benchmarking-deployment-ehealth-among-general-practitioners-2013-smart-20110033> (In English)
- European Commission (2018) *The Digital Economy and Society Index (DESI)*. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (In English)
- Gabaliņa D. (2012) *E-veselība Latvijā*. Veselības Ministrija. Available at: <http://www.veseliba.gov.lv/uploads/files/502cad0b5990.pdf> (In Latvian)
- Harari Yu.N. (2018) *Bolshinstvo lyudey ne osoznayut, chto proishodit*: Rech izrailkogo istorika v Davose. Available at: <https://bykvu.com/bukvy/84181-bolshinstvo-lyudey-ne-osoznayut-chto-proiskhodit-rech-izrailkogo-istorika-v-davose> (In Russian)
- Holma B. galv. red. (2017) *Latvija. Pārskats par tautas attīstību 2015/2016. Dzīves meistarība un informācijpratība*, Rīga: LU SPPI. Available at: https://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/apgads/PDF/TAP-LV-makets-2017-gala.pdf (In Latvian)
- Kubryk Ya. Yu. (2017) Awareness of medical community on digital medicine. *Zhurnal teleditsiny i elektronnogozdravoohraneniya*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informirovannost-meditsinskogo-soobschestva-o-tsifrovoy-meditsine> (In Russian)
- Latulippe K., Hamel C., Giroux D. (2017, April) Social Health Inequalities and eHealth: A Literature Review With Qualitative Synthesis of Theoretical and Empirical Studies. *Journal of Medical Internet Research*, 19(4). doi: 10.2196/jmir.6731 (In English)
- Lyadova A. (2018) *Digital health: myth or reality*. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/58996> (In Russian)
- Menshikov V., Lavrinenko O., Sinica L., Simakhova A. (2017, June) Network Capital Phenomenon and its Possibilities Under the Influence of Development of Information and Communication Technologies. *Journal of security sustainability issues*, volume 6, number 4, pp. 585–604. doi: [https://doi.org/10.9770/jssi.2017.6.4.\(5\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2017.6.4.(5)) (In English)
- Menshikov V., Volkova O., Stukalo N., Simakhova A. (2017, December) Social Economy as a Tool to Ensure National Security. *Journal of security sustainability issues*. Volume 7, number 2, pp. 31–51. Available at: http://jssidoi.org/jssi/uploads/papers/26/Menshikov_Social_economy_as_a_tool_to_ensure_national_security.pdf (In English)

- OECD/EU (2016) *Health at a Glance: Europe 2016 – State of Health in the EU Cycle*, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264265592-en> (In English)
- RIA Novosti (2019) *Rossiyskie vrachi slivali dannyye ob umershi bradi deneg.* Available at: https://lenta.ru/news/2019/02/27/ochen_skoraya/ (In Russian)
- Shamshurin D. A. (2018, Juny) Digital media as cultural globalization factor. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, № 6 (72), Chast' 2. doi: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.72.6.036> (In Russian)
- Sik E. (1994 a) Network capital in Capitalist, Communist and Post-Communist Societies. *International Contributions to Labour Studies*, Vol. 4(1), pp. 73–93. (In English)
- Sik E. (1994 b) From Multicoloured to Black and White Economy The Hungarian Second Economy and the Transformation. *International Journal of Urban and Regional Research*, 18(1), pp. 46–70. (In English)
- StartUp Health Insights (2018) *Global Digital Health Funding Report*. Available at: <https://www.startuphealth.com/insights-reports> (In English)
- Townsend P. (2010) The meaning of poverty. *The British Journal of Sociology*. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01241.x> (In English)
- WHO (2016) *From innovation to implementation – eHealth in the WHO European Region*. Report. Available at: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0012/302331/From-Innovation-to-Implementation-eHealth-Report-EU.pdf (In English)

Digital Reality in Latvia: Healthcare Experience

Summary

The aim of the study is to consider a set of problems to be solved while implementing projects based on the achievements of the new technological order by the using the example of healthcare in Latvia, primarily the e-health project. Since January 1, 2018, the use of the e-health system in Latvia is mandatory, but so far only “Digital Recipe” project has been functioning at full capacity. The experience with the introduction and use of digital medicine in Latvia indicates a large range of problems faced by state institutions and local governments, medical establishments, medical staff, and patients. A systematic vision of the problems of implementing digital medicine requires at least a necessity to take into account and solve seven relatively independent tasks: technical and technological, economic, legal, organizational, managerial, social, psychological, and cultural ones. In terms of systemic vision, the assessment of these aspects of the e-health programme implementation is presented by means of extensive use of data retrieved from international organizations, Latvian state statistics, scientific research studies, including the ones carried by the authors.

Key words: digital medicine, e-health, blockchain, digital development.

Валерий Никифоров, Никита Никифоров (Латвия)

МОДЕЛИ, ТИПЫ И ТЕХНОЛОГИИ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена анализу моделей, типов и технологий вузовского обучения с точки зрения их эффективности в условиях существующих глобальных трендов и локальных (специфических для высшего образования Латвии), тенденций. Показано, что в современных условиях наиболее конструктивными являются: 1) дидактическая модель обучения, которая должна выполнять роль «обучающей машины»; 2) проблемный тип обучения, позволяющий эффективно формировать у обучаемых умения и программы профессиональной деятельности; 3) нелинейная технология обучения с использованием таких форм как проблемные лекции, лекции в виде анализа альтернативных точек зрения, семинары-пресс-конференции, проектные разработки, диспуты и дискуссии

Ключевые слова: глобальные тренды; локальные тенденции; модели обучения; типы обучения; технологии обучения.

Тренды и тенденции высшего образования

Под эффективным обучением понимается такое овладение информацией, которое способствует профессиональному и жизненному успеху. При этом имеется в виду не только содержание информации, ибо бесполезных знаний ни для человечества, ни для человека не существует, но и уровни ее усвоения: знания – навыки – умения – программы профессиональной деятельности (Nikiforov V. Ye. 2003). Содержание информации при эффективном обучении детермируется целями обучения, основные из которых обычно формулируют следующим образом: 1) научить овладевать информацией (научить учиться); 2) научить работать и зарабатывать (научение труду); 3) научение бытию (учение для жизни); 4) научить жить вместе (обучение для совместной жизни).

Цели и задачи эффективного обучения должны учитывать имеющиеся тенденции и тренды развития высшего образования, на что обращали внимание исследователи высшего образования в Латвии (Jermolajeva 2007; Stankevičs 2012). При этом развитие любой системы высшего образования в настоящее время должно рассматриваться в мировом контексте (Nikiforov N. V. 2011, с. 23–420). Наряду с гло-

бальными для высшего образования в целом (компьютеризация традиционного обучения; переход к электронному (виртуальному) и дистанционному образованию), имеют место и локальные (специфические для высшего образования Латвии), но не менее значимые тренды и тенденции:

- увеличение диапазона уровней подготовленности абитуриентов;
- снижение качества школьного образования и качества подготовки выпускников школ;
- понижение роли понимания при усвоении знаний;
- овладение полученной учебной информацией осуществляется лишь на уровнях знаний и навыков без формирования умений и программ профессиональной деятельности;
- возрастание уровня традиционных и увеличения числа нетрадиционных требований студентов;
- снижение научной грамотности обучаемых и обучающихся;
- отход от фундаментальности вузовского обучения, снижение теоретического уровня преподавания;
- высокий уровень аудиторной нагрузки преподавателей, оставляющий мало времени для научной и методической работы;
- отсутствие централизованной системы повышения квалификации преподавателей вузов;
- недостаточный по европейским стандартам уровень оплаты преподавателей и сотрудников вузов;
- сужение рынка образовательных услуг Латвии;
- дальнейшая эскалация конкуренции вузов в Риге и Латвии;
- снижения уровня реальных академических свобод и автономии вузов.

Эмпирической основой сформулированных выводов являются статистические данные и ежегодное анонимное анкетирование студентов, проводимое Балтийской Международной академией в течение 25 лет.

Анализ названных тенденций и трендов, являющихся той системой координат, которая должна определять усилия по повышению эффективности обучения, не является целью данной публикации. Этому должна быть посвящена серия специальных исследований, актуальность которых стремительно нарастает, о чем говорит хотя бы резкое снижение числа студентов в Латвии начиная с 2006 года.

Целью данной публикации является анализ существующих моделей, типов и технологий вузовского обучения с учетом перечислен-

ных глобальных трендов и локальных тенденций и с позиции обеспечения эффективности обучения.

Модели обучения

В теории педагогики известны 3 основные модели обучения:

1. **Авторитарная**, согласно которой педагог — единственный субъект образовательного процесса, занимающий в нем центральное место. Педагог определяет и задает используемую технологию, методические средства, личность педагога определяет специфику учебного процесса. Обучаемый — пассивный объект педагогического процесса, индивидуальная специфика обучаемого слабо учитывается, обучаемый понимается как «функциональное место» приложения усилий педагога.
2. **Дидактическая**, в которой главным является не педагог, а дидактическая концепция, методика, технические и информационные средства обучения. Личностные особенности и педагога, и обучаемого — вторичны. Дидактическая модель обучения является основой для построения «обучающей машины». Представляется, что наиболее конструктивной дидактической моделью является трактовка обучения как процесса управления (Nikiforov V. Ye. 2018).
3. **Антропологическая (личностная) модель** делает центром и целью образовательной системы обучаемого. В рамках антропологической модели главной задачей обучения является развитие: познавательных (когнитивных) способностей; творческого (креативного) потенциала; коммуникативных и организаторских качеств обучаемого.

Названные модели обучения, как и всякие модели, акцентируют одни и игнорируют другие элементы и аспекты сложной педагогической системы.

Каждая из перечисленных моделей сыграла определенную роль в истории педагогики (например, авторитарная модель была, бесспорно, ведущей в философских школах Древней Греции). Каждая из моделей играет определенную социальную роль в сложной современной системе образования: дидактическая модель служит основой современного проектного и программированного обучения; антропологическая — элитарного обучения в ведущих университетах мира.

Если исходить из того, что главная цель обучения ни блистательное чтение лекций, ни демонстрация слайдов, ни обилие раздаточного материала — все это и другое ни более чем средства, а изменения в сознании студентов, наполнение их сознания систематизированными знаниями, навыками и умениями, то успеха можно добиться реализовав любую из 3-х моделей:

- исповедуя авторитарную модель талантливый педагог (высококвалифицированный профессионал, яркая личность) и с минимумом методических средств и без учета личностных особенностей обучаемого, может достигнуть отличных результатов и тому много примеров;
- недостаток педагогических талантов может быть компенсирован эффективным использованием методических средств (дидактическая модель) и большим учетом личностных интеллектуальных особенностей обучаемых (антропологическая модель).

В силу того, что вузы Латвии не являются ни Платоновскими академиями, ни элитарными учебными заведениями, то в чистом виде и в полной мере для них не приемлема ни одна из 3 моделей. Вузам Латвии необходим синтез этих 3-х известных моделей обучения — авторитарный, дидактический и антропологический в форме четвертой, смешанной (англ. — *blended*) модели, в которой перечисленные представлены в определенной мере и пропорции.

Типы обучения

В теории педагогики описаны 5 основных типов обучения.

1. **Традиционное обучение.** Построено по дисциплинарному принципу; контактное; малоуправляемое; слабо учитывающее личностные особенности как педагога, так и обучаемого.
2. **Контекстное обучение.** Обучающая информация дается в виде текстов (см.: Verbicky 1991).
3. **Проблемное обучение.** Обучение строится как процесс постановки, анализа и решения проблем, в качестве которых выступают или ранее решенные проблемы, или учебные задачи. Решаемые проблемы могут быть комплексными и тогда обучение приобретает междисциплинарный характер (Более полно см.: Nikiforov V. 2002).
4. **Программированное обучение.** Основой процесса обучения является компьютерная обучающая программа. Специфические осо-

бенности: доступность; последовательность; систематичность; эффективный промежуточный контроль; возможность многократного возврата к пройденному; выбор темпа обучения. Возникновение программированного обучения связывают с именем Б.Ф. Скиннера (1954).

5. **Проектное обучение.** Обучение представляет собой коллективную разработку реального или учебного проекта.

В вузах Латвии в той или иной степени используются все перечисленные типы обучения. Естественно, что наиболее широко — традиционный тип обучения.

Контекстное обучение все более широко используется в форме предварительного обязательного ознакомления с первоисточниками, которые преподаватель планирует использовать в своем лекционном курсе. В последнее 10-летие вузы Латвии еще более широко используют цифровой контент, размещая на своих сайтах в открытом доступе тексты и слайды читаемых курсов.

Проблемный тип обучения, не смотря на его незаменимость при формировании умений и программ профессиональной деятельности, используется вузовскими преподавателями крайне недостаточно. Даже те курсы, которые в своем названии имеют термин «проблема», например: «Проблемы гражданского права», читаются, как правило, не проблемно. Представляется, что главной причиной не использования этого эффективного типа обучения являются сложность самого этого типа обучения для университетских теоретиков, ибо научить умению может лишь тот, кто умеет сам.

Программированное обучение. В настоящее время существует большое число доступных обучающих программ по многим учебным дисциплинам и это обеспечивает хорошую будущность этому типу обучения.

Ситуация с проектным обучением аналогична проблемному типу обучения: недостаточно широко используется, хотя и обладает ценной спецификой, особенно для таких учебных программ как «Управление проектами в области культуры», «Социальная работа», «Дизайн среды» и многих других.

Технологии обучения

1. **Линейная.** Обучаемому предлагаются последовательно сменяющиеся друг друга блоки учебной информации. Блок представляет

собой учебную информацию и контрольные задания. Правильное выполнение контрольного задания служит основанием для перехода к следующему блоку. В вузах линейная технология реализуется по следующему алгоритму: лекция – семинар – ... – экзамен. Эффективна лишь для овладения информацией на уровне знаний.

2. **Нелинейная.** Знания являются первым, наиболее низким уровнем овладения информацией. Специалист должен быть способен не только осмысленно воспроизводить ранее полученную информацию (уровень знаний), но и целенаправленно перегруппировать и адаптировать (уровень навыков) и успешно практически использовать (уровень умений). Высшем уровнем овладения информацией являются программы профессиональной деятельности как способность к успешному решению проблем при дефиците необходимой для этого информации. Если целью обучения является овладение информацией обучаемым не только на уровне знаний, но и более высоких, то с необходимостью требуется нелинейная технология обучения (Nikiforov V. Ye. 2003, с. 52–78).
3. **Адаптивная.** Дает возможность обучаемому самостоятельно выбирать уровень сложности нового учебного материала.
4. **Модульная.** Работа с учебной программой, состоящей из модулей. Модуль включает:
  - 1) точно сформулированную учебную цель;
  - 2) блок учебной информации, представленной во всех возможных формах: вербальной, числовой, графической;
  - 3) практические задания для формирования необходимых навыков и умений;
  - 4) контрольные задания, позволяющие оценить наличие необходимых знаний, навыков и умений;
  - 5) методические рекомендации по усвоению учебной информации, формированию навыков и умений.

Выводы

1. Представляется, что в современных условиях повышение эффективности обучения возможно посредством использования дидактической модели обучения, трактующей обучение как управление и использующей, в качестве основного средства информационного взаимодействия обучающего и обучаемого, проблемный тип обучения и его нелинейную стратегию.

2. Существующие в последнее 10-летие тренды и тенденции развития высшего образования в Латвии делают наиболее конструктивной модель обучения, которая выполняет роль «обучающей машины» минимально необходимыми компонентами, которой должны быть доступные обучаемым цифровые тексты программ обучения, определения основных понятий учебных курсов, их контенты с иллюстрациями, вопросы семинарских занятий, варианты индивидуальных экзаменационных заданий, рекомендуемая для самостоятельной работы литература.
3. Тип обучения детерминируется достаточно большим числом различных факторов. Представляется, что важнейшим из них является специфика изучаемого учебного курса. Так, например, хорошо структурированные учебные курсы (математика, логика, программирование и др.) могут успешно быть поданы и усвоены посредством использования программированного обучения, но этот тип обучения малоэффективен при изучении гуманитарных и социальных учебных дисциплин таких как философия, психология, социология, политология и др. Для формирования у будущих специалистов умений и программ профессиональной деятельности при изучении специальных учебных дисциплин наиболее эффективным представляется проблемный тип обучения. При этом проблемное обучение должно строиться как процесс постановки, анализа и решения проблем, в качестве которых выступают или ранее решенные проблемы, или учебные задачи. Решаемые проблемы могут быть комплексными и тогда обучение приобретает междисциплинарный характер. (Более полно см.: Nikiforov V. Ye. 2002).
4. Наибольшее число вузовских учебных курсов читается по линейной технологии: лекция – семинар – лекция – семинар – экзамен. Однако, цели вузовского образования – это не только «дать знания», но и сформировать навыки, умения и программы профессиональной деятельности. Разные цели требуют для своего достижения различных форм и методов. Если знания можно успешно сформировать посредством чтения традиционных установочных, обзорных, тематических лекций и проведения традиционных семинаров-бесед, то формирование навыков, умений и программ профессиональной деятельности может быть успешным лишь с применением таких форм как проблемные лекции, лекции в виде

анализа альтернативных точек зрения, семинары-пресс-конференции, проектные разработки, диспуты и дискуссии (Более полно см.: Nikiforov V. Ye. 2018, с. 21–37).

Библиография

- Abrashhnev M. M., Nikiforov V. Ye. i dr. (1980) *Uchus' chitat', razmyslajat', vystupat'*. M. (In Russian)
- Jermolajeva L. (2007) Augstākās izglītības paradigmas maiņas nepieciešamība zināšanu sabiedrības veidošanā. In: Meņšikovs V. (projekta zinātniskais vadītājs) *Izglītība zināšanu sabiedrības attīstībai Latvijā*. Rīga, Zinātne. 196–215 lpp. (In Latvian)
- Nikiforov N. V. (2011) *Bolonskie reformy v Latvii, Litve i Jestonii: jekonomicheskie, politicheskie, pravotvorcheskie i metodicheskie aspekty. Sravnitel'nyj analiz*. Rīga, 264 s. (In Russian)
- Nikiforov V. Ye. (2002) *Problemnaja situacija i problema: genesis, struktura, funkcii*. Izdanie 3-e. Rīga, 262 s. (In Russian)
- Nikiforov V. Ye. (2003) *Teoreticheskie osnovy pedagogiki vysshej shkoly*. Rīga: BRI; 103 s. (In Russian)
- Nikiforov V. Ye. (2018) *Kursy lekcij*. Rīga, 528 s. (In Russian)
- Stankevičs A. (2012) *Social dimension of thebhigher education in Latvia*. Daugavpils University, Academic press “Saule”.
- Verbicky A. A. (1991) *Aktivnoe obuchenie v vysshej shkole: kontekstnyj podhod*. M. (In Russian)

The Models, Types and Technologies in Effective Teaching Education

Summary

The paper analyses the models, types and technologies in tertiary education from the perspective of the effectiveness of those in the context of both the current global trends and the local tendencies specifically observed in Latvia. It has been revealed that in the current context most functional are the following: 1) the didactical model playing the role of an “educating machine”; 2) problem-based learning methods that allow for the development of the skills and programs of professional activities with the learners; 3) nonlinear teaching methods through the use of such approaches as problem-based lecturing, lectures based on analysis of alternative viewpoints, seminars – press-conferences, project designs, disputes and discussions.

Key words: global trends, local tendencies, teaching models, types of instructions, education technologies.

Никита Никифоров (Латвия)

ВНЕДРЕНИЯ БОЛОНСКИХ РЕШЕНИЙ: ОПЫТ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена 20-летию опыта внедрения Болонских решений в систему высшего образования Латвийской республики. Дан краткий анализ реализации таких основных принципов Болонской системы как: 1) признание системы трех образовательных уровней; 2) мобильности студентов и академического персонала; 3) обеспечение качества высшего образования; 4) содействие необходимым европейским воззрениям в сфере высшего образования; 5) обучение в течение всей жизни; 6) повышение роли студентов в организации обучения; 7) автономия высших учебных заведений и академические свободы; 8) расширение европейской составляющей в национальной системе высшего образования; 9) единое европейское образовательное пространство.

Ключевые слова: образовательные уровни; система кредитов; академическая мобильность; обеспечение качества.

«Мы не должны забывать, что Европа — это не только евро, банки и экономика: она должна стать также и Европой знаний. Мы должны строить и усиливать интеллектуальную, культурную, социальную и техническую базу нашего континента. В большей степени это относится к университетам, которые продолжают играть переломную роль в таком развитии...»

Декларация о гармонизации европейской системы высшего образования
Париж, Сорбонна, 25 мая 1998 года

В 2019 году исполняется 20 лет пребывания системы высшего образования Латвийской республики в Болонском процессе. Исследователи вузов Латвии все это время не оставляли без внимания важнейшую трансформацию нашей высшей школы (Jermolajeva 2007, Nikiforov 2007, Nikiforov 2011 и др.). Время подвести новые хотя бы краткие итоги участия латвийских вузов в Болонском процессе.

Реформы высшего образования в странах Балтии начались еще до их вступления в Болонский процесс в 1999 году. Эти реформы в той или иной форме и степени коснулись большинства аспектов

образовательного процесса и его среды, описанных в Болонской декларации. Применительно к системе высшего образования Латвийской республики наиболее полный анализ реформ высшего образования до вступления страны в Болонское движение был осуществлен Андреем Раухваргерсом, в то время Генеральным секретарем Совета ректоров Латвии (Rauhvargers 2003).

В настоящее время существует десять основных направлений Болонского процесса¹. Первые шесть направлений были названы в Болонской декларации «Зона европейского высшего образования» 19 июня 1999 г. К этим направлениям относятся следующие: признание системы сопоставимых степеней (квалификаций) и периодов обучения; принятие системы двух образовательных уровней; внедрение системы кредитов ECTS; содействие росту мобильности студентов, академического и административного персонала; обеспечение качества высшего образования; содействие необходимым европейским воззрениям в высшем образовании. В Пражском коммюнике 2001 г. «К европейскому академическому пространству» министры образования 32 европейских стран дополнили список основных направлений, указав на «неизбежную перспективу обучения в течение всей жизни» (Communique of the Conference... 2005) и «высказали убежденность в том, что студенты должны участвовать в деятельности университетов и влиять на организацию и содержание обучения».

В Берлинском коммюнике 2003 г. «Процесс создания европейского образовательного пространства» были сформулированы два дополнительных направления: «расширение европейской составляющей в национальных системах высшего образования» (National Report... 2006) и поддержка «сети докторской подготовки» при наличии взаимодействия между общеевропейским образовательным и исследовательскими пространствами.

1. Признание системы сопоставимых степеней и периодов обучения. Введение приложений к диплому (Diploma Supplement)

После подписания Латвией Лиссабонской концепции в 1997 г. и ее ратификации в 1999 г. были внесены изменения в Закон о высших учебных заведениях (статьи 84 и 85) и в Закон об образовании (статья 11).

---

¹ Официальное название «*The Bologna process 10 Action Lines*».

Литовская Республика присоединилась к Конвенции по признанию квалификаций высшего образования в Европейском регионе Совета Европы/ЮНЕСКО (в дальнейшем, Лиссабонской конвенции). Структуры уровней (ступеней) системы образования в Литве приведены в соответствие со шкалой ISCED ЮНЕСКО (1997 год). Лиссабонская конвенция была подписана 11 апреля 1997 года, ратифицирована 15 октября 1998 года.

В Эстонской Республике для принятия решения по признанию иностранных квалификаций в 1997 г. был основан Национальный Академический информационный центр признания, функционирующий как подразделение Фонда Архимеда, действующего как эстонский центр ENIC/NARIC. Центр оценивает иностранные квалификации, сравнивая их с квалификациями, полученными в Эстонии, и содействует вузам и работодателям в решении проблемы признания зарубежных дипломов.

2. Признание системы трех образовательных уровней: бакалавриат — магистратура — докторантура

В странах Балтии принятие Болонской системы трех образовательных уровней представляло собой переход от советской системы: «специалист — кандидат наук — доктор наук» к системе «бакалавр — магистр — доктор». В целом, этот переход был осуществлен достаточно быстро и безболезненно. В Латвии двухуровневая система была полностью внедрена в профессиональном высшем образовании с 2001 г., за исключением, как и во многих других странах, программ обучения по медицине, стоматологии и фармации. В Эстонии в «Законе об университетах», принятом Государственным собранием Эстонской Республики 12 января 1995 г., записано: «Уровни высшего образования (2). Академическое обучение имеет три уровня: цикл бакалавра, магистратура и докторантура» (статья 24). С 2000 г. трехуровневая система законодательно введена и в Литовской Республике, хотя фактически она действует с 1993 г. В настоящее время в Латвии, Литве и Эстонии институт докторантуры в полной мере сложился и успешно функционирует. Так, в 2008 году в Латвийской Республике было лицензировано более 90 докторских программ.

3. Введение системы кредитов ECTS (*European Credit Transfer System*)

В Латвии система кредитов (зачетных единиц) в полной мере действует с 1998 г. Она совместима с ECTS, но основана не на 60, а на 40 кредитах в учебном году. Литва также использует 40-кредитную систему зачетных единиц.

В Эстонской Республике успешно действует аналогичная Латвии и Литве национальная система кредитных единиц, и в ближайшей перспективе в этих странах планируется полный переход на Европейскую систему кредитов.

4. Содействие росту мобильности студентов и академического персонала

Росту мобильности студентов стран Балтии и мобильности студентов в страны Балтии способствуют такие проводимые вузами и поддерживаемые министерствами образования мероприятия, как растущее количество курсов на английском; разработка междисциплинарных курсов на английском языке для приезжающих иностранных студентов; хорошие условия проживания иностранных студентов; рост участия в международных студенческих выставках в пределах и вне Европы; поправки в законе относительно языка обучения, др. В странах Балтии систематическая академическая мобильность началась в связи с вспомогательной программой Европейского Союза «Tempus Share» и позже в результате реализации программы кооперации «Erasmus» Европейского Союза.

5. Обеспечение качества высшего образования

Латвийская система обеспечения качества высшего образования была создана в середине 1990-х годов. Первая аккредитация в Латвии состоялась в 1996 году. К концу 2002 года все программы обучения и вузы прошли процедуру аккредитации. Согласно принятым нормам, аккредитация действительна в течение шести лет (условная аккредитация — два года). В течение этого периода аккредитованные программы и вузы должны представлять годовые отчеты по самооценке. Литовская национальная система обеспечения качества высшего образования была заложена в 1995 году. Сегодня она в своей основе соответствует стандартам и руководящим принципам обеспечения

качества в Европейском пространстве высшего образования. В Эстонии аккредитация программ осуществляется на семь лет (условная аккредитация — на три года). В течение 1997–2002 гг. был проведен первый раунд аккредитаций, в который было включено около 500 программ обучения. В странах Балтии в настоящее время действует внутренняя система обеспечения качества в форме ежегодных самооценок вузов, которые являются обязательной процедурой для всех государственных и негосударственных высших учебных заведений, и внешняя (экспертная) оценка качества, организуемая независимыми центрами оценки качества.

Представляется, что обеспечению качества высшего образования в последнее время мешают законодательные «метания» — переход от аккредитации программ к аккредитации направлений, а затем к планируемой аккредитации и того и другого. Определенные трудности, в первую очередь для негосударственных вузов, представляет и существенный рост стоимости лицензирования и аккредитации новых программ и направлений.

6. Содействие необходимым европейским воззрениям в высшем образовании

Латвийское правительство содействовало внедрению в национальную систему высшего образования таких важнейших Болонских приоритетов, как введение структуры двухциклических уровней; создание системы обеспечения качества с участием международных представителей и включая аккредитацию программ и институтов; полное введение системы кредитов для перевода и накопления; введение приложения к диплому, обязательно выдаваемого всем выпускникам на латышском и английском; разработка национальной программы по поддержке докторантуры и пост докторского исследования и национальной программы реализации стратегии обучения в течение всей жизни (National Report... 2006). Однако, поправки к закону о вузах, принятые Сеймом и провозглашенные Президентом Латвийской республики 21 августа 2018 года, запрещающие использование иностранных языков не только в государственных, но и частных вузах, вряд ли можно считать соответствующими европейским воззрениям.

Литовская национальная группа промоутеров Болонского процесса эффективно реализует идеи Болонского процесса в академи-

ческом обществе, организывает национальные конференции по болонским проблемам, привлекая иностранных экспертов. Национальная группа промоутеров Болонского процесса и национальная Болонская рабочая группа тесно сотрудничают между собой (Heli Aru 2006).

В Эстонской Республике существенное содействие европейским воззрениям в сфере высшего образования оказывается как на государственном уровне, так и на уровне высших учебных заведений: после 2003 года была разработана схема государственной поддержки мобильности студентов и академического персонала, а также стратегический документ об интернационализации образования и международная маркетинговая стратегия высшего образования Эстонии.

7. Обучение в течение всей жизни (*lifelong learning*)

В Латвийской Республике стратегия непрерывного образования включена в национальную программу по развитию непрерывного образования. Пока не существует национальных процедур по признанию предшествующего образования. Однако вузы могут оценивать завершение обучения вне системы высшего образования. Развитие методологии по признанию предшествующего обучения является задачей Латвийского центра ENIC/NARIC.

В Литовской Республике период обучения определяется самими вузами. Приказ министерства о процедурах по признанию периодов обучения определяет права институтов и обязанности в признании периода обучения, что одновременно дает доступ к обучению и позволяет переводить накопленные кредитные единицы.

К настоящему времени в значительно большей степени, чем в Латвии и Литве, концепция обучения в течение всей жизни проработана в Эстонской Республике, где она регулируется всеобъемлющим документом «Стратегия непрерывного обучения на 2005–2008 годы в Эстонии» (Heli Aru 2006). Этот документ содержит не только принципы и потребности в непрерывном обучении, но и цели, меры и план действий.

8. Повышение роли студентов в организации, содержании и обеспечении качества обучения

Интересы студентов Латвии на государственном уровне представляет Латвийская ассоциация студентов, которая делегирует своих членов для участия в работе Совета по высшему образованию, Аккредитационной комиссии и национальной Болонской группе. На уровне вузов, согласно закону о высших учебных заведениях, представительство студентов (не менее 20%) обязательно в высших органах управления вузом — Академическом собрании и Сенате. Существенным является и участие студентов в обеспечении и контроле качества обучения. Кроме участия в работе Аккредитационной комиссии Министерства образования и науки, студенты принимают участие в руководстве национальными агентствами обеспечения качества через представителей в сенатах вузов, которые являются учредителями агентств обеспечения качества и контролируют их работу. Представители студентов обязательно включаются в состав каждой экспертной группы, осуществляющей внешнюю оценку качества обучения в качестве наблюдателей или полноценных экспертов.

В Литовской Республике участие студентов в системе высшего образования регулируется законом «О высшем образовании». Согласно закону, минимум 10 процентов самоуправляющихся организаций вузов должны иметь в своем составе представителей из числа студентов. Представители студентов являются также членами надзирающего и консультативного органа — совета вуза (European Commission 2005).

Законодательством Эстонии предусмотрено обязательное участие студентов в совете университетов и других вузов, количество студентов как представителей советов не должно составлять менее одной пятой всех членов совета.

9. Автономия высших учебных заведений и академические свободы

Круг вопросов, которые вузы Латвии и Литвы могут решать автономно (независимо от Правительств и других органов власти), приблизительно одинаков. Вузы стран Балтии имеют право: разрабатывать и принимать конституцию высшего учебного заведения; формировать личный состав высшего учебного заведения; определять содержание и формы учебных программ, правила приема, направления научно-исследовательской работы, организационно-управленческую структуру, ставки оплаты труда; осуществлять иные действия,

не противоречащие законодательству и задачам деятельности высшего учебного заведения.

В Латвийской Республике автономия вузов регламентируется законом «О высших учебных заведениях», статья 4 (www.izm.gov.lv), принятом 17.11.1995 г., а в Литовской Республике — законом «О высшем образовании», статья 9 — Автономия высших школ (www.lrs.lt), принятом 05.10.1995 г. Академические свободы весьма подробно описаны в законодательстве Латвийской Республики (закон «О высших учебных заведениях». Статья 6. Академическая свобода) применительно к свободе обучения, исследовательской работе, художественному творчеству и свободе обучающихся в выборе вуза, программы, периодов обучения и части учебных дисциплин.

В Литовском Законодательстве (закон «О высшем образовании». Статья 9) академические свободы распространены на свободу выбора формы и направления обучения, присвоение академических степеней, профессиональных квалификаций и академических имен.

Государственные университеты в Эстонии являются независимыми. В добавление к организации академической жизни университета в компетенцию университета входит открытие новых учебных направлений, установление условий и сроков поступления, утверждение бюджета, структуры, плана развития, выборы ректора и принятие решений о пользовании имуществом.

Представляется покушением на автономию высших учебных заведений законодательное предписание языков преподавания.

10. Расширение европейской составляющей в национальных системах высшего образования

В Латвийской Республике не существует никаких правовых препятствий для разработки и реализации совместных с другими европейскими вузами программ обучения, выдачи двойных дипломов, признания степеней, периодов обучения и для реализации других европейских аспектов в национальной системе образования. Латвийские вузы принимают все большее участие в европейских мероприятиях, в деятельности Европейской ассоциации университетов, в том числе и как эксперты по проектам или европейские спикеры на конференциях вне Европы.

Закон о высшем образовании Литовской Республики (2000 г.) и Общие требования к совместным программам обучения (2006 г.) обес-

печивают возможность вузов Литовской Республики реализовывать учебные программы совместно с иностранными вузами и устанавливать общие требования, присуждать совместные квалификационные степени и профессиональные квалификации. Резолюция правительства об утверждении плана действий литовской системы высшего образования на 2006–2010 год внедряет концепцию подготовки, оценки и регистрации совместных учебных программ, созданных литовскими вузами вместе с иностранными партнерами, и является предпосылкой для гарантии качества высшего образования в соответствии с потребностями обучения.

Эстонские вузы активно участвуют в образовательных и исследовательских программах Европейского Союза. Далеко не все вузы приняли стратегию интернационализации, но многие вузы считают необходимым повышать число иностранных студентов. Эстонские вузы также принимают участие в работе международных сетей: сеть университетов столиц Европейских стран (UNICA), Европейская ассоциация высших учебных заведений (EURASHE), региональные сети ректорских конференций, тематические сети при поддержке Европейской Комиссии и другие отдельные сети и ассоциации.

10.1. Единое европейское образовательное пространство *(European Higher Education Area)*

Новая стратегическая цель для Европейского Союза — «стать самой конкурентоспособной и динамичной экономикой в мире, основанной на знаниях». Болонская декларация является не просто политическим заявлением, а обязательством следовать определенному плану. Программа действия, изложенная в Декларации, основана на ясно определенной общей цели — создание европейского пространства высшего образования (Communiqué of the Conference... 2005), способствующего трудоустройству, мобильности граждан и росту конкурентоспособности европейского высшего образования.

10.2. Единое образовательное пространство стран Балтии

Определенный вклад в создание европейского пространства высшего образования путем заключения договоров о сотрудничестве в области образования министерствами Балтийских стран был внесен еще до прямого призыва к этому Европейских министров образова-

ния в Бергене. Однако, если первый договор о сотрудничестве Балтийских стран в области образования был подписан на уровне министерств (Рига, 12 октября 1990 г.) без непосредственного влияния рекомендаций Европейского Союза, то спустя 15 лет этот договор обрел статус межправительственного и содержал прямые ссылки на Лиссабонскую конвенцию 1997 года, которая являлась для него прямой практической регулой. Договор описывал области (статья 2) и формы сотрудничества (статья 3), а также взаимное признание эквивалентности документов об образовании. Так, статья 5 Договора гласит: «Договаривающиеся Стороны организуют изучение вопроса о взаимном признании эквивалентности аттестатов, дипломов, ученых степеней и знаний и с этой целью будут обмениваться документацией и проводить встречи экспертов». В 10-й статье Договора сказано: «Настоящий договор заключается сроком на три года. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не заявит о прекращении Договора в указанные сроки, то он автоматически продлевается на следующие три года» (Izglītības un zinātnes ministrija 1990).

В 2000 году в Кретинге был подписан правительственный договор между правительством Латвийской Республики, правительством Литовской Республики и правительством Эстонской Республики «О создании совместного пространства высшего образования в государствах Балтии». Основной целью этого документа было развитие мобильности студентов и предоставление им одинаковых прав во всех трех странах. Спустя 5 лет этот документ был дополнен признанием квалификаций.

Сотрудничество стран Балтии продолжается до сих пор. Так, 8 июня 2018 года министры образования и науки, Латвии, Литвы и Эстонии подписали договор, который позволит автоматически признавать квалификации высшего образования, выданные в трех странах. Таким образом, например, обладателю диплома латвийского вуза станет проще поступать в университеты Литвы и Эстонии. Подписание договора — вклад балтийских стран в создание общеевропейского пространства высшего образования. Подобное соглашение подписали и страны Бенилюкса. В конце мая во Франции было подписано Парижское коммюнике — министры образования европейских стран договорились о процессе завершения Болонского процесса — трехступенчатой системы высшего образования и общих принципов обеспечения качества высшего образования и применения системы признания квалификаций (LETA 08.06.2018).

Однако, существующее законодательство Латвии, Литвы и Эстонии практически не позволяет открытие филиалов вузов одной из этих стран в других, что не способствует конкурентоспособности и росту качества высшего образования в Балтийских странах.

Более полно Болонские регулы и опыт международного сотрудничества вузов на глобальном, региональном и локальном уровнях изложены в публикации «The Main Directions Of International Co-Operation In The Sphere Of Higher Education» (Nikiforov N., Nikiforov V. 2011).

Выводы

Подводя итоги анализа достижений стран Балтии по внедрению Болонских принципов и решений в национальные системы высшего образования, представляется обоснованным отметить следующее. Введение системы трех образовательных уровней (бакалавриат — магистратура — докторантура), европейских приложений к диплому, признание системы сопоставимых степеней и периодов обучения успешно реализовано всеми вузами Латвии, Литвы и Эстонии. Существенная работа проведена по созданию системы обеспечения и контроля качества высшего образования. Созданы механизмы обязательного участия студентов в деятельности вузов, в организации и содержании обучения и оценке его качества. Резко возросла и почти достигла среднеевропейского уровня мобильность студентов, преподавателей и административного персонала вузов. Введены и действуют национальные системы оценки объемов учебной работы в кредитах. Осуществляется работа по переходу национальных систем кредитов в европейскую систему кредитов ECTS.

Об очевидности прогресса Болонского процесса в Латвии говорила 14 мая 2015 года министр образования и науки Латвии Марите Сейле в ходе Министерского саммита Европейского пространства высшего образования (ЕПВО) и Четвертого форума Болонской политики в Ереване (Panov 2015).

За 19 лет, прошедших со времени подписания Болонской декларации, стало ясно, что стратегические цели, поставленные перед европейским высшим образованием в 1999 году, для своего достижения потребуют значительно больше времени и усилий, чем это предполагалось вначале. Политические, экономические, культурные и образовательные цели Болонского процесса достичь много сложнее, чем

гармонизировать архитектуру высшего образования в Европе. Для этого надо найти механизмы согласования интересов всех заинтересованных социальных групп: политиков, бизнесменов, ученых, преподавателей, студентов, профсоюзов, неправительственных организаций и др. Главным уроком этих 20 лет участия Латвии в Болонском процессе стало то, что путей решения поставленных проблем достаточно много, и что реформа образования ради строительства новой Европы, Европы знания, — это общее дело всего общества разумных людей.

Библиография

- Communique of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Bergen (2005, May 19–20) *The European Higher Education Area (EHEA) – Achieving the Goals*. Available at: <http://www.ehea.info/cid101762/ministerial-conference-bergen-2005.html> (In English)
- Education and Culture. Lifelong Learning: Education and Training policies. Coordination of Lifelong Learning Policies. Brussels, December 2005.
- European Commission (2005) *Estonian lifelong learning strategy for the years 2005–2008*. Implementing the “Education and Training 2010” Work Programme: Progress Report. Estonia. (In English)
- Heli Aru (2006, December) *Implementing of Bologna Process – financial instruments and policies Estonia experience. Bologna process National Report 2005–2007*. Lithuania. Available at: www.dcsf.gov.uk. (In English)
- Izglītības un zinātnes ministrija (1990) *Dogovor mezhdu ministerstvom narodnogo obrazovanija Latvijской Respubliki, ministerstvom obrazovanija i kul'tury Litovskoj Respubliki i ministerstvom prosveshhenija Estonskoj Respubliki o sotrudnichestve v oblasti vysshego obrazovanija*. Riga. Available at: www.izm.gov.lv
- Jermolajeva L. (2007) *Augstākās izglītības paradigmas maiņas nepieciešamība zināšanu sabiedrības veidošanā*. In: Meņšikovs V. (projekta zinātniskais vadītājs) *Izglītība zināšanu sabiedrības attīstībai Latvijā*. Riga, Zinātne, 196.–215. lpp. (In Latvian)
- LETA (08.06.2018) *Estonija, Latvija i Litva dogovorilis' ob avtomaticheskom priznanii kvalifikacij vysshego obrazovanija*. Available at: <http://rus.db.lv/novosti/estoniya-latviya-i-litva-dogovorilis-ob-avtomaticheskom-priznanii-kvalifikacij-vysshego-obrazovanija-86961> (In Russian)
- National Report of the implementation of the Bologna process in Latvia (2006, December) Available at: www.ttc.lv
- Nikiforov N., Nikiforov V. (2011) The Main Directions Of International Co-Operation In The Sphere Of Higher Education. *Ekonomia. Economics*, 4(16), pp. 446–457, Wroclaw.

- Nikiforov N.V. (2007) *Pravovoe regulirovanie vysshhego obrazovanija. Sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stv Latvii, Litvy i Estonii*. Rīga, Baltijskaja mezhdunarodnaja akademija, s. 128. (In Russian)
- Nikiforov N. V. (2009) Bolonskij process v obrazovatel'nyh sistemah Latvii, Litvy i Estonii. *Vestnik RUDN*, № 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/bolonskiy-protsess-v-obrazovatelnyh-sistemah-latvii-litvy-i-estonii> (In Russian)
- Nikiforov N. V. (2011) *Bolonskie reformy v Latvii, Litve i Estonii: ekonomicheskie i pravotvorcheskie aspekty. Sravnitel'nyj analiz*. Rīga, s. 264. (In Russian)
- Panov P. (2015, May 14) *Ministry obrazovanija obsudili Bolonskij process*. Available at: <https://iz.ru/news/586511> (In Russian)
- Rauhvargers A. (2003) *Latvija Boloņas procesā. Ziņojums par Latvijas augstākās izglītības reformu gaitu, virzoties uz Eiropas vienoto augstākās izglītības telpu*. Rīga, 23 p. (In Latvian)
- Zakon Latvijaskoj respubliku "O vysshih uchebnyh zavedenijah". Available at: www.izm.gov.lv
- Zakon Litovskoj Respubliki "O vysshem obrazovanii". Available at: www.lrs.lt

Implementation of Bologna Declaration Standards: The Experience of the Republic of Latvia

Summary

The article is concerned with 20 years' experience of implementation of Bologna Declaration standards in the higher education system of the Republic of Latvia.

The article offers a concise analysis of such root principles of Bologna system as 1) acknowledging of three cycle system; 2) staff and students' mobility; 3) quality assurance of higher education; 4) promotion of the essential European attitudes in higher education; 5) life-long learning; 6) enhancement of the role of the students in organization of the study process; 7) autonomy for institution and academic freedom; 8) amplification of the European constituent in the national higher education system; 9) single European Higher Education Area (EHEA).

Key words: educational cycles, Credit *Transfer* System, academic mobility, quality assurance.

ZIŅAS PAR AUTORĪEM / ABOUT AUTHORS

Monika Dorota ADAMCZYK

Dr., Department of Sociology
of Knowledge and Education,
John Paul II Catholic University
of Lublin, Poland
monika_dorota@wp.pl

Aigars ANDERSONS

Ph.D., Vidzeme University of
Applied Sciences, Latvia
aigars.andersons@va.lv

Alina BETLEJ

Dr., Department of Social
Microstructures and
Contemporary Sociological
Theories, John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
alinabetlej@kul.lublin.pl

Jozef BUSHATI

Prof. Asoc., University of
Shkodra, “Luigj Gurakuqi”,
Albania
jozefbushati@gmail.com

Jan GONDEK

Ph.D. student in the Department
of Social Microstructures and
Modern Sociological Theories,
John Paul II Catholic University
of Lublin, Poland
jan-gondek@wp.pl

Pavlo KOROBOV

Mgr., John Paul II Catholic
University of Lublin
p.v.korobov@gmail.com

Katrīne KŪKOJA

Mg.sc.comp., HESPI,
Vidzeme University of Applied
Sciences, Latvia
Katrine.kukoja@va.lv

Ligita KŪLE

Mg.sc.soc., HESPI,
Vidzeme University of Applied
Sciences, Latvia
Ligita.kule@va.lv

Katarzyna KWIATOSZ

Mg., John Paul II Catholic
University of Lublin, Poland
katarzynakwiatosz@gmail.com

Marzena PIOTROWSKA- TRYBULL

Dr.hab., prof., Institute of
Management, Faculty of
Management and Command,
War Studies University in
Warsaw, Poland
mtrybull@yahoo.co.uk

Rafail PRODANI

Dr., University “Fan S. Noli” of
Korça, Albania
rprodani@yahoo.com

Anastasiia SIMAKHOVA

Candidate of Economic Sciences,
Assistant Professor,
Oles Honchar Dnipro National
University, Ukraine
Simakhova_a@fme.dnulive.dp.ua

Ольга ВОЛКОВА

Mg.oec., Научный ассистент
Центра социальных исследований
Института гуманитарных и
социальных наук Даугавпилс-
ского университета, Латвия
olga.volkova@du.lv

Владимир МЕНЬШИКОВ

Dr.sc.soc., профессор,
руководитель Центра социаль-
ных исследований Института
гуманитарных и социальных
наук Даугавпилсского
университета, Латвия
vladimirs.mensikovs@du.lv

Валерий НИКИФОРОВ

хаб. доктор философии,
профессор, Латвия
info@bsa.edu.lv

Никита НИКИФОРОВ

доктор политологии, доцент
Балтийской Международной
академии, Латвия
info@bsa.edu.lv

VISPĀRĪGĀS PRASĪBAS ZINĀTNISKAM RAKSTAM

Raksta apjoms: 9–12 lpp (A4 formātā).

Raksta manuskripts iesniedzams pa elektronisko pastu ikgadeja.konference@du.lv. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu (*MSWord*); burtu lielums – 12 punkti, intervāls starp rindām – 1,5. Teksta attālums no kreisās malas – 3,5 cm, no labās malas – 2,5 cm, no apakšas un no augšas – 2,5 cm. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta anotācija: raksta sākumā tūlīt pēc tā nosaukuma jāievieto informatīva anotācija. Anotācijā jānorāda raksta mērķis un uzdevumi, jāformulē pētījuma problēma, jāparāda novitāte un jāsniedz galvenie secinājumi. Atsevišķā rindkopā jānorāda atslēgas vārdi (termini, kas izsaka rakstā aplūkoto jautājumu būtību). Nepieciešams arī šo atslēgas vārdu tulkojums valodā, kurā ir kopsavilkums.

Raksta kopsavilkums: Rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jā sagatavo angļu vai krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu vai angļu valodā.

Raksta valoda: literāra, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jā rūpējas par raksta teksta valodniecisko rediģēšanu, konsultējoties pie attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālista – valodas nesēja. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts (atsauces un piezīmes, bibliogrāfija, tabulas, shēmas, diagrammas, grafiki utt.). Atsauces ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas, diagrammas un citi ilustratīvie materiāli noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (aprēķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tādiem materiāliem ir jābūt ar kārtas numuriem un virsrakstiem. Materiāliem jāizveido to elektroniskā versija un jāiesniedz konferences organizatoriem pa e-pastu ikgadeja.konference@du.lv

References (rakstā izmantoto iespieddarbu saraksts) jāveido un jānoformē precīzi pēc šādiem paraugiem:

Monogrāfijām (grāmatām un brošūrām):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Rakstiem krājumos:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Rakstiem žurnālos:

Bela B. (1997) Identitātes daudzveidība Zviedrijas latviešu dzīvesstāstos. *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sotsiologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Rakstiem laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matemātika pasaule un Latvija. *Zinātnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materiāliem no interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktūra un datu bāze Latgales dati*. (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References sakārtojamas autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) latīņu alfabēta secībā.

RAKSTI, KURI NEATBILST PRASĪBĀM, NETIKS PUBLICĒTI!

GENERAL REQUIREMENTS FOR THE PAPER

The size of the article: 9–12 ph. (A4 format).

The manuscript of the article is to be submitted by e-mail ikgadeja.konference@du.lv. The text should be typed using MS Word *Times New Roman*; the size of letters 12, the interval between lines 1,5. Left margin 3,5 cm; right margin 2 cm; from the top and from the bottom 2,5 cm. If were used special computer programs, they are to be submitted together with the article.

Abstract of the article: in the beginning of the article after title is to be located abstract of the article. In the abstract should be indicated aim, tasks, problem of the research, novelty of the research and main conclusions. The the separate paragraph should be noted key words (terms that reveal the essence of the issues discussed in the article).

Key words should be translated on the language, in which is written abstract of the article.

Summary of the article: for articles in Latvian summary should be prepared in English or Russian; for articles in English summary should be prepared in Latvian or Russian and for articles in Russian summary should be prepared in English or Latvian.

Language of the article: literary, terminologically precise. If the author is preparing the article in a foreign language, the author is responsible for the quality of the language. Author can ask consultation of specialist of relevant social sciences. *Articles in which the language will not follow the rules of spelling, will not be accepted for reviewing.*

Scientific appliance of the article: (references and remarks, bibliography, tabeles, diagrams, charts, graphs and etc.). References in the article should be placed according to this pattern: (Turner 1990); (Mills 1998); (Bela 1997). Remarks and explanations should be placed at the end of the article. Tables, graphs, diagrams, charts and other illustrative materials in the article should be presented indicating the source of the material and, if necessary, the methods applied to draw up tables, graphs, diagrams, charts (calculation, data summarizing and etc.). All materials should have a number and the title. For these materials should be prepared electronic version, which is to be submitted to Conference Team by e-mail ikgadeja.konference@du.lv

References (the list of sources used in the article) formed and executed in accordance with these samples:

For monographies (books and brochures):

Turner, J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Mills Ch. R. (1998) Sociologischeskoje voobrazhenie. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Collected articles:

Turner, R. H. (1990) "A Comparative Content Analysis of Biographies." In: Øyen, E., ed. *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications. pp. 134–150.

Articles in journals:

Bela B. (1997) Identitates daudzbarsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp.* (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii, № 1, str. 37–67.* (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matematiķi pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis, 8. marts.* (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati.* (In Latvian) Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References should be compiled in the Roman alphabet's order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

THE ARTICLES, WHICH DO NOT COMPLY WITH THE GENERAL REQUIREMENTS, WILL NOT BE PUBLISHED!

Tehniskā redaktore,
atbildīgā par izdevumu: **Olga Volkova**

Maketētāja: **Marina Stočka**

Izdevējdarbības reģistr. apliecība Nr. 2-0197.
Iespīests DU Akadēmiskajā apgādā “Saule” —
Vienības iela 13, Daugavpils, LV-5401, Latvija.